

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
«Государственный гуманитарно-технологический институт»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН

Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина (Беларусь)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: Психологические и лингвистические аспекты

Материалы XVII-й Международной
научной конференции
(Орехово-Зуево, 17-19 мая 2017 года)

Москва-Орехово-Зуево, 2017

УДК 81'23
ББК 81.001.3
Я 41

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор *А.В. Пузырёв* (Орехово-Зуево; отв. редактор);

доктор филологических наук, профессор *Е.Ф. Тарасов* (Москва);

доктор философских наук, профессор *А.А. Гагаев* (Рузаевка).

*Печатается по решению оргкомитета
XVII-й Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Я 41 Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVII-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 17-19 мая 2017 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2017. – 188 с.

В сборнике представлены результаты исследований вечной проблемы психологии и лингвистики – «язык и мышление». Особое внимание уделено рассмотрению проблемы «язык и мышление поэта и писателя».

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

ISBN 978-5-87471-252-5

© Коллектив авторов, 2017

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить за просу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р.Декарт, 1936, с. 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Первую группу статей составили статьи, посвящённые проблемам изучения языка и мышления в генетическом и сопоставительном аспектах. В ней рассматриваются: лингвистическая аксиология в свете психолингвистики (Ф.И.Артыкбаева, Шымкент, Казахстан), бразильский карнавал глазами лингвиста-иностранца (Л. И. Батурина; Ресифи, Бразилия); развитие вербальной креативности в детском возрасте (И.А. Гончарова; Орехово-Зуево); трансформация ценностных предпочтений этноса в призме ассоциативных экспериментов (Н.В.Дмитрюк; Шымкент, Казахстан); отражение принципа метафоризации в древнеегипетской письменности (Е.В.Ковалевская; Орехово-Зуево); сложная судьба Марины Цветаевой в психобиографическом аспекте (А.В.Пузырёв; Орехово-Зуево), зависимость социально-психологических установок М.Ю. Лермонтова на социальном, принципиальном и интегративном уровнях от характера протекания его детства и юности (А.В.Пузырёв, И.А.Белова и О.В.Филимонова; Орехово-Зуево); особенности развития лексики в онтогенезе (С.В. Солдатова, Орехово-Зуево), обычно не рассматриваемый толковыми словарями фразеологизм со словом *иной* (И.В. Труфанова, Москва); проблемы мышления и памяти в контексте культуры (Т.А. Janssen-Fesenko, Oldenburg; S.L. Fesenko, Sankt-Petersburg).

Во второй группе статей рассматриваются логико-структурные аспекты проблемы *язык и мышление*. Рассмотрены: метафора в концептуализации смысла (С.Г. Воркачев, Краснодар), соотношение нормы и вариативности в языке (Н.В. Гаврилова, Орехово-Зуево), соотношение понятий «эмфатическое ударение» и «продление звуков» (А.Д. Гимаева, Ульяновск); фактор времени в контексте культуры общества (С.В. Дмитриук, Москва); поиск единичного и особенного при идентификации и диагностике личности в лингвистике (С.В. Ионова, Волгоград); основные аспекты русских вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Какое дело ему до этого?* (А.Ф. Калинин, Балашов); предложения характеристики в современном французском языке (А.А. Малахова, О.А. Касаткина, Орехово-Зуево); синхроническая и диахроническая лингвистика согласно концепции Фердинанда де Соссюра (Т. С. Кириллова, Астрахань); понимание как вид автокоммуникации (Е.С. Никитина, Москва); смысловые и концептуальные структуры изосемии в русском и других европейских языках (С.Л. Сахно, Париж); семантические группы афоризмов, посвященных динамичности мысли (Ж.Б. Тхакушинова, Краснодар); телескопия как вполне самостоятельный словообразовательный тип во французском языке (Н.В. Шишонинова, пос. Электроизолитор Московской обл.); специфика концептуально-вербальных интерпретаций в контексте «мира значений» (Т.А. Янссен-Фесенко, Ольденбург; С.Л. Фесенко, Санкт-Петербург).

Относительно небольшая группа статей посвящена динамическим аспектам проблемы *язык и мышление*. Здесь изучаются: биологическая обратная связь для выявления эмоционально нагруженных теоретических понятий в психологическом консультировании (А.И. Балыкин, Т.В. Балыкина-Милушкина, Москва); мотивационные предпочтения агрессивных детей (Е.Е. Копченова, Орехово-Зуево); психологические механизмы порождения и понимания речи (А.Ф. Корниенко, Казань); развитие мыслительных процессов в старшем дошкольном возрасте (С.А. Озерова, О.Ю. Орлова, Орехово-Зуево).

В четвёртой группе статей объединены материалы, посвящённые функциональным аспектам исследования языка и мышления. Перед читателем предстанут: берестяные грамоты и смс-коммуникация как фактор психолингвистики (А.В. Блохин, Орехово-Зуево); рекуррентные языковые единицы в профессиональном дискурсе (Е.И. Голованова, Челябинск); фоносемантическая характеристика речи персонажей народных сказок о животных (И.И. Зорина, Ульяновск); рекламные ролики /споты/ как источник информации о языке и культуре Франции (Фр.Йеш, Париж, Франция); автоматизированный анализ ассоциативной цветности на уровне слова и текста (Г.Р. Кочетова, Кумертау); речевая эволюция конструктивности и деструктивности в массовых песнях (И.В. Крашенинникова, Ульяновск); этический компонент современной языковой игры (И.В. Приорова, Нанкин, Китай); иностранные языки в общепрофессиональной деятельности: многоязычие в Алжире (N. SADI, Algérie, И.И. Ковалевская, Орехово-Зуево), роль языковой картины мира в процессе познания (А.С. Стрельцова, Ташкент, Узбекистан); многоязычие стилей эмоцио-

нального медийного дискурса (В.И. Шаховский, Волгоград); суммативность смешанных эмоций (А.А. Штеба, Волгоград).

Участники конференции не обошли вниманием и педагогические аспекты исследования языка и мышления. Их внимание привлекли: движение как метод коррекции у детей с ограниченными возможностями здоровья (О.В. Брекина, Орехово-Зуево); культурологический подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе (Е.П. Ильчинская, пос. Электроизолатор Моск. обл.); использование алгоритма при обучении речи на иностранном языке (И.И. Ковалевская, Орехово-Зуево); роль образного мышления в процессе обучения иностранному языку (Е.Л. Морина, Москва); изучение синестезии на уроках русского языка и литературы (О.Г. Мукина, Ульяновск); речь, мышление и обучение иностранным языкам (И.М. Румянцева, Москва), лингвокультурологический анализ художественного текста в обучении русскому языку (Г.Г. Хисамова, Уфа).

И, конечно, участники конференции обратили внимание на специфику языка и мышления поэта и писателя в художественной речи. Ими были рассмотрены: имянаречение как текст во французском Новом Романе (А.Г. Вишняков, Орехово-Зуево), персонажно-авторская речь как способ моделирования чужого сознания (О.А. Кострова, Самара), имплицитность в идиостиле А.П. Чехова (Л.А. Сергеева, Уфа), поэтическая музыка и мистика как формы духовного гнозиса (М.В. Яковлев, Орехово-Зуево), а также был предложен ответ на вопрос – почему же плакал Печорин (Э.А. Лаврова, Орехово-Зуево).

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

А.В. Пузырёв

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Канд. филол. наук Ф.И.Артыкбаева (Шымкент, Казахстан)
artykbaieva.fazila@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Каждая этническая группа обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует её специфические – действительные и воображаемые – черты. Любая нация интуитивно ассоциируется с тем или иным обобщённым образом. Уже в этом соотношении ценностей и национальных стереотипов виден определённый эмоциональный тон, проступает отношение к оцениваемым образам.

Традиционно следует отметить и то, что ценности бывают разными: одни из них связаны с высшими духовными потребностями человека, другие – с его непосредственным материальным бытием. Принято считать, «чем выше стоит в этой иерархии воплощённая в объекте ценность, тем выше его культурная значимость. И наоборот, если объект лишается присущей ему ценности, то он перестаёт быть объектом культуры» [Жамбаева, 2010, с. 13].

Стержнем ценностного отношения человека к миру становится картина мира того социума, в котором он живет. Этот стержень «цементирует» внутри-этнические законы, нормы, правила поведения, поскольку является результатом восприятия и овладения миром человека, итогом освоения потока жизненных впечатлений об окружающей его действительности, составляющих целостную систему представлений о внешнем мире. Такая ценностная картина мира состоит из определённых элементов и компонентов, подразделяющихся по своему содержанию, во-первых, на универсальные, общечеловеческие, присущие людям любой эпохи и любой национальности; и, во-вторых, на особенные, специфические, характерные только для определённого (этнокультурного) сообщества.

Учитывая столь интенсивный исследовательский интерес к категориям ценностей во многих отраслях современной науки (подогретый, возможно, обострившейся в настоящее время социокультурной обстановкой в геополитическом пространстве Европы, Евразии и Ближнего Востока), считаем изучение ценностной картины мира того или иного этноса весьма перспективным и во многом прогностическим, тем более с позиций сопоставления, что позволяет исследователям дифференцировать национально-детерминированную шкалу базовых ценностных категорий представителей различных культур и социумов.

Таким образом, при всей важности лингвистической аксиологии многие её вопросы ещё не решены: не выделены основные единицы аксиологической лингвистики и их сущностные признаки, недостаточно освещены способы языковой репрезентации ценностей, не разработана методика их изучения, не показаны преимущества сопоставительного анализа аксиологических картин мира,

и даже однозначное определение ценностей отсутствует. Повышенное внимание в современной лингвистике к ценностной и оценочной стороне наивной картины мира человека определяет актуальность темы нашего исследования и побуждает искать пути обнаружения базовых ценностей этноса и прослеживания их динамики в диахронии.

Цитируемая литература

Жамбаева Ж.А. Аксиологические стереотипы языкового сознания казахстанцев // Автореф. ... докт.филол.наук: 10.02.19. – Кокшетау, 2010. – 56 с.

Канд. филол. наук Л. И. Батурина (Ресифи, Бразилия)
baturina_l@yahoo.com

БРАЗИЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ ГЛАЗАМИ ЛИНГВИСТА-ИНОСТРАНЦА

У каждой культуры есть свой лингвистический набор терминов, словоформ, идиом и т.д., сопровождающие фольклорные праздники. Для человека, в эту культуру не погруженного, они всегда предстают в виде психолингвистических лакун. К таким психолингвистическим лакунам вполне можно отнести бразильский карнавал, знакомый миру лишь по ряду телевизионного клише. Нам интересна тема карнавала в плане соприкосновения культур и влияния языка на мышление. Например, в Ресифе, столице штата Пернамбуко на северо-востоке Бразилии, есть музей карнавала, где целый зал экспозиции посвящен взаимопроникновению слов различных языков, так или иначе связанных с Бразильским карнавалом. Это взаимопроникновение продолжается и поныне.

Бразильский карнавал – это локальный вариант Масленицы, христианского праздника накануне Великого Поста, периода искупления, что символизировало освобождение и приготовление к новому рождению после смерти. Освобождение в данном контексте – ключевое слово, именно этот аспект был воспринят бразильским карнавалом. Освобождение от социального статуса зависимого, возможность радоваться без ограничений. Именно в период становления бразильских карнавальных традиций, завезенные в Бразилию в 17 веке из Италии и Франции маски, фантастические костюмы, образы Пьеро, Колумбина, толстяка-весельчака естественным образом прижились на их карнавале.

Важным аспектом в те времена стало групповое участие в карнавале, когда богатое сословие попыталось отказаться праздновать карнавал вместе с бедняками и рабами, но те успешно отстаивали свое право участия, организуясь, в противовес богатым в свои группы. Так, для продвижения в толпе группы выстраивались либо в цепочки танцующих, называемые *cordoes* 'верёвки/шнуры/кружева/струны', либо в более мощные построения: прямоугольником *blocos* 'блоком'; треугольником *corsos* 'корсары'. Все эти формы закрепились и сохранились до наших дней.

Сегодня *blocos de Carnaval* состоят из группы людей, которые одеваются в костюмы или специальные тематические футболки. *Blocos*, как правило, связа-

ны музыкальной темой, часто специально придуманной для этого случая песней, и сопровождаются антуражем *foliões* 'гуляк' (форма мн.ч).

Os foliões do carnaval prometem uma festa magnífica apesar de terem menos dinheiro. (буквально: гуляки карнавала обещают чудесный праздник, несмотря на то, что у них мало денег)

Слово *folião* (форма ед. ч.) совсем не несет в себе отрицательной коннотации, как русское «гуляка», а наоборот, означает того, кто принимает участие в карнавале, в свободном качестве, в своем собственном костюме, получающего удовольствие от живой и шумной среды, и ведущего себя так же.

Год за годом становятся богаче танцы и песни, оттачивается локальная культура праздника, выделяются центры карнавала. На северо-востоке с богатым наследием индейской культуры – это Ресифе. В центральной части страны с самым большим количеством выходцев из Африки это Сальвадор. И ниже по карте, это, конечно, бывшая столица страны – Рио, где карнавал «окультурился» в коммерческое шоу.

Музыкальный стиль самба в **Рио** должен непременно оформляться в сюжет, различный год от года. Специально для шоу построена улица с трибунами, отсюда возникло слово *Sambódromo* 'путь самба' длиной в 3 км, по которому должна пройти с представлением каждая из школ танца.

Seis escolas de samba vão desfilar no domingo. (буквально: шесть школ самба собираются прошеествовать в воскресенье)

As escolas de samba deram um show maravilhoso no sambódromo do Rio. (буквально: школы самба сумели показать прекрасное шоу на самбадроме Рио)

Лингвистика карнавала в **Сальвадоре** имеет свое объяснение через афробразильские религиозные культы *Candomblé* и *Umbanda*, распространенные в штате Баия, в прошлом регионе с самым большим количеством рабов, привезенных из Африки. В этих культах используется особый ритуал приветствия *Axé*, буквально 'хорошие вибрации'. Слово *музыка* было присоединено к слову *Axé* в качестве критичного сленга в местной музыкальной среде. Но в контексте карнавала это слово означает целый музыкальный стиль африканских ритмов, совмещенных с поп-рок-твистом.

Еще одно слово, сопровождающее карнавал в Сальвадоре, это *Abadá*, пришедшее в Бразилию из фольклора коренного населения Конго и Судана Абада – мифическое животное, схожее с европейским Единорогом. Однако в отличие от последнего, Абада имеет два изогнутых рога. По аналогии с рогом Единорога, рога Абады считаются противоядием от любого яда. *Abadá* напрямую связано с капуэйрой, танцем-борьбой, распространенным именно в штате Баия. Яркое и красочное изображение Абады возглавляет карнавальные блоки.

На северо-востоке Бразилии не признают коммерческий характер карнавала Рио и транспортный кортеж блоков Сальвадора с их *des files de carnival* 'прохождение колоннами'. Карнавал Ресифи ввел выражение *blocos de rua* 'уличные блоки', являющиеся главной привлекательностью карнавала этого региона: демократический фольклорный праздник, где *гуляки foliões* наиболее уместны. Эти уличные блоки встречаются и тренируются весь год, чтобы весело пройти по карнавальным улицам, соперничая друг с другом в мастерстве музыки,

фантазии костюмов, громкости и наибольшего количества сопровождающих их гуляк. Последние голосуют ногами, перемещаясь от одного понравившегося им блока к другому.

На северо-востоке исполняются только вариации музыкального стиля *Frevo*, что даже закреплено местным неписанным законом. Фрево – это не только музыка, но и характерный полу-акробатический, очень популярный в регионе танец. Даже находящийся там музей карнавала носит название Музей Фрево. Слово *Frevo* образовалось от неправильно произносимого [frever] португальского слова *ferver* 'кипятить'. Говорят, что звуки Фрево заставляют слушателей и танцоров чувствовать, так, как если бы они кипели на земле. Но рождение этого музыкального стиля принадлежит военным. В конце 19-го века военный оркестр полков бразильской армии, базирующихся в городе Ресифе, ввел традицию выступления-парада во время карнавала. Так как карнавал изначально был связан с религией, они исполняли музыку, совмещающую в себе мелодию религиозных процессий с военными маршами. Отсюда пошло развитие музыкальных ритмов Фрево.

Фрево органично сплетается с *Maracatu*, ритмами африканской культуры, где доминирующими являются барабаны, и которую в прошлом использовали для сбора чернокожего населения. На карнавале Маракату трансформировалось в красочное костюмированное музыкальное шествие, в память о различных племенных королей Конго, увезенных в рабство вместе со своими подданными.

Ночной карнавал органично перетекает в утренний, который начинается с театрализованного пения петуха и называется *Galo da Madrugada* 'утренний петух'. Это многомиллионное шествие гуляк *foliões*, которое сопровождается энергичными танцами и прыжками под музыку. Именно прыжками, что повлияло на возникновение других, относящихся к карнавалу, устойчивых лексических выражений.

Празднование Карнавала в Бразилии непосредственным образом связано не только со словами-терминами, но и с выбором глаголов, а также их грамматическими формами. Автор статьи провела пилотажный опрос среди носителей языка в Европейских христианских странах о наиболее часто употребляемых глаголах со словом *Карнавал*. Только с точки зрения лингвистики, без глубокого исторического контекста, что, безусловно, является слабым звеном блиц-исследования, выявилась следующая зависимость глагольных форм от формы и интенсивности празднования карнавала.

Наиболее нейтральные глаголы наблюдаются в христианских странах и языках, где широкое празднование карнавала не является на сегодня представительной частью культуры:

Румынский: *Sărbătorind Carnavalul* – 'праздновать карнавал'

Итальянский: *Festeggiare Carnevale, partecipare al carnevale* – 'праздновать карнавал, участвовать в карнавале'

Испанский: *Celebrar el carnaval, participar en el carnaval* – 'праздновать карнавал, участвовать в карнавале'

Недерландский: *Carnaval vieren* – 'праздновать карнавал'

Иная картина наблюдается в «карнавальных» культурах:

Польский: *Bawić sie na karnawale* – 'игратьСЯ на карнавале'. Выбор глагола предполагает маскарадное действие, клоунаду.

Французский: Карнавал в Дюнкерке, Калле, известен свои размахом и продолжительностью в несколько дней. В этом регионе большой процент населения – мигранты из Польши. Отношение к карнавалу определяется не только глаголом, но и артиклем, вернее, его отсутствием, что указывает на универсальность объекта, как явления. Если в нормативном французском *Faire le carnaval* – 'делать карнавал', то в Данкерке: *Faire Carnaval*

Английский: Выбор глаголов широк, от формальных и нейтральных *To participate in carnival, going to the carnival, to be at the carnival, to dance in the carnival, attending/visiting/heading to carnival, to be in the procession*” до *to be on a float* – 'быть на плаву', обозначая как участие в шествии, так и поток, продвижение вместе с людскими потоками.

Русский: *праздновать Масленицу*. Наблюдается полное замещение слова *карнавал* на местный термин, несмотря на видоизменения термина во времени, географически и социально. Как социально-политическое видоизменение, Масленица существовала как *проводы зимы*. Наряду с этим в русском присутствует термин *карнавал*, который часто путается с *маскарадом*, но глагол *праздновать* с ним не употребляется.

Немецкий: Похожая картина наблюдается и в немецком языке: *Feiern Carnaval* – 'праздновать карнавал'. Наряду с этим слово *карнавал* заменяется на *Fastnacht* 'ночь поста' – *an die fastnacht gehen* – 'идти на ночь поста'. С одной стороны, *carnevale* близко по значению с *Fastnacht*, но только в русской и немецкой языковой культуре имеет место полное замещение термина своим. Причем в немецкой культуре *Fastnacht*, термин строго привязанный географически к юго-западному региону, ближе к Австрии, а *Karneval* существует для всех остальных.

Еще более примечательным, и отчасти схожим с английской культурой, является использование глагола *Schwimmen* 'Плыть' – *Schwimmen Karneval* 'плыть карнавал', и отсюда название ежегодного, раз в году школьного праздника *Schwimmenfest der Schule* 'плавательный праздник', *der schulische Schwimmenwettbewerb* 'школьные плавательные соревнования' с различными подвижными играми в помещении школы. Ни один из этих терминов не имеет ничего общего с плаванием, водой и лодками, а берет свое начало от карнавальных шествий. Так же, как и английский *float* 'поток'.

Еще более интересным представляется сравнение практически идентичных языков, но разных культур Португалии и Бразилии.

Португальский в Португалии: *vamos ter carnaval* 'у нас будет карнавал' или *vamos brincar NO carnaval* 'будем играть НА карнавале' (прямое дополнение с предлогом в строгом соответствии с грамматикой)

Португальский в Бразилии: *brincar Carnaval* 'играть карнавал'. Прямое дополнение без предлога здесь отражает языковое мышление, суть отношения бразильцев к карнавалу. Они именно играют карнавал, как играют в театре пьесу. Отсюда ежегодное изменение темы выступлений блоков. Даже девиз карнавала обязательно меняется каждый год. Характер карнавальных костюмов, ат-

мосфера детского праздника, театральности действия, лишённого излишнего сексуального или политического подтекста, типичного для карнавалов стран Европы, диктуется этим выбором глагола 'играть'. Не случайно маскарадные костюмы в Бразилии носят также название *fantasias*, но не 'маскарадные'.

Еще один, не менее примечательный бразильский глагол, употребляющийся со словом карнавал *pular o Carnaval*. Буквально 'прыгать карнавал'. Употребление глагола *прыгать* с прямым дополнением без предлога наиболее точно отражает происходящее на улицах Бразилии, когда многомиллионная масса людей зажигательно и энергично прыгает под музыку карнавальных ритмов.

«Milhões de foliões invadiram as ruas para pular o Carnaval no Brasil.» (буквально: миллионы гуляк заполнили улицы, чтобы прыгать Карнавал)

Интересно, что для бразильцев словосочетание *участвовать в карнавале* звучит также нелепо, как и для европейского уха *прыгать карнавал*, где *карнавал* выступает опять же в роли музыки и пьесы, нежели праздника.

Бразильский карнавал – это великолепный образец фольклорной культуры, нашедший свое отражение в языке. Несмотря на общность христианского праздника психолингвистика бразильского карнавала, особенно в сравнении его вербальных форм с языками других христианских стран, позволяют воссоздать картину мира и образ мышления бразильцев, помогает понять культуру страны и уйти от клишированности восприятия народа в целом.

И.А. Гончарова (Орехово-Зуево)
inegon@mail.ru

РАЗВИТИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

В настоящее время человек вынужден жить в условиях постоянно изменяющейся социокультурной и socioэкономической реальности. При этом скорость изменений в современном мире неуклонно растет, повышается уровень сложности и неопределенности окружающей среды [Зеленкова, 2009]. В создавшихся условиях чрезвычайно важны личностные компетенции, помогающие быстро адаптироваться к новым требованиям. В связи с этим изучение развития вербальной креативности у детей представляется особенно актуальным.

В современной психологической науке на сегодняшний день не существует однозначной интерпретации понятия вербальной креативности, единого мнения о ее природе, критериях и условиях развития. Мы опираемся на определение вербальной креативности, данное О.К. Шульга, которая рассматривает вербальную креативность как компонент структуры языковых и речевых способностей, определяющих успешность всех видов речевой деятельности [Шульга, 2013].

Каждый возрастной период создает благоприятные условия для развития и проявления вербальной креативности, которая, как показывают исследования Т.В. Зеленковой, имеет выраженные гендерные различия [Зеленкова, 2015а; 2015б; 2016]. В.Н. Дружинин выделяет две фазы развития креативности, которые, в частности, относятся и к развитию вербальной креативности. Первая

фаза – период дошкольного детства. В этот период происходит развитие «первичной креативности», неспециализированной по отношению к определённой области жизнедеятельности человека, и далее переходит в латентное состояние.

Вторая фаза – подростковый и юношеский возраст (от 13 до 20 лет). В этот период на основе «общей» креативности формируется «специализированная» креативность: способность к творчеству, связанная с определенной сферой человеческой деятельности. При этом актуализируются различные формы креативности, специализация которых зависит от внутренних и внешних детерминант [Дружинин, 2008].

Большинство психологов отдельно выделяют творческую одаренность, рассматривая креативность (творческий потенциал) человека как один из важнейших и, в известной мере, независимый фактор одаренности, которая может проявиться именно благодаря творческому процессу, что особенно характерно для детского возраста [Зеленкова, 2001].

Для изучения особенностей проявления вербальной креативности на разных возрастных периодах развития, нами было проведено исследование, охватывающее испытуемых разных возрастных групп. Материалом для исследования являлись тексты сочиненных детьми волшебных сказок. Результаты этого исследования показали, что с возрастом растет когнитивная и смысловая сложность сочиняемых сказок, однако сам процесс сочинения в дошкольном возрасте протекает легче, чем у младших школьников и подростков. Идеи дошкольников часто оригинальны и необычны за счет не критичности детей данной возрастной группы к построению фраз и предложений, так называемой «наивной креативности». В более старшем возрасте истории не столь фантастичны, как у дошкольников, но они отличаются глубиной мысли и включение в текст морального содержания.

Таким образом, можно отметить существование возрастных различий вербальной креативности в детском возрасте. Знание этих особенностей поможет понять принципы организации специально организованной среды для развития вербальной креативности детей и подростков.

Цитируемая литература

Дружинин, В.Н. Психология общих способностей. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008.

Зеленкова Т.В. Функционально-статистический анализ сказок, сочиненных детьми // Вопросы психологии. 2001. № 6. – С. 17-26.

Зеленкова Т.В. Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Прогресс психологии. Критерии и признаки / Ред. Журавлев А.Л., Марцинковская Т.Д., Юревич А.В. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 32-62.

Зеленкова Т.В. Гендерные различия в использовании активного словаря при выполнении творческого задания детьми дошкольного и младшего школьного возраста // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юби-

лейной конференции: в 5 томах: Том 5 /Отв. ред. Богоявленская Д.Б. – М.: Когито-Центр, 2015а. – С. 76-78.

Зеленкова Т.В. Лексические и структурные маркеры детской креативности // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. Ред. проф. А.В. Пузырев. – М.: Московский Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015b. – С.42-43.

Зеленкова Т.В. Гендерная специфичность лексики в устном импровизационно-словесном творчестве детей // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Международной научной конференции / Отв. ред. проф. А.В. Пузырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «ГГТУ», 2016. – С. 82-85.

Шульга О. К. Вербальная креативность как составляющая языковых и речевых способностей // Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков : материалы Республиканского науч.-практич. сем. с междунар. участием «Инновационные технологии в современной парадигме языкового образования» (Минск, Белорус. гос. ун-т, 26-27 октября 2012 г.) / отв. ред. О. И. Уланович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013.

Докт. филол. наук Н.В.Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)
nvdmitr@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЭТНОСА В ПРИЗМЕ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Общеизвестно, что традиции, обычаи, ритуалы, подобно любой иной форме поведения человека, отражают объективную действительность, в которой формируется и функционирует этнос. Однако процесс отражения этой действительности осуществляется под особым, этноспецифическим углом зрения, что обуславливает и способ преломления социальных явлений в характере традиций. Так же неоспоримо и то, что для поддержания жизнеспособности традиций этноса необходимо постоянное «обновление», регенерирование социальных отношений прошлого в настоящее, а также трансформация их в будущее.

Поскольку формирование этноса есть в известном смысле становление его традиций, постольку этническая общность связывается и стабилизируется правилами поведения, способом действий, традициями, обычаями и общими ценностями, в которых выражается отношение социума к миру и в какой-то степени идентификация и консолидация его членов. Вместе с тем традиции не только *обязывают*, то есть выполняют функции «навязывания» форм поведения, но и *связывают*, и эта их сторона оказывается не менее важной для понимания роли традиционных оценок и механизмов поведения. Нарушение традиций их носителями воспринимается как вызов обществу, как ущерб его авторитету, и общее мнение, сформированное на этой основе, как правило, имеет ярко выраженную окраску неодобрения с позиций господствующих норм и ценностей.

Наши исследования традиций и их трансформации исследуются на материале ассоциативных экспериментов, проведенных с разными поколениями ка-

захских респондентов. Эксперименты советского периода отражены в нашем Казахско-русском ассоциативном словаре (КРАС-1978, см. [Дмитрюк 1978]), а более поздние исследования – в Казахском ассоциативном словаре (КАС-2014, см. [Дмитрюк и др. 2014]), что позволило осуществить внутриэтнические диахронические сопоставления традиционных этноспецифических ценностей в их временном континууме.

Все нынешние ассоциативные работы в Казахстане, в том числе и ассоциативные словари, отражают ментальность и языковое сознание современных представителей титульного этноса. При этом у нас оказалась уникальная возможность оглянуться на 40 лет назад и сравнить – что изменилось в ментальности, в языковом сознании этноса? Появились ли новые ценности? Что ушло из первоочередных, когда-то массовых идей и предпочтений и что осталось неизменным – из числа базовых, концептуально значимых *традиционных* ценностей, принятых именно в данном этническом сообществе?

Наиболее отчетливо эта разница способна проявиться в содержании так называемого ‘ядра’ языкового сознания (ЯЯС), выстроенного на материале прямых и обратных ассоциативных словарей: ядром принято называть наиболее часто воспроизводимые ассоциации-реакции (R) в ответ на предлагаемые в эксперименте слова-стимулы (S).

Сопоставление ЯЯС респондентов-казахов двух поколений показало, что в концептуальном центре ядра (первые 10 слов-значимостей) основные ценности остались неизменными: из 10 слов совпали 7 – *адам* (человек), *бала* (мальчик, дитя), *әдемі* (красивый), *жақсы* (хороший), *жаман* (плохой), *көп* (много), *үлкен* (большой) [см. : Артыкбаева 2017, с. 8].

Вынося за рамки данной публикации более детальный анализ ценностных предпочтений казахов двух поколений (советского и современного периодов), позволим себе сделать несколько общетеоретических заключений.

Манифестируемые современным сообществом гуманистов-демократов идеи трансформирования этноспецифических особенностей в русло неких общечеловеческих, общегуманистических ценностей легли в основу широко распространившейся в конце XX и XXI вв. концепции глобализации и мультикультурализма. Однако массовая миграция восточного мира на запад, начавшаяся в последние десятилетия XX века, отчетливо показала, что прекрасноразумные рассуждения теоретиков от науки и заинтересованных в своих геополитических интересах политиков разных мастей об «обмене культур и ценностей», о «врастании в иную культуру», о «положительном облагораживающем влиянии запада на варварские устои жизни обездоленных народов» оказались на деле пустыми словами и ложными посланиями, а на деле обернулись трагическими событиями, разъединением на социально несовместимые слои, вплоть до террористических атак.

На наш взгляд, несостоятельность идей мультикультурализма, основанная на якобы «слиянии» востока и запада, коренится не только в современной неблагоприятной политике разных европейских государств, но, что гораздо важнее, и в глубинных архетипах сознания, укоренившихся в мощном этнокультурном

стержне специфического мировосприятия и соответствующих ему принципах самоидентификации этноса в целом и отдельного представителя, в частности.

Сравнительный анализ стран Востока и Запада в разрезе культурно-исторических исследований показывает, что различия между этими двумя регионами издавна приобрели характер достаточно резких структурных расхождений, начиная с эпохи Возрождения вплоть до настоящего времени. Разрыв традиционных структур в западноевропейском обществе был осуществлен в процессе развития индустриального способа производства, принципиально отличавшегося от евразийского и среднеазиатского.

Эти факторы не могли не накладывать определяющего отпечатка на формы и способы культурно-исторического и нравственно-психологического отражения социальной действительности человеком, что закрепилось в архетипах языкового сознания и принципиально несхожих языковых картинах мира представителей Востока и Запада. Систематическое воспроизведение традиций, объясняемое тем, что на первых этапах своей истории общество для обеспечения жизнеспособности своего существования стремилось скорее *не к развитию*, а к *сохранению* и укреплению сложившихся способов и приемов деятельности, накладывало отпечаток на специфические особенности процесса формирования своего (восточного, азиатского) мировоззрения и системы своих ценностей.

Наши исследования показали, что «ядро» языкового сознания того или иного этноса дает весьма наглядную картину ценностных предпочтений общества в данный период развития. Более того, в тех случаях, когда такие эксперименты проводились и ранее, возникает уникальная возможность сравнения того, что изменилось и что осталось неизменным в ценностных ориентациях социума у представителей разных поколений и этносов, и попытаться осознать и проанализировать, в каком направлении движется общество, трансформируя свой выбор в предпочтении ценностей.

Цитируемая литература

Артыкбаева Ф.И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры. – Автореф. ... канд.наук. Тверь, 2016.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. – Шымкент-Москва, 1978. – 246 с. или <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. – 330 с.

Канд. филол. наук Е.В.Ковалевская (Орехово-Зуево)

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ПРИНЦИПА МЕТАФОРИЗАЦИИ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Впервые явление метафоры рассматривается в трудах античных философов, прежде всего Платона и Аристотеля. Собственно, тогда и появляется само понятие метафоры и, несмотря на то, что в последнее время ее изучение пере-

шло на качественно новый уровень (когнитивная теория метафоры), рассмотрение этой проблемы продолжается в основном через призму собственно речи: т.е. метафорический перенос, метафорическое выражение и т.д.

Античные авторы, а вслед за ними и поколения западноевропейских и русских ученых и философов, рассматривали метафору прежде всего как обязательное дополнение речи, украшение. И только гораздо позже, после появления работ Ж.-Б. Вико, Дж. Лакоффа, Э. Маккормака и др. приходит осознание того, что наша речь метафорична, что метафора органически присуща языку, т.к. метафора в языке – это есть отражение одного из свойств человеческого мышления.

К этим выводам пришли исследователи, которые обратились к анализу мифотворчества как к источнику, позволяющему исследовать глубинные психологические процессы сознания, когнитивно-мыслительные и лингвистические аспекты отражения реального мира. Мифологические структуры, базирующиеся на метафорической интерпретации действительности, отражают восприятие первобытным человеком системных связей и организации окружающего его мира. «Первобытное мышление представляет собой систему понятий, заключенных в образы» [Леви-Строс, 1994].

Дж. Лакофф в своей книге «*Methaphors we live by*» впервые формулирует теорию использования метафоры в повседневной речи, основной идеей которой является использование концептуальной системы, основанной на опыте непосредственного восприятия действительности для передачи «ненаблюдаемых мыслительных пространств». Другими словами, метафора дает возможность выразить сложное через простое, абстрактное через конкретное.

Итак, сферой приложения теории метафоры остается живая речь, хотя уже и в более широком понимании и в тесном переплетении с процессами мышления. Представляется интересным проанализировать примеры того, как метафора, точнее, принцип метафорического осмысления действительности, нашел свое отражение в одной из древних систем письменности. Речь идет о языке и письменности Древнего Египта.

Иероглифы оставались загадкой для исследователей на протяжении почти двух тысяч лет. И, несмотря на то, что на протяжении всего этого времени предпринимались неоднократные попытки их дешифровки, к началу 19 века сложилось мнение, что проблема слишком сложна и запутана для того, чтобы ее можно было решить в обозримом времени. С одной стороны, это было следствием того, что, начиная со времен древних греков, вокруг египетской иероглифики создавалась атмосфера мистицизма и таинственности. С другой стороны, это было абсолютно правильное и объективное понимание того, что ученые имеют дело не просто с забытой письменностью, которую надо сопоставить с одним из известных языков, но с забытым языком, написанным неизвестной системой знаков. К счастью, мнение о неразрешимости проблемы оказалось ошибочным, и уже в 1822 г. французским ученым Ж.-Ф. Шампольоном был найден ключ к разгадке тайны иероглифических текстов.

Еще в 17 веке, монах-иезуит А. Кирхер написал труд, посвященный египетским иероглифам, где помимо совершенно неправильного «толкования»

смысла самих иероглифов, высказывалась, однако, верная мысль, что ключом к расшифровке древнеегипетского может послужить язык коптский. Сейчас хорошо известно, что коптский язык является самой поздней ступенью развития древнеегипетского языка (с III в. н.э. до VII-XII вв. н.э. и вплоть до XVI-XVII вв. н.э.). Но копты заимствовали греческий алфавит, приспособив его для своих нужд (в частности, использовали буквы греческого алфавита для обозначения звуков коптского языка, которых не было в греческом языке).

Другим, не менее важным отличием системы письма коптского языка от древнеегипетского, являлось то, что копты стали фиксировать на письме гласные, тогда как на всем протяжении развития собственно древнеегипетской письменности (иероглифика, иератика и демотика) гласные на письме не отображались.

Древнеегипетский язык относится к семито-хамитской семье языков, в которой вместе с коптским составляет отдельную группу, И для него, как и для семитских языков, характерно преобладание роли согласных над гласными. Есть также данные, что жители Верхнего и Нижнего Египта говорили на разных диалектах, которые отличались друг от друга преимущественно огласовкой, т.е. составом гласных. Соответственно, отсутствие гласных на письме удовлетворяло потребностям обмена информацией на письме, и различия местных диалектов не влияли на понимание текстов: скажем, написанное писцом, говорившем на верхнеегипетском диалекте могло быть без труда понято жителем Нижнего Египта, хотя при встрече они бы друг друга не поняли.

Египетский язык прошел очень долгий путь: это единственный язык, историю которого мы можем проследить на протяжении почти пяти тысяч лет. Письменность Древнего Египта также прошла несколько этапов в своем развитии. Первоначально она, как и все древние письменности, представляла собой пиктографию, т.е. знаки, рисунки, изображения конкретных предметов для обозначения названий этих предметов на письме : – "человек", – "глаз", – "солнце" и т.д. Эти рисунки обозначали лишь непосредственно те предметы, которые они изображали. Следующим этапом стало создание идеографического (смыслового) письма. При помощи идеограмм стало возможным записывать несложные отвлеченные понятия, причем картинка (идеограмма) уже не носила характер прямого соответствия изображения и смысла: знаком изображалось понятие "день", знаком – глагол "смотреть". Налицо метафорический перенос, сначала, очевидно, появившийся в речи, а затем зафиксированный в языке, что и нашло свое отражение в письме. Изображение конкретного предмета приобрело способность обозначать понятие, ассоциативно, метафорически с ним связанного.

Следующим, практически революционным этапом в развитии письменности, стал переход от изображения (условного) предметов/понятий к обозначению на письме собственно звуков речи, т.е. звуковой оболочки языковых единиц.

Древнеегипетская письменность в том виде, в каком она нам известна, египетская иероглифика, сложилась очень рано, по-видимому, во второй поло-

вине IV тысячелетия до н.э., и в дальнейшем претерпевала лишь незначительные изменения, не затрагивающие системы письма в целом. Все иероглифы можно разбить на два больших класса: фонограммы и идеограммы, причем одни и те же иероглифы могут выполнять, в зависимости от контекста, разные функции.

К фонограммам относят одно-согласные (или алфавитные), двух-, трех-, и даже четырех-согласные знаки: – [m], – [nb], – [nfr], – [mdšt]

Однако, как уже было сказано, гласные на письме не отображались, а набор согласных мог совпасть для совершенно разных слов, обозначавшихся по принципу консонантной омонимичности одним и тем же иероглифом. Например, иероглифом , первоначально означавшим "дом" можно было написать как собственно существительное "дом" – [rg] (ср.: коптское nēf), но и глагол "выходить" – [rg] (ср.: коптское nīre). Чтобы избежать искажения смысла, непонимания при чтении, запись слова фонетическим способом дополнялась нечитаемым знаком-определителем, т.н. детерминативом. Так слово "дом" записывалось с определителем , а слово "выходить" – с определителем и алфавитным иероглифом – [r], как бы в дополнение к предыдущему фонетическому иероглифу для пояснения: . Детерминативы являлись идеограммами и не читались, а лишь поясняли смысл написанного, ими сопровождалось, как правило, все полнозначные слова, вне зависимости от того, имелись ли у них омонимы.

Характерно, что в качестве детерминативов использовались значки, не отсылающие к какому-либо конкретному предмету, а особые смысловые иероглифы, соответствующие неким абстрагированным собирательным представлениям.

Ассоциации, в которых выступали последние, базировались на принципе метафоризации. Так, определителем любого абстрактного, отвлеченного понятия был избран – знак, изображающий свернутый свиток папируса с завязками и печатью, что, по замечанию выдающегося русского египтолога Н.С. Петровского, является исключительным примером передачи абстрактного через конкретное. Знак, изображающий "солнце" поясняет слова: [hrw] – "день", "дневное время"; [rk] – "время", "срок, период"; [wbn] – "восходить", "подниматься" и "светить". Указанный способ записи свидетельствует о том, что все эти понятия для древнего египтянина ассоциировались с появлением солнца, и свидетельство тому – значок, изображающий солнце, включенный в обозначение каждого из приведенных понятий.

Можно сказать, что собственно метафора, метафорический принцип осмысления действительности, пронизывает весь древнеегипетский язык. А. Гардинер в своей "Грамматике..." отмечает, что "самой характерной чертой египетского языка на всех стадиях его развития является конкретный реализм, ориентация на внешний облик предметов и явлений, пренебрежение к представлениям, играющим большую роль в современных и даже в классических языках". Он приводит примеры передачи интеллектуальных и эмоциональных

качеств посредством жестов и выражений, которыми сопровождались их проявления, например „щедрость" – это (дословно) "протянутая открытая рука, "ловкость" – это "острота лица" и т.д. Эта "конкретность" – прямое свидетельство древности, архаичности древнеегипетского языка и являет собой не «пренебрежение» к абстрактным понятиям, а пример того, как язык на ранних этапах своего развития мог использовать уже имеющиеся в языке средства и свойства мышления к выражению новых понятий. Это – еще один пример доведенной до совершенства системы выражения сложных, абстрактных понятий через простое и конкретное на основе метафорического переноса.

Цитируемая литература

Блэк М. Теория метафоры: Сборник. Сост.: Арутюнова. – М., 1990.

Бурмистрова М.А. Когнитивная метафора в научном тексте. АКД. -М., 2005.

Гардинер А.Х. Египетская грамматика. Перевод по изданию: А. Н. Gardiner. Egyptian Grammar; Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 3rd ed. – Oxford, Griffith Institute, 1957.

Глазунова О.Р.И. Логика метафорических преобразований. – СПб.2000.

Коростовцев М.А. Введение в египетскую филологию. – М., 1963.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004.

*Докт. филол., канд. психол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево)
puzyrev-a-v@yandex.ru*

СЛОЖНАЯ СУДЬБА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ В ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Как известно, стихи Цветаевой сегодня изучаются в школе в обязательном порядке. Они включены:

– в школьную программу 4-го класса начальной школы: «Бежит тропинка с бугорка...», «Красною кистью рябина зажглась», «За книгами» (4-й класс нач. школы);

– в школьную программу для учеников 9-х классов;

– в обязательную школьную программу 11 класса, в ней же предусматривается обсуждение вопроса о сложной судьбе Марины Цветаевой.

Всего детям предлагается для обязательного ознакомления около 30-ти стихотворений поэтессы. При этом подчёркивается, что важнейшие темы творчества поэтессы – любовь, верность высоким идеалам, России, прославление человека.

Спецификой нашего доклада является обсуждение психологических аспектов сложной судьбы поэтессы. Опираясь при этом будем на факты, известные со слов современников Марины Ивановны Цветаевой, на факты, обнаруженные исследователями её жизни и творчества. Специальных разысканий в архивах поэтессы мы не производили (в силу ряда уважительных причин). Особо подчеркнём, что подавляющее большинство авторов воспоминаний о Цветаевой и,

конечно, исследователей её творчества относится к поклонникам её поэзии, которые ничего дурного о поэтессе сказать не могли.

В Википедии написано:

Ма́рина Ива́новна Цвета́ева (26 сентября (8 октября) 1892, Москва – 31 августа 1941, Елабуга) – русская поэтесса, прозаик, переводчица, один из крупнейших поэтов XX века. На тему запроса «гениальность Марины Цветаевой» Интернет выдаёт 40 млн результатов. То есть её гениальность сегодня является топосом.

Первый поставленный нами вопрос может показаться неожиданным. Он звучит так: «А была ли Марина Цветаева по жизни адекватным человеком?»

На возможность и правомерность постановки этого вопроса указывает свидетельство масона Марка Львовича Слонима, знавшего Цветаеву много лет и помогавшего ей организационно и материально. Вот одно из его воспоминаний:

Впрочем, во время допросов во французской полиции (Сюрте) она все твердила о честности мужа, о столкновении долга с любовью и цитировала наизусть не то Корнеля, не то Расина (она сама потом об этом рассказывала сперва М. Н. Лебедевой, а потом мне). Сперва чиновники думали, что она хитрит и притворяется, но, когда она принялась читать им французские переводы Пушкина и своих собственных стихотворений, они усомнились в ее психических способностях и явившимся на помощь матерым специалистам по эмигрантским делам рекомендовали ее: «Эта полоумная русская» (*cette folle Russe*). (*сет фоль рюсс*)

По свидетельству М.Л.Слонима, французские полицейские, в силу своей службы, встречавшиеся с самым широким спектром людей, отрекомендовали Цветаеву как «полоумную русскую», т.е. как психически неадекватную женщину. Так что вопрос об адекватности Марины Ивановны вполне правомерен. Эту гипотезу – о психологической неадекватности Марины Ивановны Цветаевой – мы и будем проверять.

Второй вопрос, который вытекает из ответа на первый, следует поставить в более конкретной форме: в каких конкретных психологических характеристиках личности проявлялась неадекватность М.И.Цветаевой?

Знакомство с доступным биографическим материалом позволяет уточнить первоначальную гипотезу и выдвинуть другую – о том, что М.И.Цветаева относилась либо к демонстративному акцентуированному типу личностей, либо к лицам, поражённым истерической (истероидной) психопатией.

В связи с этим зададим вопрос уточняющего характера: Чем отличается акцентуация демонстративного типа от истероидной психопатии? Ответ: Тем же, чем отличается акцентуация вообще от психопатии вообще.

Напомним, что акцентуация характера (личности) – это чрезмерное усиление отдельных черт характера и их сочетаний, представляющих крайние варианты нормы. Акцентуации – это разновидность нормы, находящаяся на грани её нарушения в сторону болезни. В плане возрастной психологии наличие акцентуаций того или иного типа характерно для подросткового возраста, а по мере

взросления акцентуации характера сглаживаются, из явных становятся скрытыми или исчезают вообще.

Типы акцентуаций характера частично совпадают с типами психопатий. Акцентуация характера отличается от психопатии тем, что проявляется в отдельных, хотя и достаточно выраженных характерологических отклонениях, но при этом характеризуется достаточной компенсированностью и не достигает патологического уровня. Именно в таком случае специалисты говорят об акцентуации, а не о психопатии.

Психопатия от акцентуации отличается тем, что:

1) социальная неприспособленность к жизни носит постоянный, имманентно присущий характер и, в силу патологических особенностей личности, обуславливается не столько неблагоприятной средой, сколько именно внутренними качествами личности;

2) она характеризуется тотальностью проявлений – она проявляется везде: и дома, и на работе, и в обыденных условиях, и при эмоциональных стрессах;

3) она стабильна: патологические черты характера практически необратимы и сохраняются на протяжении всей жизни. Чаще всего они впервые выявляются в подростковом возрасте.

Каковы главные характеристики истероидных психопатов? Попутно сопроводим их психологической характеристикой поведения М.И.Цветаевой. Ещё раз подчеркнём, что все воспоминания о поэтессе оставлены людьми, которые относились к ней с безмерным восхищением и абсолютной нескритичностью. Ничего плохого о Цветаевой они не хотели сказать в принципе.

1. Истероидные психопаты очень хорошо умеют себя «подать», умеют заинтриговать своей персоной окружающих. Для истероидных психопатов заинтересовать собой окружающих так же, как дышать, очень легко.

Умела ли интриговать собой Марина Цветаева? Умела ли она быть непохожей на других и привлекать к себе внимание? – Да, и делала это легко.

Вот воспоминания Марии Ивановны Гринёвой-Кузнецовой:

Как велико было изумление всех наших учеников и учениц! Надменно прошуршало старинным шелком пышное золотое платье, легкими струями колыхались густые сборки, стянутые на тонкой талии.

Я не спускаю глаз с Марины Цветаевой. Под золотой шапкой волос я вижу овал ее лица, вверху широкий, книзу сужавшийся, вижу тонкий нос с чуть заметной горбинкой и зеленоватые глаза ее, глаза волшебницы. Таня шепчет мне в левое ухо:

– Такое носит, наверно, во всей Москве только она одна.

– Точно такие платья, – шепчет Нина Окунева мне в правое ухо, – я видела в сундуке у моей мачехи, это были платья ее двух бабушек.

– Какая очаровательная смелость – пройти в таком платье в общество! – шепчу я Нине.

– По-моему, это явное презрение к моде, – отвечает Нина, – это отвращение к нашему обезьянству. Мы все как одна в узких юбках с разрезом, – смеется Нина, – и потому, что вся Москва в таких! Разве

мы осмелимся надеть такое, которое носили двести лет тому назад? А она вот – наперекор всем! – взяла и надела.

– Это потому, что она поэтесса, – шепчет Таня.

– Таня права, – говорю я, – мы связаны режиссером, директором, партнером, мы не свободные, а поэт всегда свободен.

– А может быть, она из презренья к нам? – шепчет опять Нина. – К будущим актеркам? а? Как ты думаешь?

И далее:

Стихи ее и она сама так глубоко взволновали тогда нас всех, что мы совсем забыли в это время о ее смелом наряде. Мы поняли, что она имеет право на такой необычный наряд, потому что стихи ее необычны, читает она их необычно и сама она тоже совсем необычная! Со всем не похожа ни на кого!

Как следует из этих и многих других воспоминаний, Марина Ивановна Цветаева хорошо умела себя «подать», умела интриговать своей персоной окружающих.

2. Самооценка истероидных психопатов зашкаливает настолько, что они искренне считают себя центром вселенной. Они для самих себя настолько важны, что даже помыслить не могут, что должны соответствовать социальным нормам.

Было ли пренебрежительное отношение к социальным нормам характерно для Марины Ивановны Цветаевой?

Не будем указывать на только что приведенный пример. Он здесь не вполне показателен. Сошлёмся на екатеринбургского психолога А.В.Кириянову:

Сводная сестра Лера упоминает, что в подростковом возрасте Марина пристрастилась к рябиновой настойке. Спрятавшись на чердаке, чтобы не идти в ненавистную гимназию, Марина выпивала и писала свой перевод трагедии Ростана «Орленок». Допив бутылку, она выбрасывала ее во двор, совершенно не заботясь о том, что может попасть кому-нибудь по голове. Факт скорее забавный. Но вслед за этим сестра пишет о том, как Марина заложила в ломбард ее вещи, когда потребовались деньги... Это отношение к чужой собственности прослеживается на протяжении всей жизни Марины Цветаевой. К сожалению, она ...крала вещи. «Она могла что-нибудь ... схватить, понравившееся ей», – робко намекает одна из ее современниц. Цветаева сама записывала свои «покражи в комиссариате»; упоминала, что крала хлеб для голодных детей у друзей, пригласивших ее к столу. Продала мебель, которую поставили ей на хранение друзья сводного брата Андрея. К сожалению, воровала и Аля, дочь Марины. «Два порока моего детства: ложь и воровство», – пишет она Пастернаку из очередной ссылки. Несчастную девочку взяли погостить в семейство писателя Зайцева. Через некоторое время обнаружилось, что Аля банально во-

рует... Когда с ней попытались мягко поговорить, дочь Цветаевой сказала страшную фразу:

– Как вы не понимаете, что я не могу терпеть добра!

Отсутствие уважения к социальным нормам сестёр Цветаевых характеризовало с детства. Их сводная сестра Валерия Ивановна Цветаева вспоминает:

С Италии (в Нерви) жизнь девочек сорвалась в сумасбродную вольницу. Было им тогда: Марине 10, Асе 8 лет. Дальнейший путь их по школам-интернатам Швейцарии и Германии (близ санаторий и курортов, где лечилась мать) не дал им нужного тепла, не упорядочил навыков и характера. Обязательные смены мест и людей, смена привязанностей и порядков создали чувство бездомности, неустойчивости. Начались затеи, несообразные для девочек 13 и 11 лет: в свободный день, гуляя по благоустроенным сосновым дорогам Шварцвальда, зайти в придорожную пивнушку и пить наперебой, кто счетом больше проглотит кружек пива, и идти на дорогу с палкой в руках, изображая подвыпивших буржуа.

Правда, и раньше бывали тяжелые выдумки: так, молодечества ради, в гостях у художника унести под бельем пачку этюдов, поставив этим родителей в невозможное положение.

Случай этот, бывший еще до болезни матери, в условиях кажущегося благополучия, обнаруживал тем не менее явную беспризорность 7 – 9-летних детей, отсутствие у детей понимания того, что годится и что не годится делать, и это стало залогом многих трудностей для них в дальнейшем, показывая на полную беспризорность детей, не понимавших, что годится и чего нельзя делать.

Очевиден вывод: пренебрежительное отношение Марины Ивановны Цветаевой к социальным нормам поведения, стремление к асоциальности сформировалось у неё всем её детством.

Вот как пишет одна из почитательниц поэтического таланта Марины Ивановны: «У Цветаевой была – логика инопланетянки, и об этом нельзя забывать». Когда почитательница таланта Цветаевой говорит о том, что у Цветаевой присутствовала *логика инопланетянки*, она фактически свидетельствует, что социальные установки М.И.Цветаевой если и были, то в самом зачаточном состоянии.

«Инопланетянство» гениальной русской поэтессы проявлялось и в том, что для неё были вполне нормальны и гомо-, и гетеросексуальные отношения. Уже выйдя замуж за Сергея Яковлевича Эфрона, она почти сразу же завела интимную связь с Софьей Парнок, как написано в Википедии, русской поэтессой и переводчицей.

В Википедии говорится, что русская поэтесса и переводчица София Парнок (настоящая фамилия Парно́х) родилась на семь лет раньше, чем Цветаева, родилась в Таганроге, в обрусевшей еврейской зажиточной семье. Именно ей посвящено известное стихотворение от 23 октября 1914 г. из цикла «Подруга»:

Под лаской плюшевого пледа

Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побеждён?

Про что эти строчки? Нами предлагается перевод с поэтического русского языка на язык прозаический, точнее – на русский разговорный язык. «Вчерашний вызываю сон». Это определённо-личное предложение с глаголом-сказуемым первого лица единственного числа. Следовательно, на языке прозы это должно быть переведено как 'нахожусь под пледом одна'. Плед – неодушевлённое существительное. Сам по себе ласкать не может. Следовательно, существительное «ласка» относится к самой лирической героине, находящейся под плюшевым пледом (фактически – обстоятельство места). Следовательно, под пледом она ласкает саму себя и вспоминает «вчерашний сон». В этом сладком процессе, происходящем под плюшевым пледом, лирическая героиня постоянно задаётся вопросом о том, что же именно произошло вчера:

*Что это было? – Чья победа? –
Кто побеждён?*

Всё было так спонтанно, что для неё осталось неясно, кто из них во вчерашних ласках был активным субъектом, кто – пассивным. Кто из них в этих ласках играл роль мужчины, а кто – женщины? Кто победил, кто – побеждён? При переходе к реальности предполагается психологически более достоверным, что София Парнок (Парнох) как старшая подруга, как «русская Сафо» (так её называли), и научила Марину Цветаеву ласкам под плюшевым пледом (впрочем, «вчера» это могло случиться и в другом месте, не обязательно под пледом). При переводе на разговорный язык ситуация выглядит как достаточно пошлая. Но поэт на то и поэт, что самую пошлую ситуацию может обставить как поэтически прекрасную:

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побеждён?

Для нас симптоматично, что именно после этих отношений с Софией Парнок гениальная русская поэтесса, будучи при этом замужней женщиной, записала в своём дневнике:

«Любить только женщин (женщине) или только мужчин (мужчине), заведомо исключая обычное обратное – какая жуть! А только женщин (мужчине) или только мужчин (женщине), заведомо исключая необычное родное – какая скука!» (запись от 1921 года)

В этом смысле, смысле асоциальной склонности Цветаевой не только к мужчинам, но и к женщинам, её есть все основания считать одной из провозвестниц сексуальной революции, которая совершилась у нас в России в достопамятные 90-е годы XX-го века. Если раньше таких женщин называли совершенно определённо, то сейчас Цветаеву называют «инопланетянкой».

Рекомендуемые детям в школе стихи Цветаевой учат изменять в супружестве и воспринимать супружеские измены как своего рода праздник души. Получается так, что по мысли составителей школьной программы по литературе асоциальность поведения школьников должна быть своего рода социальной нормой:

Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.

Вот как об асоциальности Марины Цветаевой пишет одна из её почитательниц: «Цветаева же никогда не была ханжой, и никогда "общественное мнение" не влияло на ее поведение – ей было тесно быть хоть чем-нибудь очерченной. Ей часто говорили: "Марина, так никто не делает!" И слышали в ответ: "А я – Кто!" до елабужской петли 31 августа 1941 года – все по-своему».

Вадим Маркович Розин пишет: «Однако разве гениальность оправдание перед детьми или мужем, которому Цветаева изменяла всю жизнь (с Софьей Парнок, с Мандельштамом, с Родзиевичем, с Анатолием Штейгером; один из последних Николай Гронский). Здесь та же проблема, что и с «нашим все», Александром Сергеевичем» – и приводит свидетельства многочисленности интимных связей у Пушкина.

При всём уважении к Вадиму Марковичу (когда-то мы с ним вместе работали приглашёнными профессорами в Елецком университете) я не могу согласиться с мнением, что «здесь та же проблема, что и с «нашим всё», Александром Сергеевичем».

Это не та же самая проблема хотя бы потому, что Александр Сергеевич – мужчина, а Марина Ивановна – женщина. Степень социальной приемлемости многочисленности половых связей у мужчин и женщин объективно различается потому, что в одном случае это природосообразно, а в другом – является нарушением законов природы. Более подробно этот вопрос здесь обсуждать не представляется необходимым.

По свидетельствам современников, если мужчина не соглашался с предложением Цветаевой иметь с ней особого рода отношений, он резко падал в её глазах (например, Б.Л.Пастернак). Примеры такого рода в биографии поэтессы найдёт любой желающий. Традиционным социумом подобное поведение осуждается. Ну а в сегодняшнем информационном карнавальном мире, где часто заправляют люди нетрадиционной ориентации, женщин такого типа, какой мы сейчас обсуждаем, восхваляют и называют *странными женщинами, инопланетянками* и т.д.

Примеров патологической асоциальности Марины Ивановны в воспоминаниях современников содержится очень много. Приведу всего лишь один пример – признание самой Цветаевой своей сестре Анастасии: «Я никогда не бываю одна в городе – не могу» [М.И.Цветаева; цит. по: А.И.Цветаева, 1974, с. 519]. Это признание настолько поразило её сестру, что она привела его в своих «Воспоминаниях».

Так что асоциальный характер поведения Марины Ивановны Цветаевой, искренне считавшей себя центром вселенной, носил тотальный «инопланетянский» характер, что, в свою очередь, подтверждает наличие зашкаливающей самооценки, типичной характеристики истероидных психопатов.

3. Истероидные психопаты являются патологическими лгунами. Лгать для них – как дышать. Начиная лгать, они не могут остановиться; лгут всё больше и больше, получая удовольствие от самого процесса. Как говорят специалисты, психопат отличается от здорового человека тем, что психопата абсолютно не волнует возможность обнаружения его лжи. Даже если ложь уже обнаружена, психопата этот факт побуждает лгать еще больше.

Была ли Марина Цветаева патологической лгуньей. – Да, была. Её лживость тоже носила тотальный характер. Патологический характер лжи гениальной поэтессы наиболее наглядно проявился в ситуации с её младшей дочерью – Ириной. Как известно всем, кто хоть сколько-нибудь изучал биографию поэтессы, в ноябре 1919 года Цветаева отдала своих дочерей в Кунцевский детский приют. Сама себе и, тем более, другим она объясняла своё решение тем, что сама она их прокормить не могла. Возможность поступления на лёгкую службу за паёк, и уже этим спасти детей от голодной смерти, гениальная поэтесса не рассматривала в принципе – поскольку официальная работа гениальным поэтессам противопоказана. Это была первая ложь, поскольку Цветаева могла прокормить их даже не работая – распродавая вещи на рынке. Кроме того (и это чрезвычайно существенный момент), вокруг неё постоянно находились люди, ей помогавшие по жизни.

На первую ложь, что она не могла прокормить своих детей, накладывается ещё одна ложь: отдать в приют образца 1919 года двухлетнего ребёнка означало по факту вынести ему смертный приговор, а Марина Цветаева своё решение сдать дочерей в приют объясняла желанием их спасти.

Быть лгуньями она заставила и своих дочек. Она заставила их говорить о том, что она их не родная, а крёстная мать (это была её третья по счёту в данной ситуации ложь). И дочери исполнили её приказ.

В записной книжке Марины Ивановны Цветаевой от ноября 1919 года сохранилась запись её разговора с Лидией Константиновной, заведующей приюта:

– Скажите, чьи это, собственно, дети? Они брошены, что-ли в квартире? Они ничего не могут сказать»...

– «Да, да, я была знакома с их родителями. Я – крестная мать Али».

– «Да, она тоже так говорит».

– «Скажите» – чтобы перевести тему – «м б вам нужны какие-нибудь детские вещи? Лифчики, панталоны и т. д. У меня их миллион, не знаю, что с ними делать»...

Заведующая сияет, горячо благодарит, я на секундочку спасена, умоляю ее передать пакет Але, улыбаемся, жмем друг другу руки, – поехали!

Как следует из этой записи, Марина Цветаева была просто счастлива от того, что её ложь получила благопристойное прикрытие. Фактов патологической лживости Марины Ивановны Цветаевой столь много, что все их привести вряд ли хватит места.

Обозначим самый показательный. Известно, что сёстры С.Я.Эфрона хотели забрать двухлетнюю дочь Марины Ивановны из приюта, чтобы выводить её и действительно спасти от смерти. Для этого требовалось согласие матери. Она его не дала. Любопытно следующее: в смерти своей двухлетней Ирины мать, Марина Ивановна Цветаева, сделавшая всё, чтобы та умерла в приюте, обвинила именно сестёр своего мужа. Именно они, по восприятию М.И.Цветаевой, как свидетельствует исследовательница Геворкян, «дали Ирине умереть с голоду в приюте под предлогом ненависти ко мне». А ведь они помогали Марине, чем могли.

Истероидные психопаты лгут очень убедительно. Отец Ирины, Сергей Яковлевич Эфрон, долгое время не общался со своими сёстрами, поверив на некоторое время гениальной русской поэтессе Марине Ивановне Цветаевой. Спустя два с лишним года в письме М.Волошину он писал о Марине в декабре 1923 года буквально следующее: «Она обвинила в смерти Ирины (сестра Али) моих сестер (она искренне уверена в этом) и только недавно я узнал правду и восстановил отношения с Л<илей> и В<ерой>».

Как видим, органично присущая Марине Ивановне Цветаевой лживость носила тотальный «инопланетянский» характер и свидетельствует о несомненном наличии у неё указанной характеристики истероидных психопатов.

4. Истероидные психопаты чрезвычайно эгоистичны и паразитируют на других. «Мне все должны» – их жизненное кредо. Они фокусируются только на себе.

Обладала ли Марина Ивановна Цветаева подобным представлением о жизни? Несомненно, да. Ещё раз процитируем психолога А.В.Кириянову: «Марина забрасывала знакомых письмами с требованиями помочь, "прислать иждивение". Около восьми лет деньги присылала Саломея Андронникова, воспетая когда-то Мандельштамом, работавшая в журнале и отсылавшая Марине часть своего жалованья. Помогал и князь Святополк-Мирский, который, кстати, терпеть не мог Сергея Эфрона, да и саму Марину, но обожал и уважал ее великие стихи. Когда помощь стала невозможной по ряду причин, Марина назвала это <...> "свинством", мотивируя обиду тем, что она привыкла планировать бюджет, исходя из присылаемых сумм».

Так что чрезвычайная эгоистичность и паразитирование на других вполне были присущи Марине Ивановне Цветаевой. И здесь проявляется типичная характеристика истероидных психопатов.

5. Истероиды чрезвычайно инфантильны, что позволяет им вытеснять все неприятное, игнорировать реальность и просто здравый смысл.

Была ли Марина Ивановна Цветаева инфантильным человеком? – Несомненно, да. Это и её стремление жить за счёт других. Это и её нежелание рабо-

тать даже на лёгкой службе. Об инфантильности, «детскости» гениальной русской поэтессы свидетельствуют многие её современники. В публикации В.П.Купченко сообщается: 26 апреля 1911 года Аделаида Казимировна Герцык писала Волошину: «От Марины же получаю частые, полные confidences письма, из кот<орых> я, наконец, поняла всю ее детскость и непосредственность». 11 марта 1914 г. Волошин писал матери, что Цветаевы обе «очень по-детски страдают» самовозвеличиваньем, мыслью о своей единственности. Об инфантильности поэтессы слишком много свидетельств, чтобы их все приводить. О том, что Марину Ивановну Цветаеву вообще характеризовали «абсолютная непрактичность, нежелание и неумение понять других, метания и странные поступки», пишет, например, и доктор философии наук, профессор В.М. Розин.

Так что инфантильность, «детскость» гениальной русской поэтессы доходили до чрезвычайности и подтверждаются многими свидетельствами.

6. Как указывает знаменитый психиатр Пётр Борисович Ганнушкин, **свою истерическую сущность психопаты, как правило, выдают всем своим поведением, всё у них преувеличено – выражение чувств, мимика, жесты, тон.** Всегда чувствуется отсутствие настоящего внутреннего фона всех этих проявлений.

Характеризовала ли преувеличенность выражения чувств, мимики, жестов, тона гениальную русскую поэтессу Марину Ивановну Цветаеву? – Безусловно, да.

Обратим внимание на её стихи. Там господствует – это видно и на глаз – такой знак препинания, как тире.

Д.ф.н., проф. Марина Владимировна Цветкова (из Нижегородского лингвистического университета) в своей статье «Связь? Нет, разлад: Семантизирующая функция тире в поэзии Марины Цветаевой» ссылается на работы других учёных, установивших, что нетрадиционное тире во всех сборниках Цветаевой составляет более 90% случаев (только в "Вечернем Альбоме" эта доля несколько ниже, но тоже очень велика – 71.2%).

О чём свидетельствует повышенная роль нетрадиционного тире? Здесь – либо/либо. Либо о незнании других знаков препинания, либо о чрезмерной эмоциональности. О неграмотности Цветаевой говорить вряд ли правильно, а вот чрезмерная эмоциональность её характеризовала несомненно.

Что говорит о человеке его чрезмерная, преувеличенная эмоциональность? Если суммировать выводы, вытекающие из информационной теории эмоций П.В.Симонова, то негативные эмоции – а они преобладают у Марины Ивановны Цветаевой – свидетельствуют о том, что у субъекта отсутствует прогностически необходимая информация об удовлетворении какой-то важной или каких-то важных потребностей.

Постоянная эмоциональность свидетельствует, таким образом, о постоянной информационной невооружённости субъекта, о его психической неадекватности.

Сколько бы мы ни брали признаков истероидных психопатов, все эти признаки наблюдаются у гениальной русской поэтессы Марины Ивановны Цветаевой. По законам логики, если субъект *A* демонстрирует все типичные качества класса *B*, то он и принадлежит к классу *B*. Если, например, у животного наблюдаются все признаки лисы, то это животное и есть лиса. Если у Марины Ивановны Цветаевой наблюдаются все характеристики истероидной психопатки, то таковой она и является.

Заметим, что когда мы называем гениальную русскую поэтессу Марину Ивановну Цветаеву истероидной или истерической психопаткой, мы не вкладываем в эту номинацию никаких оскорбительных коннотаций. В данном случае мы констатируем, устанавливаем факт принадлежности Марины Ивановны Цветаевой к истероидным психопатам. Суффикс -к- в слове психопатка означает принадлежность лица, отмеченного истерической (истероидной) психопатией, к лицам женского пола.

Что любопытно. Если признать гениальную русскую поэтессу истероидной психопаткой, то становятся психологически понятными и прозрачными все изгибы её сложной судьбы и души даже в мелочах.

Например, такая её запись в майском письме (1923 г.) Максимилиану Волошину: «Аля растёт, пустеет и простеет. Ей 10 1/2 лет, ростом мне выше плеча. Целует тебя и Пра» [В.П.Купченко, 1975]. Судя по записи, Аля (Ариадна Сергеевна Эфрон) спустя всего три года после смерти Ирины резко поглупела, и Марине Ивановне это не нравится.

Но что на самом деле означает эта запись: «Аля растёт, пустеет и простеет»? Она означает, что поведение Али перестало соответствовать ожиданиям истероидной психопатки – гениальной русской поэтессы Марины Ивановны Цветаевой.

Что на самом деле происходило?

Зимой холодного и голодного 1919-1920 годов обе дочери Цветаевой, обе сестры – и Аля (Ариадна), и Ирина – находились в Кунцевском приюте на грани жизни и смерти. При этом сказалась разница сестёр в пять лет.

Семилетняя Ариадна (Аля) звериным инстинктом самосохранения почувяла единственно перспективный вариант психологической защиты – самоидентификацию с матерью. И семилетний ребёнок писала матери письма языком старшего подростка, письма, явно не соответствующие возрасту семилетнего ребёнка. Благодаря эффективно применённому Ариадной Сергеевной Эфрон в семилетнем возрасте способу психологической защиты, благодаря её самоидентификации с матерью, истерической психопаткой Мариной Ивановной Цветаевой, гениальная русская поэтесса стала воспринимать Алю как своё alter ego, как своё второе «я». Могла ли в такой ситуации гениальная поэтесса оставить своё второе «я» в лице Али в Кунцевском детском приюте на голодную и холодную смерть? Это означало бы смерть самой себя. И гениальная русская поэтесса забрала свою старшую дочь из приюта и тем самым отвела её от опасности неминуемой голодной смерти.

Але она потом наставительно говорила:

«Ешь. Без фокусов. Пойми, что я спасла из двух – тебя, двух – не смогла. Тебя "выбрала". Ты выжила за счет Ирины». Такое вот воспитание.

Когда же опасность голодной смерти от Али-Ариадны отступила, её потребность в абсолютной идентификации с матерью, истероидной психопаткой, исчезла, у неё возникла потребность в других способах психологической защиты. Поведение Али стало более самостоятельным, менее зависимым от матери. Марина Ивановна Цветаева перестала быть для Али единственным центром притяжения (это подтверждают и биографы). Марина Ивановна Цветаева не могла этого не почувствовать, а потому и перестала считать свою старшую дочь вундеркиндом. Именно с этим и связана её запись «Аля растет, пустеет и простеет».

А Аля-Ариадна просто повзрослела, хотя значительную часть психологических особенностей матери в себе сохранила (взять, например, хотя бы самоубийственную идею нежелательности деторождения). Любому человеку, находящемуся в теме, очевидно, что отсутствие детей у женщины прежде всего связано с её психологическими особенностями.

Что касается младшей дочери Марины Ивановны Цветаевой – Ирины, – то ей, в силу её двухлетнего возраста, самоидентификация с истероидной психопаткой как способ психологической защиты была недоступна. И она выбрала единственный способ, который ей был доступен, а именно – быть непослушной без матери и быть абсолютно послушной при ней.

На обычную мать это бы подействовало. Но Ирине не повезло. Мать у неё была не обычная – она была истероидной психопаткой и при этом гениальной русской поэтессой. Избранный двухлетней Ириной способ поведения по отношению к такой матери не мог быть эффективным. Вот запись в дневнике Цветаевой от ноября 1919 года о её разговоре с заведующей приюта:

Следующий разговор:

– «Ну, и Ирина!»

– «Всё поет?»

– «Поет, кричит, никому покою не даст. Это определенно дефективный ребенок: подхватит какое-нб слово и повторяет – без конца совершенно бессмысленно. Ест ужасно много и всегда голодна. Вы совершенно напрасно отдали ее к нам, она по возрасту принадлежит в ясли, кроме того, как явно-дефективного ребенка, ее надо отдать в специальное заведение».

Я, почти радостно: – «Ну, я же всегда говорила! Не правда ли, для 2 1/2 л она чудовищно-неразвита?»

– «Я же Вам говорю: дефективный ребенок. Кроме того, она всё время кричит. Знаете, были у меня дети-лгуны, дети, кые воровали»...

– «Но такого ребенка Вы еще не видали?»

– «Никогда». – (Тирада о дефективности, причем мы обе – почему-то – сияем.)

...

– «Ну, а Ирина!!! Она видно очень голодала, жалко смотреть. Но кричит? (Ирина, кая при мне никогда не смела пикнуть. Узнаю ее гнусность.)

Поведение двухлетней дочери, кричащей в приюте от голода, её мать определяет не глаголом, не прилагательным, но существительным – «гнусность»! Существительное «гнусность» обозначает здесь признак «гнусный» как нечто предметное, т.е. как постоянное качество двухлетней девочки. А в чём вина? В том, что младшая дочка не имела психологических ресурсов выглядеть истерической психопаткой, как это получилось у её старшей сестры?

Вот дневниковая запись от декабря 1919 года:

Ирина, почуяв мое присутствие, ведет себя скромно. Никаких «не дадо!» – (единств слово, кое она выучила в приюте) дает сажать себя на горшок. Л<идия> Конст не нахвалится.

– «Ирина, а это кто к тебе пришел?»

Ирина, по обыкновению, взглянув на меня отвертывается. Молчит.

Представьте себе двухлетнего ребёнка, увидевшего свою мать после длительной разлуки. Это ведь буря эмоций! А здесь ребёнок молчит. Двухлетняя дочка боится матери, которая приговорила её к голодной смерти. А кто бы не испугался такой матери?

В середине января 1920 года Марина Ивановна заберёт старшую дочь из приюта и больше этот приют не посетит. Тем самым она вынесет своей двухлетней дочери окончательный смертный приговор. И когда та от холода и голода в начале февраля 1920 года умрёт в приюте, на её похороны Цветаева не поедет.

Поведение гениальной русской поэтессы сегодня бы подпало под статью 125 Уголовного Кодекса Российской Федерации, поскольку мать заведомо оставила свою младшую дочь в Кунцевском детском приюте без помощи в опасном для жизни и здоровья состоянии, а двухлетняя Ирина была лишена возможности принять меры к самосохранению по своему малолетству.

Из смерти дочери истероидная психопатка Марина Ивановна Цветаева затем соорудила роскошный пир духа. Как она сама признавалась, «единственная для меня роскошь – ремесло, то, для чего я родилась».

Вот с каким сочувствием и любовью к Марине Цветаевой в связи с описанной ситуацией пишет известная исследовательница её творчества Анна Александровна Саакянц:

«Когда события, потрясшие душу, хотя бы немного отступают в прошлое, тогда поэт обретает голос, чтобы о них говорить. После смерти маленькой Ирины Цветаева онемела и только весной нашла в себе силы написать реквием ей – пронзительный в простоте нежности и горя; выразить вселенскую скорбь матери, потерявшей ребенка:

Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были – по одной на каждую –

Две головки мне дарованы.
Но обеими – зажатými –
Яростными – как могла! –
Старшую у тьмы выхватывая –
Младшей не уберегла.
Две руки – ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки – и вот одна из них
За́ ночь оказалась лишняя.
Светлая – на шейке тоненькой –
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле».

Это пишет мать, сделавшая всё от неё зависящее, чтобы её ребёнок в земле и оказался. Бывает, что матери убивают своих детей, и делают они это по-разному, но мало кто из них был таким же гениально поэтичным. Мало кто из них из убийства своего ребёнка устроил бы такой яркий пир духа.

В начале этого ролика мы уже цитировали статью екатеринбургского психолога Кирьяновой, где она приводит показательные факты из жизни Цветаевой. Там же она пишет (надо полагать, что знает, о чём пишет):

Великая умнейшая поэтесса, человек огромных душевных порывов и мистической просветленности; она совершала некоторые гадкие поступки просто так, «из гнусности», как она сама объясняла.

Есть события и факты, которые крайне неохотно вспоминают биографы Цветаевой, восхищенные ее стихами. Объяснить их трудно, поэтому составители биографии стремятся меньше говорить о страшных и чудовищных поступках Марины, необъяснимых с точки зрения правил человеческого общения, морали, нравственности. <...>

...Воровство самой Марины <...> не только не скрывалось, но и демонстративно оправдывалось. «Я сделала это из гнусности», – объясняла Марина, когда ее уличали в чем-то неприятном. Читай – из любви ко злу.

Демонстрация своей «гнусности» носила у Цветаевой, как следует из наблюдений психолога, тоже преувеличенный характер, а преувеличенность – типичнейшая характеристика истероидных психопатов: «всё у них преувеличено».

Может быть, Цветаеву оправдывает, что она гениальный поэт? Но разве перестала работать известная формула Пушкина: «гений и злодейство – две вещи несовместные»? Детоубийца, лгунья и воровка, каковой и была Цветаева по жизни, если признать пушкинскую формулу истинной, в принципе не может быть гениальной поэтессой.

Впрочем, своё мнение о том, что как поэт Марина Ивановна Цветаева вовсе не гениальна, высказывает даже такой известный почитатель её таланта, как Дмитрий Быков. Он говорит в своей лекции «Настоящая Цветаева»:

...Вызов, который бросает нам всем Цветаева, он может быть достойно встречен, только если мы вполне честно скажем: «У Цветаевой очень серьезные проблемы со вкусом. Она с ним не дружила». Но гений со вкусом ведь и не обязан дружить. Со вкусом должен дружить талант. А то, что делает гений, оно, как правило, категорически расходится с нормой, и именно поэтому хороший вкус ему необязателен. Если у гения случается строка «Коммерческими шашнями и бальным порошком...», мы слышим, конечно, это неприличное созвучие, но должны понять: поэт в такие минуты не думает о том, как это звучит, он ненавидит «бальный порошок», и этого совершенно достаточно. Поэтому я начну, пожалуй, с признания, что Цветаева далеко не самый близкий мне поэт, что поэтом, прежде всего, я ее не считаю, а вслед за Новеллой Матвеевой считаю ее величайшим прозаиком XX века.

Как видим, смысл слов уважаемого Быкова сводится к тому, что Цветаева как поэт не очень, но она всё равно гениальна. В Википедии о Дмитрие Львовиче Быкове говорится, что он – русский писатель, поэт, публицист, журналист, литературный критик, преподаватель литературы, радио- и телеведущий – родился в семье детского врача-оториноларинголога, кандидата медицинских наук Льва Иосифовича Зильбертруда (1927 – 1987) и Натальи Иосифовны Быковой (род. 1937).

Судя по тому, что Дмитрий Львович взял фамилию не отца, а матери, можно предположить, что он находится под сильным женским влиянием.

Обратим внимание на такую деталь в речи русского писателя и поэта Дмитрия Львовича о гениальной русской поэтессе Марине Цветаевой:

Если у гения случается строка «Коммерческими шашнями и бальным порошком...», мы слышим, конечно, это неприличное созвучие, но должны понять: поэт в такие минуты не думает о том, как это звучит, он ненавидит «бальный порошок», и этого совершенно достаточно.

Дмитрий Львович использует глагол несовершенного вида «случается» (типа Марина Ивановна не думала, как звучит строка «...и бальным порошком»). Типа поэтесса случайно использует эту строчку «...и бальным порошком». Дмитрий Львович прямо так и говорит: «поэт в такие минуты не думает о том, как это звучит, он ненавидит «бальный порошок», и этого совершенно достаточно».

Но здесь Дмитрий Львович лукавит. В «Поэме конца» Марина Ивановна Цветаева использует строчку «... и бальный порошок» трижды, причём неоднократно ставит эту строчку в сильную позицию – позицию рифмы. Приведём эти строчки гениальной русской поэтессы без всяких изъятий:

...Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.

Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нащучено, насмеяно,
А главное – начитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне – звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное – натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь – не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Утверждать, что поэт случайно ставит несколько раз неприличную строчку в сильную позицию, всё равно что: 1) не разбираться в азах лингвопоэтики; 2) либо очень сильно обманывать почтеннейшую публику. Думается, однако, что Дмитрий Львович вполне квалифицированный человек и сам-то он понимает, о чём говорит, следовательно, он просто развлекается. «Из гнусности», – говорила в подобных случаях Марина Ивановна Цветаева.

При обсуждении этой статьи с коллегами была высказана мысль, что строчка «...и бальным порошком» может быть связана с обозначением кокаина (ироническое жаргонное обозначение – «антрацит», своего рода ассоциация по контрасту). В таком случае строчка «...и бальным порошком» оказывается намеренно двусмысленной.

С одной стороны, она может обозначать собственно *бальный порошок*, точнее – порошок от скольжения туфель на паркете.

С другой стороны, строчка «...и бальным порошком» может быть связана с употреблением кокаина, по внешнему виду очень даже похожим на порошок от скольжения туфель. Употребление кокаина, как известно, вызывает эйфорию и способствует снятию моральных ограничений в поведении со знакомым или незнакомым партнёром (партнёршей) по танцам. В таком случае строчка «...и бальным порошком» становится – в своём неприличном звучании – вполне адекватной и осмысленной.

В биографическом цветаеведении мы не встретили упоминаний об употреблении Цветаевой кокаина. Правда, надо помнить, что цветаеведы только восторгаются Цветаевой и объективной информации от них дожидаться обычно не приходится. Поэтому нам достоверно не известно о степени вовлечённости Цветаевой в ситуацию с «...и бальным порошком»: она пишет свою «поэму конца» как посторонний наблюдатель или как непосредственная участница описываемых событий.

Для нас же важно то, что Марина Ивановна Цветаева, даже по мнению некоторых её почитателей, вовсе не была гениальным поэтом. Стоит, наверно, согласиться с мнением Д.Л.Быкова, что гениальным поэтом Цветаеву считать было бы большой натяжкой. Тем более имея в виду её психическое расстройство, её истероидную психопатию. Тем более имея в виду пушкинскую формулу «Гений и злодейство – две вещи несовместные».

В Интернете обсуждаются различные версии смерти Марины Ивановны Цветаевой. В качестве одного из доводов, что это было не самоубийство, а убийство, приводится факт, что повесилась она в кухонном фартуке, а поэты из жизни так не уходят. Здесь мы не собираемся обсуждать правдоподобность той или иной версии. Напомним лишь об истероидно-психопатической сущности Цветаевой. Истероидная психопатка могла покончить с собой совершенно фантастическими способами, а кухонный фартук – не самая фантастическая деталь. Логику поведения у истероидного психопата совсем исключать нельзя, но не учитывать своеобразия этой логики тоже было бы неправильно.

Демонстративность – одна из существенных характеристик истероидных психопатов. Именно демонстративность проглядывает в одной из предсмертных записок Марины Ивановны Цветаевой: «...Не похороните живой! Хорошо проверьте». В этих словах проглядывает мысль о возможности неудачи в попытке самоубийства. Все знают, что для Марины Ивановны Цветаевой это была вторая по счёту попытка самоубийства. Эта вторая попытка оказалась результативной, но допущение чудесного спасения в процитированных словах присутствует. Склонность к демонстративным суицидам – тоже характерная особенность истероидных психопатов.

Вадим Маркович Розин свою статью «Личность и трагедия Марины Цветаевой» заканчивает следующим выводом: «Цветаева была одновременно и очень сильной личностью и очень слабой. Как и многие из нас». Согласиться с этим выводом только в том случае, если многие из нас являются истероидными психопатами. Но так ли это на самом деле? Не слишком ли сильным такое обобщение окажется?

В заключение обозначим всего лишь один вопрос: насколько целесообразно включать в школьную программу изучение творчества М.И.Цветаевой? Вопросы, конечно, больше [А.В.Пузырёв, 2017], но ограничимся одним. Насколько необходимо школьникам знакомиться с творчеством лгуны, воровки, инфантки, детоубийцы, самоубийцы – истероидной психопатки? А ведь именно такой М.И.Цветаева и была.

Искусство заразительно. Думаем, что далеко не одна девочка-подросток, начитавшись Цветаевой, да ещё и сверх программы, покончила жизнь самоубийством. Включение творчества Цветаевой в школьную программу противоречит решению правительства России поддержать предложенный вице-спикером Госдумы Ириной Яровой законопроект об уголовной ответственности за склонение детей к суициду. Как известно, ранее законопроект поддержал Верховный суд РФ [<https://a.msn.com/r/2/AAAnSYSy?m=ru-ru>].

Законодательная инициатива Ирины Яровой направлена на защиту детей от склонения к самоубийству и определяет уголовную ответственность для ор-

ганизаторов опасной деятельности для детей и подростков. По сообщению пресс-службы Яровой, законопроект «впервые в России ставит заслон тем, кто склоняет детей к суициду, и тем, кто организует смертельные игры для детей, такие как "Беги или умри", "Фея", зацепинг, создаёт "группы смерти" в социальных сетях». Но существование творчества Цветаевой в школьной программе – это не игра для детей, это прямая поддержка «групп смерти» на уровне школьных программ.

Включение творчества М.И.Цветаевой в школьную программу по литературе противоречит поддержке Министерством образования Законопроекта Яровой, в котором предусматриваются комплексные меры защиты жизни и безопасности детей, предусматривается совершенствование системы профилактики суицидов среди подростков (об идеях Законопроекта сообщил "Интерфакс").

Что же получается, одной рукой мы вводим систему профилактики суицидов среди подростков, а другой – пропагандируем творчество поэтесс, успешно реализовавших свои склонности к демонстративному суициду? Почему-то не верится, что составителей школьной программы по литературе привлекут к уголовной ответственности за склонение детей к суициду. Может быть, более целесообразно исключить творчество истероидной психопатки из школьной программы?

Цитируемая литература

Быков Д.Л. Настоящая Цветаева [Электронный ресурс] // http://www.pryamaya.ru/dmitriy_byikov_nastoyaschaya_tsvetaeva

Кирьянова А.В. Две души Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. – URL: // <http://kiryanova.com/r11.html>

Купченко В. П. Марина Цветаева: Письма к М. А. Волошину // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., Наука, 1977; то же: [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0340.shtml

Правительство будет наказывать за склонение детей к суициду [Электронный ресурс]. // Вести.Ru – 6 марта 2017 г. – URL: <https://a.msn.com/r/2/AAAnSYSy?m=ru-ru>

Пузырёв А.В. Кому нужна Цветаева в школьной программе? [Электронный ресурс]. – URL: <http://puzyrev-a-v.ru/?q=blog/>

Розин В.М. Личность и трагедия Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. – URL: http://culturolog.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=1143&pop=1&page=0&Itemid=8

Цветаева А.И. Воспоминания / Издание второе, дополненное. – М.: Сов. писатель, 1974. – 546 с.

Цветаева без глянца / Сост. Фокин Павел Евгеньевич [Электронный ресурс]. – URL: <https://biography.wikireading.ru/148209> (Дата доступа:)

Цветкова М.В. «Связь? Нет, разлад» : Семантизирующая функция тире в поэзии Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. – URL: <http://hse.ru>pubs/share/direct/document/76214144>

Докт. филол., канд. психол. наук А.В.Пузырёв,
студ. И.А.Белова, О.В.Филимонова (Орехово-Зуево)
puzyrev-a-v@yandex.ru

ЗАВИСИМОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК М.Ю. ЛЕРМОНТОВА НА СОЦИАЛЬНОМ, ПРИНЦИПИАЛЬНОМ И ИНТЕГРАТИВНОМ УРОВНЯХ ОТ ХАРАКТЕРА ПРОТЕКАНИЯ ЕГО ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Настоящая статья является продолжением исследования зависимости социально-психологических установок М.Ю. Лермонтова от характера протекания его детства [А.В.Пузырёв, И.А.Белова, О.В.Филимонова, 2016].

На основе использования словарей антонимов русского языка ранее были сформулированы конструктивные и деструктивные качества личности М.Ю.Лермонтова, соответствующие социальному, принципиальному и интегративному уровням установок (аттитюдов). Использование словарей антонимов русского языка позволяет дать обильный материал для группирования социальных качеств личности по соответствующим уровням установок [Л.А.Введенская, 2003; Л.А.Введенская, 2010; М.Т.Львов, 1984].

Социальные установки. Итогом наблюдений над социальными установками М.Ю.Лермонтова может послужить табл. 1, где полужирным курсивом выделены признаки, получившие подтверждение в воспоминаниях современников и литературоведческих исследованиях (общую траекторию формирования аттитюдов см. [А.В.Пузырёв, 2016]):

Табл. 1 – Признаки социальных установок М.Ю.Лермонтова

Социальные установки	
способствовать созидательным процессам в социуме	способствовать разрушительным процессам в социуме
1) производящий, работающий, трудолюбивый , деятельный, щедрый, жизнедеятельный	1) потребляющий , ленивый, бездеятельный, скупой, бездейственный, бездействующий
2) коллективистский, благожелательный, человечный, патриотичный, вежливый , миролюбивый, ищущий единомышленников	2) индивидуалистский, враждебный, бесчеловечный , космополитичный, невежливый , властолюбивый, собирающий противников
3) грамотный, образованный, культурный , требовательный, успешный, оригинальный, интересный, компетентный, квалифицированный	3) неграмотный, невежественный, дикий, снисходительный, неуспешный, обычный, неинтересный, некомпетентный, неквалифицированный
4) уважаемый, добросовестный, ответственный , организованный, дисциплинированный, управляемый	4) неуважаемый , недобросовестный, безответственный, неорганизованный, расхлябанный, неуправляемый

5) <i>Свободный, освобождающий, спасающий, незаурядный, отважный, ведущий (за собой)</i>	5) <i>несамостоятельный, поработавший, губящий, заурядный, типичный, боязливый, робкий, ведомый (за другим)</i>
--	---

Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что **социальные установки** у М. Ю. Лермонтова в возрасте с 6-ти до 8-ми лет были **сформированы достаточно противоречивым образом**. Одна часть качеств будущего поэта свидетельствует о созидательной направленности его социальных установок, другая – о деструктивных проявлениях социальных установок будущего поэта.

Из-за семейных конфликтов между отцом и бабушкой Лермонтов был замкнут на себе, не мог завести друзей и приятелей, рос своенравным и избалованным, злым и жестоким ребенком.

Как известно, «со смертью дочери вся любовь Елизаветы Алексеевны сосредоточилась на внуке; она не расставалась с ним ни днем, ни ночью, – он и спал в ее комнате; наблюдала за каждым шагом его» [А.М. Скабичевский].

А.М.Скабичевский пишет о влиянии детства М.Лермонтова на его последующую жизнь следующим образом:

Нельзя сказать, что положение всеобщего баловня благотворно отражалось на характере ребенка. Оно развивало в нем деспотические наклонности, необузданное своеволие, привычку ни в чем себе не отказывать, не терпеть ни малейшего отпора своим прихотям и капризам и даже некоторую жестокость. Так, во втором отрывке из неоконченной повести Лермонтов, описывая детство Саши Арбенина и подражая в нем до некоторой степени самого себя, изображает своего героя “преизбалованным и пресвоевольным ребенком”... “Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презрением улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем природная всем склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу”. Нет сомнения, что теми тяжелыми, антипатичными чертами характера, которыми впоследствии отличался Лермонтов, он был обязан именно этой вредной системе воспитания, весьма заурядной в дворянских, помещичьих семьях того времени [А.М.Скабичевский].

Индивидуализм, потребительство – эти качества будущего поэта подпитывались всем характером его детства:

Действительно, судя по рассказам, этот внучек-баловень, пользуясь безграничной любовью своей бабушки, с малых лет уже превращался в домашнего тирана, не хотел никого слушаться, трунил над всеми, даже над своей бабушкой, и пренебрегал наставлениями и советами лиц, заботившихся о его воспитании.

Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что для него не жалела ничего, ни в чем ему не отказывала. Всё ходило кругом да около Миши. Все должны были угождать ему, забавлять его. Зимой устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потешала его. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженые из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд. При каждом появлении нового лица Михаил Юрьевич бежал к Елизавете Алексеевне в смежную комнату и говорил: «Бабушка, вот еще один такой пришел», и ребенок делал ему посильное описание. Все, которые рядились и потешали Михаила Юрьевича, на время святок освобождались от урочной работы [П.Е.Щеголев, 1929, с. 22-23].

В плане социальных проявлений межличностных отношений М.Ю.Лермонтов очень многим современникам представлялся в качестве *враждебно настроенного, бесчеловечного, невежливого* человека. Вот как вспоминал о Лермонтове его сокурсник П.Ф.Вистенгоф:

Студент Лермонтов, в котором тогда никто из нас не мог предвидеть будущего замечательного поэта, имел тяжелый, несходчивый характер, держал себя совершенно отдельно от всех своих товарищей, за что, в свою очередь, и ему платили тем же. Его не любили, отдалялись от него и, не имея с ним ничего общего, не обращали на него никакого внимания.

Он даже и садился постоянно на одном месте, отдельно от других, в углу аудитории, у окна, облокотясь по обыкновению на один локоть и углубясь в чтение принесенной книги, не слушал профессорских лекций. Это бросалось всем в глаза. Шум, происходивший при перемене часов преподавания, не производил никакого на него действия. Роста он был небольшого, сложен некрасиво, лицом смугл; темные его волосы были приглажены на голове, темно-карие большие глаза пронзительно впивались в человека. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное к себе нерасположение.

Так прошло около двух месяцев. Мы не могли оставаться спокойными зрителями такого изолированного положения его среди нас. Многие обижались, другим стало это надоедать, а некоторые даже и волновались. Каждый хотел его разгадать, узнать затаенные его мысли, заставить его высказаться.

Как-то раз несколько товарищей обратились ко мне с предложением отыскать какой-нибудь предлог для начатия разговора с Лермонтовым и тем вызвать его на какое-нибудь сообщение.

– Вы подойдите к Лермонтову и спросите его, какую он читает книгу с таким постоянным напряженным вниманием. Это предлог для начатия разговора самый основательный.

Не долго думая, я отправился.

– Позвольте спросить вас, Лермонтов, какую это книгу вы читаете? Без сомнения, очень интересную, судя по тому, как углубились вы

в нее; нельзя ли поделиться ею и с нами? – обратился я к нему не без некоторого волнения.

Он мгновенно оторвался от чтения. Как удар молнии, сверкнули глаза его. Трудно было выдержать этот неприветливый, насквозь пронизывающий взгляд.

– Для чего вам хочется это знать? Будет бесполезно, если я удовлетворю ваше любопытство. Содержание этой книги вас несколько не может интересовать; вы тут ничего не поймете, если бы я даже и решился сообщить вам содержание ее, – ответил он мне резко и принял прежнюю свою позу, продолжая читать.

Как будто ужаленный, отскочил я от него, успев лишь мельком заглянуть в его книгу, – она была английская [П.Ф.Вистенгоф, 1989, с. 138].

Об этом же пишет и В.П.Авенариус:

Но, будучи на хорошем счету у начальства, поэт наш, насмешливый и придирчивый, не был любим пансионскими товарищами, прозавшими его «лягушкой» [В.П.Авенариус, 1914, с. 18].

Впрочем, здесь в воспоминаниях современников наблюдается определённая противоречивость. Сошлёмся на вводную статью М.Гиллельсона к известному изданию:

Тридцать лет тому назад была впервые опубликована статья А.В. Дружинина, основанная на беседах автора с близкими поэту людьми; в этой новонайденной статье характеристика Лермонтова полностью совпадает с герценовской: «Большая часть из современников Лермонтова, даже многие из лиц, связанных с ним родством и приятнью, – говорят о поэте как о существе желчном, угловатом, испорченном и предававшемся самым неизвинительным капризам, – но рядом с близорукими взглядами этих очевидцев идут отзывы другого рода, отзывы людей, гордившихся дружбой Лермонтова и выше всех других связей ценивших эту дружбу. По словам их, стоило только раз пробить ледяную оболочку, только раз проникнуть под личину суровости, родившейся в Лермонтове отчасти вследствие огорчений, отчасти просто через прихоть молодости, – для того, чтоб разгадать сокровища любви, таившиеся в этой богатой натуре».

Однако «пробить ледяную оболочку» удавалось немногим, лишь наиболее проникательным и доброжелательным собеседникам.

Даже Белинский при первом знакомстве не разгадал Лермонтова. Из воспоминаний Н.М.Сатина известно, что их встреча на Кавказе в 1837 году окончилась взаимной неприязнью. Три года спустя Белинский посещает Лермонтова во время его пребывания под арестом в ордонанс-гаузе, и происходит внезапная метаморфоза; серьёзный и откровенный разговор полностью перечеркивает старое предубеждение. Потрясенный этой встречей, Белинский спешит сообщить В.П. Боткину о своем «открытии» Лермонтова: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и

могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! <...> Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему – он улыбнулся и сказал: «Дай бог!» [М.Гиллельсон, 1989, с. 9]

Что касается *отношения к знаниям*, то здесь будущий поэт был на высоте. По воспоминаниям А.З.Зиновьева, домашнего учителя и, затем, преподавателя Университетского благородного пансиона, Лермонтов учился блистательно:

Миша учился прекрасно, вел себя благородно, особенные успехи оказывал в русской словесности. Первым его стихотворным опытом был перевод Шиллеровой «Перчатки», к сожалению, утратившийся. Каким образом запало в душу поэта приписанное ему честолюбие, будто бы его грызшее; почему он мог считать себя дворянином незнатного происхождения, – ни достаточного повода и ни малейшего признака к тому не было. В наружности Лермонтова также не было ничего карикатурного. Воспоминанье о личностях обыкновенно для нас сливается в каком-либо обстоятельстве. Как теперь смотрю я на милого моего питомца, отличившегося на пансионском акте, кажется, 1829 года. Среди блестящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского к Морю и заслужил громкие рукоплесканья. Он и прекрасно рисовал, любил фехтованье, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых летах [А.З.Зиновьев, 1989].

О том, что М.Ю.Лермонтов *стремился к знаниям*, вспоминают его однокашники по юнкерской школе:

В школу (старая юнкерская, теперешняя Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров) мы поступали не моложе 17 лет, а доходило до 26; все из богатого дома, все лентяи, один Лермонтов учился отлично [А.Ф.Тиран, 1989, с. 149].

В плане умения включиться в социальную иерархию детство М.Ю.Лермонтова формировало у него достаточно противоречивые качества: с одной стороны, он рос как внутренне *добросовестный, ответственный* мальчик, с другой стороны, позднее он многими воспринимался в качестве *неуважаемого, неуправляемого* субъекта.

В 1840 году в черновом отпуске полковой канцелярии при штабе генерал-адъютанта Граббе, отправленном в Петербург, на запрос военного министра о поручике Лермонтове, сказано: «...служит исправно, ведет жизнь трезвую и ни в каких злокачественных поступках не замечен» [Д.С. Мережковский, 2013, с. 402].

Тот же самый Д.С.Мережковский приводит факты и противоположного характера:

В детстве он напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда вели кого-нибудь наказывать, и бросался на отдавших приказание с палкою, с ножом, – что под руку попало [Д. С. Мережковский, 2013, с. 416].

Отсутствие в детстве отцовского мужского влияния, воспитание под крылом очень богатой и очень влиятельной бабушки не могло затем не дать о себе знать. Уже цитировавшийся сокурсник Лермонтова по университету П.Ф.Вистенгоф приводит случай, ярко показывающий *пренебрежительное отношение* поэта к объективно существующей *социальной иерархии*:

Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал Лермонтову какой-то вопрос.

Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать. Профессор сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

– Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

– Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас еще не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным.

Мы все переглянулись.

Подобный ответ дан был и адъюнкт-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обиделись и постарались срезать Лермонтова на публичных экзаменах.

Почему здесь говорится о *пренебрежительном отношении* будущего поэта к объективно существующей *социальной иерархии*? Дело в том, что в университете будущий поэт объективно оказался в роли студента (это его социальная роль в университете). В университетской иерархии профессор занимает (по крайней мере, должен занимать) одну из высших социальных ступеней, а студент – по определению – оказывается на значительно более низкой социальной позиции (ведь по факту он пришёл учиться, а не учить).

Юный Лермонтов в данном случае уповал на богатую бабушку, одну из самых богатых и родовитых женщин своего времени, это и давало ему основания дерзко вести себя по отношению к университетским профессорам. Неадекватность будущего поэта в данном случае заключалась в непонимании того, что в социуме существуют различные социальные страты, внутри каждой из которых имеется своя социальная иерархия. В университетской иерархии профессор значительно выше студента (между ними целый ряд промежуточных ступеней: магистрант – магистр – доцент). Непонимание этого общего положения и привело поэта к досрочному и неуспешному завершению своей учёбы в университете.

Об одновременном сочетании в характере будущего поэта *вежливости и услужливости*, с одной стороны, и *крайней настойчивости и упрямства*, с другой, – также пишет В.П.Авенариус:

Нрава он был доброго и чувствительного, вежлив и услужлив; но и тогда уже в нем, как в общем баловне, проявлялась крайняя настойчивость и упрямство. Так, например, учитель Капэ, большой любитель жаркого из молодых галчат, хотя и убеждал своих воспитанников, что нет ничего вкуснее этого блюда, но отведать его не мог заставить Мишеля, который называл этих птиц «падалью». В другой раз, когда один из маленьких товарищей Лермонтова не хотел исполнить какое-то его требование, тот настоял-таки на своем:

– Хоть умри, но ты должен это сделать! [Авенариус, 1914, с. 14]

Противоречивыми характеристиками обладают социальные установки М.Ю.Лермонтова в части проявления *патриотичных/космополитичных* их составляющих. Знакомство с творчеством поэта позволяет сформулировать вывод, что патриотизм М.Ю.Лермонтова носил преимущественно этнический характер. С одной стороны, поэт гордился своей принадлежностью к русскому народу, например ср. в «Бородино»:

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

Одновременно во всех стихотворениях о родине проходит мысль нелюбви к своему государству:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Любовь к русскому и нелюбовь к государственно-российскому для Лермонтова очень характерны:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
<...>
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов

На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Противоречивые качества формировались у Лермонтова всем его детством и в плане его отношения к вопросам *свободы*. Под свободой он понимал, скорее всего, свободу поведения только лишь для себя (на своевольное поведение в детстве будущего поэта мы уже указывали. – А.П.). Одновременно он демонстрировал и удивительную *несамостоятельность*. Вот как об этих чертах характера Лермонтова пишет В.П.Авенариус:

Ему хотелось сделаться скорее независимым человеком, душа его рвалась на широкий простор жизни. К тому же неудачный опыт пребывания в Московском университете не только не привлек юношу к университетскому образованию, а наоборот, оттолкнул и разочаровал его в нем. В то же время уже с детских лет романтическая голова поэта была преисполнена воинственных порывов; он постоянно жаждал сильных ощущений, борьбы с опасностями, бредил боями и героическими подвигами и питал страсть к военным людям и военному быту [В.П.Авенариус, 1914, с. 35].

Эту мысль – о стремлении поэта к полной свободе, а точнее, к безграничному *своеволию* – продолжает В.Соловьёв:

С ранних лет ощутив в себе силу гения, Лермонтов принял ее только как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу. Он думал, что его гениальность уполномочила его требовать от людей и от бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно их ни к чему. Но пусть бог и люди великодушно не настаивают на обязанностях гениального человека. Ведь богу ничего не нужно, а люди должны быть благодарны и за те искры, которые летят с костра, на котором сжигает себя гениальный человек [Вл. С. Соловьёв, 2013, с. 391].

Но абсолютное своеволие, к которому стремился поэт, на самом деле означает предельную *несамостоятельность* – от своих сиюминутных желаний. Потому и появляются основания утверждать наличие *несамостоятельности* в характере М.Ю.Лермонтова.

Все эти описания лермонтовского демона можно бы принять за пустые фантазии талантливого мальчика, если бы не было известно из биографии поэта, что уже с детства, рядом с самыми симпатичными проявлениями души чувствительной и нежной, обнаруживались у него резкие черты злобы, прямо демонической. Один из панегиристов Лермонтова, более всех, кажется, им занимавшийся, сообщает, что «склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивал с ног бедную курицу». Было бы, конечно, нелепо ставить все это в вину балованному мальчику. Я бы и

не упомянул даже об этой черте, если бы мы не знали из собственного интимного письма поэта, что взрослый Лермонтов совершенно так же вел себя относительно человеческого существования, особенно женского, как Лермонтов-ребенок – относительно цветов, мух и куриц. И тут опять значительно не то, что Лермонтов разрушал спокойствие и честь светских барынь, – это может происходить и нечаянно, – а то, что он находил особенное наслаждение и радость в этом совершенно негодном деле, так же как он ребенком *с истинным удовольствием* давил мух и радовался зашибленной камнем курице.

Кто из больших и малых не делает волей и неволей всякого зла и цветам, и мухам, и курицам, и людям? Но все, я думаю, согласны, что услаждаться деланием зла есть уже черта нечеловеческая [Вл. Соловьев, 2013, с. 393-394].

Несамостоятельность М.Ю.Лермонтова во многом основывалась на деспотических установках по отношению к нему со стороны его бабушки:

Страсть к литературе одна, вероятно, заставляла его насиловать натуру свою и уступать желаниям бабушки, которая и слышать не хотела, чтобы внук подвергал себя опасностям боевой жизни. Позднее еще, когда Лермонтов юнкером лейб-гвардии гусарского полка стоял в Петергофе и в лагерное время захворал, выказалось, по рассказам очевидцев, вся нелюбовь Арсеньевой к военной карьере внука. Бабушка приехала к начальнику Лермонтова полковнику Гельмерсену просить отпустить больного домой. Гельмерсен находил это лишним и старался уверить бабушку, что для внука ее нет никакой опасности. Во время разговора он сказал:

– Что же вы сделаете, если внук ваш захворает во время войны?

– А ты думаешь, – бабушка, как известно, всем говорила "ты", – а ты думаешь, что я его так и отпущу в военное время?! – раздраженно ответила она.

– Так зачем же он тогда в военной службе?

– Да это пока мир, батюшка!.. А ты что думал? [П.А.Висковатый, 1891]

Таким образом, есть все основания утверждать, что социальные установки у М. Ю. Лермонтова в возрасте с 6-ти до 8-ми лет были **сформированы достаточно противоречивым образом**. Одна часть качеств будущего поэта свидетельствует о созидательной направленности его социальных установок, другая – о деструктивных проявлениях этих установок (аттитюдов).

Принципиальные установки. Итогом наблюдений над принципиальными установками М.Ю.Лермонтова может послужить табл. 2, где полужирным курсивом выделены признаки, получившие подтверждение в воспоминаниях современников и литературоведческих исследованиях:

Табл. 2 – Признаки принципиальных установок М.Ю.Лермонтова

Принципиальные установки	
Следовать выработанным принципам	Следовать не принципам, а ситуативным интересам
1) <i>принципиальный, однозначный, справедливый, честный, правильный, смелый</i>	1) беспринципный, обтекаемый, <i>несправедливый</i> , подлый, <i>неправильный</i> , трусливый
2) <i>искренний</i> , правдивый, <i>неравнодушный</i> , порядочный	2) лицемерный, лживый, равнодушный, жуликоватый
3) <i>решительный</i> , надежный, <i>свободный</i>	3) нерешительный, ненадежный, конформный
4) нравственный, стойкий	4) <i>безнравственный, шаткий</i>
5) достойный, возвышенный, благородный	5) <i>недостойный, низменный, порочный, низкий</i>

Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что **принципиальные установки** у М. Ю. Лермонтова в возрасте до 12-14-ти лет были **сформированы достаточно противоречивым образом**. Одна часть качеств будущего поэта свидетельствует о конструктивной, созидательной направленности его принципиальных установок, другая – о деструктивных проявлениях принципиальных установок будущего поэта. Наряду с положительными качествами у М.Ю.Лермонтова – в рамках одного и того же критерия – могут быть обнаружены противоположные качества. «Принципиальный, честный, смелый» – и «несправедливый, неправильный»; «нравственный» – и «безнравственный, шаткий»; «искренний, неравнодушный» – и «равнодушный».

Приведём соответствующие примеры.

«**Принципиальный, честный, смелый**». Основой для формирования данных качеств стал тот факт, что М.Ю.Лермонтов имел живой критический ум, свои твердые взгляды на мир и жизнь, которые было трудно изменить. Он не боялся осуждения со стороны, был честен и смел. Об этом пишут многие:

Лермонтов говорит просто и правдиво, нисколько не стараясь выгородить себя или вызвать к себе симпатию; даже и мысль о том, что он мстит за страдания, доставленные ему в детстве, кинута; очевидно, он не думает оправдывать себя [П.А.Висковатый, 1891, с. 36].

Следует также отметить, что данное качество могло быть привито ему бабушкой, которая служила ему личным примером **честности**:

Вся родня Арсеньевых отличалась, как мы сказали уже, своей правдивостью, исполнением данного слова и принятых обязанностей [П.А.Висковатый, 1891, с. 11].

Будучи честным, М.Ю.Лермонтов требовал этого и от окружающих его людей. Он *не терпел лжи и лицемерия*, это огорчало и злило его:

Одна фальшивая нота заставляла его съежиться в самом себе и нарушала все душевное равновесие. Восстановление прежних отношений делалось уже невыносимым. Нежнейшие струны, вновь связанные, не могли издавать прежнего, чистого звука. При всем желании

возобновить порванные отношения, это не удавалось Лермонтову, и он переходил к сарказму, в котором не щадил ни себя, ни других. От этого он внутренне чувствовал себя еще более несчастным [П.А.Висковатый, 1891, с. 25]; Выросший среди общества, где лицемерие и ложь считаются признаками хорошего тона, Лермонтов до последнего вздоха остался чужд всякой лжи и притворства [Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников, 1989, с. 365].

С другой стороны, М.Ю.Лермонтов часто проявлял в своём поведении такие отрицательные качества, как **«несправедливый, неправильный»**. Примеров такого поведения множество:

Одаренный от природы блестящими способностями и редким умом, Лермонтов любил преимущественно проявлять свой ум, свою находчивость в насмешках над окружающею его средою и колкими, часто очень меткими остротами оскорблял иногда людей, достойных полного внимания и уважения. С таким характером, с такими наклонностями, с такой разнузданностью он вступил в жизнь и, понятно, тотчас же нашел себе множество врагов... В характере Лермонтова была еще черта далеко не привлекательная – он был завистлив. Будучи очень некрасив собой, крайне неловок и злоязычен, он, войдя в возраст юношеский, когда страсти начинают разыгрываться, не мог нравиться женщинам, а между тем был страшно влюбчив. Невнимание к нему прелестного пола раздражало и оскорбляло его беспредельное самолюбие, что служило поводом с его стороны к беспощадному бичеванию женщин. Как поэт, Лермонтов возвышался до гениальности, но как человек, он бы мелочен и несносен. Эти недостатки и признак безрассудного упорства в них были причиною смерти гениального поэта от выстрела, сделанного рукою человека доброго, сердечного, которого Лермонтов довел своими насмешками и даже клеветами почти до сумасшествия [И.А. Арсеньев, 1989, с. 56-57].

Таким образом, у М.Ю. Лермонтова наблюдается противоречивая ситуация: с одной стороны, у него присутствуют положительные качества **«принципальный, честный, смелый»**, а с другой, он нередко проявлял в своём поведении и отрицательные качества – **«несправедливый, неправильный»**.

Имеющиеся факты биографии писателя позволяют предполагать, что у М.Ю.Лермонтова в возрасте 11-14 лет было сформировано качество **«искренний, равнодушный»**. Так, М.Ю.Лермонтов защищал простых слуг, видя в них людей, ничем не отличающихся от господ, был наивным, чувствительным, переживал по многим поводам:

Лермонтов в детстве еще напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, он выходил из себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавших приказание с палкой, с ножом – что под руку попадало [П.А.Висковатый, 1891, с. 27].

Вот ещё подтверждение:

Лермонтов же отпускал своих дворовых целыми семьями. Вот почему среди крестьян бытовали предания о Лермонтове как человеке гуманном, добросердечном, как об их заступнике и милостивце [П.А.Вырыпаев, 1976, с. 48].

Таким образом, есть основания сделать вывод о том, что М.Ю.Лермонтов в подростковом возрасте сформировал качества **«искренний, неравнодушный»**.

Имеющийся биографический материал позволяет предполагать, что М.Ю.Лермонтов в возрасте 11-14 лет сформировал качество **«решительный, свободный»** (признак *свободный* здесь используется как оппозиция к признаку *конформный*. – Прим. А.П.). Подтверждением этого могут служить многочисленные произведения М.Ю.Лермонтова, в которых поэт отразил свой взгляд на мир, а герои отчасти автобиографичны. Одним из наглядных произведений может послужить поэма «Мцыри» (1840), о которой в критике имеются такие комментарии:

Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля, –
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О! я, как брат,
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..

Уже из этих слов вы видите, что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью. Это произведение субъективное [В.Г. Белинский, 1840, с. 30]

Таким образом, М.Ю.Лермонтов обладал качествами **«решительный, свободный»**, что затем нашло отражение в его творчестве.

Имеющиеся факты биографии М.Ю.Лермонтова позволяют предполагать, что у него в возрасте 11-14 лет формировались такие качества, как **«безнравственный, шаткий»**. Формированию данных качеств способствовали отношения в семье М.Ю.Лермонтова, непонимание и неприятие его со стороны окружающих людей, неудачи в отношениях с противоположным полом.

По нашему современному определению его можно было назвать хулиганом чистейшего типа. Выходки совершенно невозможные и нетерпимые, бретерство самого низшего разбора, нечистоплотная бес-

церемонность в обращении с женщинами как-то странно уживалась в нем с подвигами высокого благородства, верностью дружбе... По словам П.П. Вяземского, характер поэта был крайне неровный и настроение часто и резко менялось: от неудержимой веселости он переходил к мрачной задумчивости и угрюмо сидел молча, еле отвечая на вопросы. И в такие минуты он бывал небезопасен (Е.Н.Опочинин, 1990, с. 40-41).

Многие, очень многие современники М.Ю.Лермонтова воспринимали его как «нового Баркова»:

... Был дурной человек: никогда ни про кого не отзовется хорошо; очернить имя какой-нибудь светской женщины, рассказать про нее небывалую историю, наговорить дерзостей – ему ничего не стоило. Не знаю, был ли он зол или просто забавлялся, как гибнут в омуте его сплетен... [А.Ф.Тиран, 1989. с. 151]

Таким образом, мы можем говорить о том, что М.Ю.Лермонтов в значительной степени сформировал качества *«безнравственный, шаткий»*, которые проявлялись в его отношениях с другими людьми.

Имеющийся биографический материал позволяет предположить, что в возрасте 11-14 лет у М.Ю.Лермонтова в значительной степени были сформированы качества *«недостойный, низменный, порочный, низкий»*. Основой для формирования данных отрицательных качеств послужили его отношения с обществом, а так же гордый нрав М.Ю.Лермонтова, который давал ему повод считать себя лучше других.

Сознавая в себе от ранних лет гениальную натуру, задаток сверхчеловека, Лермонтов также рано сознавал и то злое начало, с которым он должен бороться, но которому скоро удалось, вместо борьбы, вызвать поэта лишь на идеализацию его [В.С. Соловьев, 2013, с. 392].

...уже с детства, рядом с самыми симпатичными проявлениями души чувствительной и нежной, обнаруживались у него резкие черты злобы, прямо демонической. Один из панегиристов Лермонтова, более всех, кажется, им занимавшийся, сообщает, что "склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивал с ног бедную курицу". Было бы, конечно, нелепо ставить все это в вину балованному мальчику. Я бы и не упомянул даже об этой черте, если бы мы не знали из собственного интимного письма поэта, что взрослый Лермонтов совершенно так же вел себя относительно человеческого существования, особенно женского, как Лермонтов-ребенок – относительно цветов, мух и куриц. И тут опять значительно не то, что Лермонтов разрушал спокойствие и честь светских барынь, – это может происходить и нечаянно,- а то, что он находил особенное наслаждение и радость в этом совершенно негодном деле, так же как он ребенком с истинным удовольствием давил мух и

радовался зашибленной камнем курице [В.С. Соловьев, 2013, с. 393-394].

Сознавал ли Лермонтов, что пути, на которые толкали его эти демоны, были путями ложными и пагубными? И в стихах, и в письмах его много раз высказывалось это сознание. Но сделать действительное усилие, чтобы высвободиться из-под власти двух первых демонов, мешал третий и самый могучий – демон гордости; он нашептывал: "Да, это дурно, да, это низко, но ты гений, ты выше простых смертных, тебе все позволено, ты имеешь от рождения привилегию оставаться высоким и в низости..." Глубоко и искренно тяготился Лермонтов своим падением и порывался к добру и чистоте. Но мы не найдем ни одного указания, чтобы он когда-нибудь тяготился взыправду своею гордостью и обращался к смирению. И демон гордости, как всегда хозяин его внутреннего дома, мешал ему действительно побороть и изгнать двух младших демонов, и когда хотел – снова и снова отворял им дверь... [В.С. Соловьев, 2013, с. 395].

В наиболее очевидном виде *недостойность, низость* поведения М.Ю.Лермонтова проявились в известной истории с Ек.Сушковой:

Наезжая из Царского Села в Петербург, Лермонтов, после 4-х лет, увиделся тут снова с своей старинной московской знакомкой Екатериной Александровной Сушковой (два года спустя вышедшей замуж за Хвостова). На 20-ти-летнего гусарского корнета, приобретшего своим стихотворством уже некоторую известность, Сушкова смотрела совсем иными глазами, чем на прежнего школьника. Подобно другим молодым барышням, поклонявшимся таланту нашего поэта, она рядилась в любимые его цвета: голубой и белый, вязала ему сувениры, очень охотно танцевала с ним целые вечера и заслушивалась его остроумной болтовни. Но, в конце концов, он презло подшутил над нею: написал французское анонимное письмо, будто-бы от имени какой-то благородной девицы, жестоко им обманутой и считавшей долгом совести предостеречь от него Сушкову. Письмо это, адресованное к ней, он нарочно, однако, направил так, что оно попало в руки её старших родственников, – и в доме поднялась целая семейная буря. Лермонтову отказали от дома, а он только посмеивался про себя. На вопрос Сушковой, зачем он всех так интригует, – ответ его был: – Я изготавливаю на деле материал для будущих моих сочинений. И точно, история знакомства его с Сушковой-Хвостовой послужила ему впоследствии благодарною темой для его «Героя нашего времени».

Рассказанный сейчас эпизод, выставляющий характер Лермонтова в столь невыгодном свете, был в жизни его не единичным. Передают еще, напр., что, посватавшись на Щербатовой и получив её согласие, он потом на коленях умолял свою бабушку протестовать против этого брака [В.П.Авенариус, 1914, с. 34-35].

Таким образом, у М.Ю.Лермонтова в подростковом возрасте действительно были сформированы отрицательные качества **«недостойный, низкий»**, что затем проявилось в различных событиях его взрослой жизни.

В целом же имеющиеся сведения позволяют утверждать, что **принципиальные установки** у М. Ю. Лермонтова в возрасте до 12-14-ти лет были **сформированы достаточно противоречивым образом**. Одна часть качеств будущего поэта свидетельствует о конструктивной, созидательной направленности его принципиальных установок, другая – о деструктивных проявлениях принципиальных установок будущего поэта.

Интегративные установки. Итогом наблюдений над интегративными установками М.Ю.Лермонтова может послужить табл. 3, где полужирным курсивом выделены признаки, получившие подтверждение в воспоминаниях современников и литературоведческих исследованиях:

Табл. 3 – Признаки интегративных установок М.Ю.Лермонтова

Интегративные установки	
Расширять сознание	Сужать сознание
1) объективный, истинный, естественный, настоящий, разумный, рассудительный, мудрый, понимающий, информированный, глубокий, духовный	1) необъективный , ненастоящий, искусственный, поддельный, неразумный, безрассудный, глупый, непонимающий, неосведомленный, поверхностный, бездуховный
2) гармоничный, многогранный, всеобъемлющий, разносторонний, многоликий , человечный, ансамбль субличностей, сбалансированный	2) дисгармоничный , ограниченный, однонаправленный, однобокий, однообразный, бесчеловечный, разобщенность субличностей, пребывающий в дисбалансе
3) зрелый, проницательный	3) незрелый , непроницательный
4) позитивный, счастливый, светлый, ясный , удачливый, увлеченный , положительный, хороший, великий	4) негативный, несчастный, мрачный, пасмурный , неудачливый, разочарованный , отрицательный, плохой, ничтожный
5) целостный , чистый, прекрасный, безупречный, неуязвимый	5) односторонний, грязный, отвратительный, испорченный , уязвимый

Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что **интегративные установки** у М. Ю. Лермонтова в возрасте 16-18 лет были **сформированы достаточно противоречивым образом**. Одна часть качеств будущего поэта свидетельствует о конструктивной, созидательной направленности его интегративных установок, другая – о деструктивных проявлениях интегративных установок будущего поэта.

Имеющиеся факты биографии писателя позволяют предполагать, что в плане отношения к истине М.Ю.Лермонтов в возрасте 16-18 лет проявлял качества *информированный, глубокий, духовный*, о чем свидетельствует тот факт, что поэт был натурой думающей, творческой, в чём-то пророческой, думал о смысле жизни и своём предназначении как поэта:

Необычная сосредоточенность Лермонтова в себе давала его взгляду остроту и силу, чтобы иногда разрывать сеть внешней причинности и проникать в другую, более глубокую связь существующего, – это была способность пророческая; и если Лермонтов не был ни пророком в настоящем смысле этого слова, ни таким прорицателем, как его предок Фома Рифмач, то лишь потому, что он не давал этой своей способности никакого объективного применения. Он не был занят ни мировыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой, – и тут он, конечно, был более пророк, чем кто-либо из поэтов [В.С. Соловьев, 2013, с. 388-389].

В качестве примера пророческой глубины поэта Вл.С.Соловьёв приводит известное лермонтовское стихотворение «Сон»:

За несколько месяцев до роковой дуэли Лермонтов видел себя не подвижно лежащим на песке среди скал в горах Кавказа, с глубокою раной от пули в груди, и видящим в сонном видении близкую его сердцу, но отделенную тысячами верст женщину, видящую в сомнамбулическом состоянии его труп в той доли не. Тут из одного сна выходит, по крайней мере, три: 1) сон здорового Лермонтова, который видел себя самого смертельно раненым, – дело сравнительно обыкновенное, хотя, во всяком случае, это был сон в существенных чертах своих вещей, потому что через несколько месяцев после того, как это стихотворение было записано в тетради Лермонтова, поэт был действительно глубоко ранен пулею в грудь, действительно лежал на песке с открытою раной и действительно уступы скал теснились кругом. 2) Но, видя умирающего Лермонтова, здоровый Лермонтов видел вместе с тем и то, что снится умирающему Лермонтову:

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне...
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Это уже достойно удивления. Я думаю, немногим из вас случилось, видя кого-нибудь во сне, видеть вместе с тем и тот сон, который видится этому вашему сонному видению. Но таким сном (2) дело не оканчивается, а является сон (3):

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчива одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена.
И снилась ей долина Дагестана,

Знакомый труп лежал в долине той,
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

Лермонтов видел, значит, не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна, – сновидение в кубе. Во всяком случае, остается факт, что Лермонтов не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел ее заранее. А та удивительная фантазмагория, которою увековечено это видение в стихотворении «Сон», не имеет ничего подобного во всемирной поэзии и, я думаю, могла быть созданием только потомка вещего чародея и прорицателя, исчезнувшего в царстве фей. Одного этого стихотворения, конечно, достаточно, чтобы признать за Лермонтовым врожденный, через голову многих поколений переданный ему гений [В.С. Соловьев, 2013, с. 389-390].

В то же самое время поэта в этот период времени характеризовала чрезвычайно выраженная *необъективность*, чрезвычайно выраженная *субъективность* восприятия и поведения. В извечной триаде мотивов «хочу – должен – могу» доминирующим в его поведении, как показывают современники и лермонтоведы, был мотив «хочу»:

С ранних лет ощутив в себе силу гения, Лермонтов принял ее только как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу. Он думал, что его гениальность уполномочила его требовать от людей и от бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно их ни к чему [Вл. С. Соловьев, 2013, с. 391].

Чрезвычайная *субъективность* характеризует и творчество поэта. А.И. Герцен пишет:

Лермонтов принадлежит к числу поэтов, которых принято называть «субъективными». Его произведения отражают прежде всего его собственный внутренний мир – его радости и печали, его надежды и разочарования. Герои Лермонтова – часть его самого; его стихотворения – самая полная его биография [А.И. Герцен, 1860, с. 7].

Мнение о *чрезвычайной субъективности* творческого гения М.Ю.Лермонтова разделяет и Вл.С.Соловьёв:

Первая и основная особенность лермонтовского гения – страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем «Я», страшная сила личного чувства. Не ищите у Лермонтова той прямой открытости всему задушевному, которая так чарует в поэзии Пушкина. Пушкин когда и о себе говорит, то как будто о другом; Лермонтов когда и о другом говорит, то чувствуется, что его мысль и из бесконечной дали стремится вернуться к себе, в глубине занята собою, обращается на себя. Нет надобности приводить этому примеры из произведений Лермонтова, потому что из них немного можно было бы найти таких, где бы этого не было. Ни у одного из русских поэтов нет такой силы личного самочувствия, как у Лермонтова [В.С. Соловьев, 2013, с. 385-386].

Таким образом, у М.Ю.Лермонтова в плане отношения к истине наблюдается неоднозначная ситуация: с одной стороны, он предстаёт как **информированный, глубокий, духовный**, а с другой – как **необъективный**, относящийся к вопросам поиска истины чрезвычайно субъективно.

Имеющиеся факты биографии писателя позволяют предполагать, что М.Ю.Лермонтов в возрасте 16-18 лет сформировал такие противоречивые качества, как *разносторонний, многоликий*, с одной стороны, и одновременно, с другой стороны, такие деструктивные качества, как *дисгармоничный, бесчеловечный, разобщенность субличностей, пребывающий в дисбалансе*.

Об этих качествах Лермонтова хорошо высказался А.М.Скабичевский:

... У большинства русских людей, не исключая и самых горячих поклонников его поэзии, мы видим крайне смутное представление о роли и значении Лермонтова в русской литературе, равно и о преобладающем характере его произведений. Берут обыкновенно один какой-нибудь элемент его поэзии и этим элементом исключительно определяют ее всю, представляя таким образом любимого поэта в крайне одностороннем виде и упорно закрывая глаза на все прочие элементы. Одни, например, видят в Лермонтове только подражателя Байрона и делают ему большую честь, когда находят, что байронизм, пересаживаемый поэтом на русскую почву, во всяком случае является байронизмом самобытным, видоизмененным сообразно особенностям русской природы и жизни. Другие, принимая во внимание обстоятельства судьбы его, стихотворение на смерть Пушкина и некоторые другие стихотворения и поэмы, готовы видеть в нем первого отважного протестанта против стесненных условий общественной жизни. Третьи, наконец, на первый план ставят разочарование поэта во всем земном, его ощущение тягости земной, телесной жизни и постоянные порывания к небесному, – тоску бессмертного духа, рвущегося в бесконечный простор и вечное сияние потерянного рая.

В каждом из этих суждений вы найдете свою долю правды, но каждое из них в равной степени страдает односторонностью и далеко не обнимает всех сложных элементов музыки Лермонтова. Вся загадка понимания Лермонтова во всем его объеме и со всеми его особенностями заключается в том, что по самой натуре своей это был вполне гениальный человек. Гениальные же люди прежде всего отличаются от обыкновенных смертных тем, что они никогда не бывают и не могут быть односторонними; в этом и заключается сущность всякой гениальности, в то время как всякая односторонность есть по самому существу своему ограниченность и, следовательно, нечто исключаящее гениальность.

Гениальная личность прежде всего совмещает в себе не только положительные, доблестные элементы современности, но и ее недостатки и пороки. Обладая громадными запасами сил, гениальные люди спешат взять от современной им жизни все, что в ней заключается,

всем, что в ней есть, насладиться и всем перестрадать. Но этим не ограничивается еще их гениальность: будучи вполне детьми своего века, разделяя с современниками своими все их положительные и отрицательные качества, они выделяются среди них, возвышаются над ними, уходя от всего относительного, преходящего, принадлежащего данному веку и составляющего злобу дня в область необъятного, безотносительного, общенародного или общественного, делающего их творения достоянием многих веков или многих народов, смотря по степени их гениальности и общечеловечности.

Все это мы замечаем у Лермонтова. Так, прежде всего он поражал всех своих друзей и знакомых соединением самых, по-видимому, непримиримо противоречащих друг другу качеств. Человек, внешне глубоко разочарованный, не верящий в земное счастье, томящийся, не находящий места на земле и жаждущий смерти как избавления от “пустой и глупой шутки”, называемой жизнью, – Лермонтов в то же время беззаветно наслаждался всеми благами жизни, как эллин эпохи Перикла, и вся жизнь его представляла собою веселый праздник светского бонвивана.

Человек, с презрением смотревший на бессмысленную, пошлую и пустую суету большого света, готовый «дерзко бросить в глаза всем его представителям железный стих, облитый горечью и злостью», он одновременно употреблял недостойные его уловки, чтобы быть в этом самом свете замеченным, принятым и иметь в нем успех. В одно и то же время одних и тех же людей он поражал невыносимостью своего заносчивого высокомерия и дерзкой насмешливости, доходившей до страсти к мучительству ближних, неспособных «отгрызаться», и вместе с тем теплым, отзывчивым сердцем, жаждущим любви и ласки и способным всецело отдаваться; трагические предчувствия близкой смерти не мешали ему предаваться ребяческому школьничеству [А.М.Скабичевский, <http://fbxlib.ru/book/168832/read/>].

Таким образом, имеющиеся факты биографии поэта позволяют утверждать, что М.Ю.Лермонтов в возрасте 16-18 лет сформировал в достаточной степени противоречивые качества: *разносторонний, многоликий*, с одной стороны, и одновременно, с другой стороны, такие деструктивные качества, как *дисгармоничный, бесчеловечный, разобщенность субличностей, пребывающий в дисбалансе*.

Имеющийся биографический материал позволяет выдвинуть предположение, что у М.Ю.Лермонтова в возрасте 16-18 лет были сформированы фактически противоречащие друг другу качества: с одной стороны – *незрелый*, а с другой – *проницательный*.

О глубокой *проницательности* М.Ю.Лермонтова пишет А.И.Герцен:

К несчастью быть слишком проницательным у него присоединилось и другое – он смело высказывался о многом без всякой пощады и без прикрас. Существа слабые, задетые этим, никогда не прощают подобной искренности [А.И.Герцен, 2013, с. 205].

Проницательность М.Ю.Лермонтова отмечалась и теми, кто с ним общался непосредственно. Вот, например, свидетельство Ю.Ф.Самарина:

Я часто видел Лермонтова за все время его пребывания в Москве. Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности и большой глубине индифферентизма. Прежде чем вы подошли к нему, он вас уже понял: ничто не ускользает от него; взор его тяжел, и его трудно переносить. Первые мгновенья присутствия этого человека было мне неприятно; я чувствовал, что он наделен большой проницательной силой и читает в моем уме, и в то же время я понимал, что эта сила происходит лишь от простого любопытства, лишённого всякого участия, и потому чувствовать себя подавленным ему было унижительно. Этот человек слушает и наблюдает не за тем, что вы ему говорите, а за вами, и, после того как он к вам присмотрелся и вас понял, вы не перестаете оставаться для него чем-то чисто внешним, не имеющим права что-либо изменить в его существовании [Ю. Ф. Самарин, 1989, с. 383-384].

Проницательность взгляда М.Ю.Лермонтова отмечается многими его современниками. И.И.Панаев вспоминает:

Наружность Лермонтова была очень замечательна.

Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго. Лермонтов знал силу своих глаз и любил смущать и мучить людей робких и нервических своим долгим и пронзительным взглядом. Однажды он встретил у г. Краевского моего приятеля М. А. Языкова... Языков сидел против Лермонтова. Они не были знакомы друг с другом. Лермонтов несколько минут не спускал с него глаз. Языков почувствовал сильное нервное раздражение и вышел в другую комнату, не будучи в состоянии вынести этого взгляда. Он и до сих пор не забыл его [И.И.Панаев, 1989, с. 305-306].

Почти о том же пишет А.Чарыков:

Война тогда была в полном разгаре, и так как Ставрополь в то время был сборным пунктом, куда ежегодно стекалась масса военных для участия в экспедициях против горцев, то на бале офицерства было много множество и теснота была страшная; и вот благодаря этой самой тесноте мне привелось в первый раз увидеть нашего незабвенного поэта; пробираясь шаг за шагом в танцевальный зал, я столкнулся с одним из офицеров Тенгинского полка, и когда, извиняясь, мы взглянули друг на друга, то взгляд этот и глаза его так поразили меня и произвели такое чарующее впечатление, что я уже не отставал от него, желая непременно узнать, кто он такой. Случались со мною подобные столкновения и прежде и после в продолжение моей долгой жизни, но мне никогда не приходило в голову справляться о тех осо-

бах, с которыми я имел неудовольствие или удовольствие сталкиваться [А.Чарыков, 1989, с. 318].

С другой стороны, *проницательность* поэта сопровождалась его беспощадным поведением к слабостям окружающих, а это уже своего рода проявление человеческой *незрелости*. Известны по публикациям других лиц устные рассказы о Лермонтове его сослуживца по Кавказу И.В.Арнольди:

Мы не обращали на Лермонтова никакого внимания, и никто из нас и нашего круга не считал Лермонтова настоящим поэтом, выдающимся человеком. Тогда еще немногие стихотворения Лермонтова были напечатаны и редкие нами читались... Ведь много лучших произведений Лермонтова появилось в печати уже после его смерти... Его чисто школьнические выходки, проделки многих раздражали и никому не нравились. Лермонтов был неуживчив, относился к другим пренебрежительно, любил ядовито острить и даже издеваться над товарищами и знакомыми, его не любили, его никто не понимал. Даже и теперь я представляю себе непременно два Лермонтова: одного – великого поэта, которого я узнал по его произведениям, а другого – ничтожного, пустого человека, каким он мне казался, дерзкого, беспокойного офицера, неприятного товарища, со стороны которого всегда нужно было ждать какой-нибудь шпильки, обидной выходки... Мы все, его товарищи-офицеры, нисколько не были удивлены тем, что его убил на дуэли Мартынов, которому столько неприятностей делал и говорил Лермонтов; мы были уверены, что Лермонтова все равно кто-нибудь убил бы на дуэли: не Мартынов, так другой кто-нибудь... [М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников, 1989, с. 559-560].

Уместно вспомнить известные слова А.С.Пушкина из письма к А.А.Бестужеву (конец января 1825 г., Михайловское):

В комедии "Горе от ума" кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий и благородный и добрый малый, проведенный несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и. напивавшийся его мыслями, остроумиями и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, – очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.

Если следовать логике пушкинского замечания, то Чацкий проявляет себя в комедии А.С.Грибоедова как человек незрелый, потому что с первого взгляду не понял, с кем имел дело. М.Ю.Лермонтов, будучи чрезвычайно проницательным человеком, тем не менее позволял себе со светскими дамами обсуждать внешность и повадки других мужчин, т.е. нарушал правила этикета и тем самым проявлял *известную степень незрелости*.

Таким образом, у М.Ю.Лермонтова в возрасте 16-18 лет были сформированы в известной степени противоречивые качества – *проницательность* и, одновременно, *незрелость*.

Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что М.Ю.Лермонтов в возрасте 16-18 лет сформировал качества «**мрачный, пасмурный, разочарованный**», что подтверждают современники и критики творчества М.Ю.Лермонтова. Одновременно многие современники свидетельствуют о перепадах в настроении поэта.

С одной стороны, многие современники поэта пишут о мрачности его характера:

В первый раз я увидела будущего великого поэта Лермонтова. Должна признаться, он мне совсем не понравился. У него был злой и *угрюмый* вид, его небольшие черные глаза сверкали *мрачным* огнем, взгляд был таким же *недобрым*, как и улыбка [Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников, 1989, с. 163]; Он приехал с Кавказа и носил пехотную армейскую форму. Выражение лица его не изменилось – тот же *мрачный* взгляд, та же язвительная улыбка [Там же, с. 163]; На Лермонтове был мундир лейб-гвардии Гусарского полка; он не снял ни сабли, ни перчаток и, сторбившись и насупившись, *угрюмо* посматривал на графиню. <...> В наружности Лермонтова было *что-то злое* и *трагическое*; какой-то *сумрачной* и *недоброй* силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз [Там же, с. 296]; На бале дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои *сумрачные* глаза [Там же, с. 297]; Лицо его показалось мне *чрезвычайно мрачным*; быть может, он предчувствовал тогда свой близкий жребий [Там же, с. 320]; По натуре своей горделивый, сосредоточенный, и сверх того, кроме гения, отличавшийся силой характера, – наш поэт был честолюбив и скрытен. Эти качества с годами нашли бы себе применение и выяснились бы в нечто стройно-определенное, – но при молодости, горечи изгнания и байроническом влиянии они, естественно, высказывались иногда в капризах, иногда в необузданной насмешливости, иногда *в холодной сумрачности нрава* [Там же, с. 326]; Не признавая возможности нравиться, он решил соблазнять или пугать и драпироваться в байронизм, который был тогда в моде. Дон-Жуан сделался его героем, мало того, его образцом; он стал бить на таинственность, на *мрачное* и на колкости [Там же, с. 358].

В одной из своих статей И.С.Тургенев писал о поэзии М.Ю.Лермонтова как о выражении его *мрачной* души: «Никто не писал еще в России стихов столь энергичных в своей простоте, в своей обнаженности, столь стремительных, столь чуждых суетным украшениям. – Вся его поэзия – это выражение не-

укротимой, *мрачной* и бурной души» [М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников, 1989, с. 570].

С другой стороны, близко знавший Лермонтова А.П.Шан-Гирей указывал на противоречия между отпечатком *мрачности* и *весёлостью* характера юного поэта:

Вообще большая часть произведений Лермонтова этой эпохи, то есть с 1829 по 1833 год, носит отпечаток скептицизма, мрачности и безнадежности, но в действительности чувства эти были далеки от него. Он был характера скорее веселого, любил общество, особенно женское, в котором почти вырос и которому нравился живостию своего остроумия и склонностью к эпиграмме; часто посещал театр, балы, маскарады; в жизни не знал никаких лишений, ни неудач: бабушка в нем души не чаяла и никогда ни в чем ему не отказывала; родные и короткие знакомые носили его, так сказать, на руках; особенно чувствительных утрат он не терпел; откуда же такая мрачность, такая безнадежность? Не была ли это скорее драпировка, чтобы казаться интереснее, так как байронизм и разочарование были в то время в сильном ходу, или маска, чтобы морочить обворожительных московских львиц? Маленькая слабость, очень извинительная в таком молодом человеке. Тактика эта, как кажется, ему и удавалась, если судить по *воспоминаниям* [А.П.Шан-Гирей, 1989, с. 37].

Вообще, настроение М.Ю.Лермонтова *менялось циклически*, и этому есть подтверждения современников:

По словам П.П. Вяземского, характер поэта был крайне *неровный* и настроение часто и резко *менялось*: от неудержимой веселости он переходил к мрачной задумчивости и угрюмо сидел молча, еле отвечая на вопросы. И в такие минуты он бывал небезопасен [Е.Н.Опочинин, 1990, с. 40-41]; Характера он был *неровного*, капризного: то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен. Он любил повеселиться, потанцевать, посмеяться, позлословить; часто затевал пикники и кавалькады, причем брал на себя нелегкую обязанность распорядителя [Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников, 1989, с. 436].

Таким образом, следует признать наличие противоречивых признаков в характере М.Ю.Лермонтова, неровности этого характера и периодических смен его настроения.

Немногие современники Лермонтова разглядели его *величие* как поэта уже при его жизни, ср.:

Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговаривал с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! [В.Г.Белинский; цит. по: Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников, 1989, с. 301]; На Лермонтова нам указывал Крылов, как на

прямого продолжателя Пушкина, не уступавшего ему в силе своего таланта, и он предсказывал молодому поэту великую будущность [Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников, 1989, с. 301].

По своей психической организации М.Ю.Лермонтов был *целостной* натурой. Сошлёмся на суждение В.Г.Белинского:

Каждое его слово – он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним робок, – меня давят такие целостные, полные натуры, я пред ними благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества. <...> [В.Г.Белинский, 1989, с. 301]

При всей своей целостности М.Ю.Лермонтов многими современниками воспринимался (и часто был) *испорченной личностью*. Эта *испорченность* во многом была заложена горячо любившей его бабушкой:

Когда Мишенька стал подрастать и приближаться к юношескому возрасту, то бабушка стала держать в доме горничных, особенно молоденьких и красивых, чтобы Мишеньке не было скучно. Иногда некоторые из них бывали в интересном положении, и тогда бабушка, узнав об этом, спешила выдавать их замуж за своих же крепостных крестьян по ее выбору [Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников, 1989, с. 62].

Испорченность натуры поэта ярко проявилась в Школе гвардейских юнкеров:

Жестокая военная дисциплина сочеталась в юнкерской школе с крайне разнузданными нравами. В этом отношении своеобразным документом является рукописный журнал «Школьная заря»; в нем видное место занимали скабрёзные, неудобные для печати стихи, среди которых были помещены и юнкерские поэмы Лермонтова. Превосходство гениальной натуры, склонной саркастически отзываться о многом и многих, семейные неурядицы и, наконец, циничная атмосфера юнкерской школы определили модель жизненного поведения Лермонтова [М.Гиллельсон, 1989, с. 16].

Завершая разговор об интегративных установках М.Ю.Лермонтова, заметим, что этот уровень установок у М.Ю.Лермонтова в значительной мере стал складываться к началу 1841-го года. П.А.Висковатов об этом периоде пишет следующим образом:

Период брожения пришел к концу. Поэтический талант креп, и сознательность суждений сказывалась все яснее. Он нашел свой жизненный путь, понял назначение свое и зачем призван в свет. Ему хотелось более чем когда-либо выйти в отставку и совершенно предаться литературной деятельности. Он мечтал об основании журнала и часто говорил о нем с Краевским, не одобряя направления «Отечественных записок».

«Мы должны жить своей самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европой и за французским. Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось

проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, – обращался он к Краевскому, – там на Востоке тайник богатых открытий». Хотя Лермонтов в это время часто видался с Жуковским, но литературное направление и идеалы его не удовлетворяли юного поэта. «Мы в своем журнале, – говорил он, – не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное, не так, как Жуковский, который все кормит переводами, да еще не говорит, откуда берет их». Признаки этого настроения сохранились в стихотворении Лермонтова «Родина». О литературной его деятельности того времени Гоголь говорит: «Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубления в действительность жизни – готовился будущий живописец русского быта».

Творчество Лермонтова действительно вступало в новую фазу развития. Элементы объективной рисовки берут верх над субъективными; поэт черпает мотивы своих созданий не только из личных ощущений, но, главным образом, из широких народных верований и мотивов. Зачатки такого процесса сказались уже при создании им «Песни про Ивана Грозного и купца Калашникова» [П.А.Висковатов; http://dugward.ru/library/lermont/viskovatiy_lem.html].

Общим выводом нашего анализа станет признание **достаточно противоречивого** характера социальных, принципиальных и интегративных установок М.Ю.Лермонтова, что, вероятней всего, и стало одной из основных причин ранней гибели поэта.

Цитируемая литература

Авенариус В.П. М.Ю. Лермонтов: биографический очерк : с 12 портретами и рисунками / В.П. Авенариус. – СПб : Изд-во книжного магазина П.Б. Луковникова, 1914. – 63 с.: ил., портр.

Арсеньев И. А. Слово живое о неживых // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 56 – 57; см. также: <http://lermontov.niv.ru/lermontov/vospominaniya/vospominaniya-46.htm>

Белинский В.Г. Стихотворения М.Ю.Лермонтова. – СПб.: тип. Ильи Глазунова и К, 1840. – 108 с.

Белинский В.Г. Письмо В. П. Боткину (16 – 21 апреля 1840 г.) // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 301-302.

Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка : Более 500 антонимических гнёзд. – М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 445, [3] с.

Введенская, Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка. – 3-е изд. – Ростов н/Д. : ИЦ «МарТ»; Феникс, 2010. – 320 с.

Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов : Жизнь и творчество. В двух томах. – М. : Книга, 1989. – Репринтное издание. – Электронный ресурс: http://dugward.ru/library/lermont/viskovatiy_erm.html.

Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – М. : Современник, 1891. – 74 с.

Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 138 – 143; см. также: <http://lermontov.niv.ru/lermontov/vospominaniya/vospominaniya-36.htm>.

Вырыпаев П.А. Лермонтов: Новые материалы к биографии. – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1976. – 160 с.

Герцен А.И. Из книги «О развитии революционных идей в России» // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 204-205.

Гиллельсон М. Лермонтов в воспоминаниях современников : Вступительная статья // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 5-30.

Зиновьев А. З. Воспоминания о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 76 – 79; см. также: <http://lermontov.niv.ru/lermontov/vospominaniya/vospominaniya-46.htm>

Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Сост., подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер; Вступ. статья М. Гиллельсона. – М.: Худож. лит., 1989. – 672 с. (Литературные мемуары).

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : Более 2000 антонимических пар / Под редакцией Л. А. Новикова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 384 с.

Мережковский, Д.С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества [Текст] / Д.С.Мережковский. // М. Ю. Лермонтов : PRO ET CONTRA. Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Том 1. – СПб. : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 399-439.

Опочинин Е.Н. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1990. – 54 с.

Панаев И.И. Из «Литературных воспоминаний» // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 305-311.

Пузырёв А.В., Творогова Е.В. Судьба М.Ю.Лермонтова в свете взаимосвязи мышления, языка и жизненного пути // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 3-ей Всероссийской научной конференции (Пенза, 13-17 мая 2003 г.). – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2003. С. 179-183.

Пузырёв А.В. Установки М.Ю.Лермонтова // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО

«Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016а. – С. 168-182 (в соавт.: И.А.Белова, О.В.Филимонова).

Самарин Ю.Ф. Из писем к И.С. Гагарину :19 июля 1840 г. // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 383-384.

Скабичевский, А.М. М.Ю.Лермонтов. Его жизнь и литературная деятельность : биогр. очерк : с портр. М. Ю. Лермонтова, гравированным в Петербурге К. Адтом / А. М. Скабичевский. – Изд. 3-е. – Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. – 98 с. : 5 л. ил. – (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова); Он же: Скабичевский А.М. М.Ю.Лермонтов : Его жизнь и литературная деятельность : Биографический очерк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dugward.ru/library/lermontov-gzl.html#vtor>. Он же: http://fictionbook.ru/author/aleksandr_mihayilovich_skabichevskiyi/m_yu_lermontov_ego_jizn_i_literaturnaya_/read_online.html

Соловьёв Вл. С. Лермонтов [Текст] /Вл. С. Соловьёв // М. Ю. Лермонтов : PRO ET CONTRA. Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Том 1. – СПб. : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 381-398.

Тиран А. Ф. Из записок // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 149-153.

Чарыков А. К воспоминаниям о М.Ю. Лермонтове // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 318-320.

Шан-Гирей А. П. М.Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 33-55.

Щеголев П.Е. Книга о Лермонтове: [В 2 кн.]. Вып. 1. – [Л.]: Прибой, 1929. – 328 с.; см. также: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/sk/sk1-001-.htm>

*Канд. психол. наук С.В. Солдатова (Орехово-Зуево)
OZSvetlana@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Усвоение лексики в онтогенезе зависит от ряда факторов, к которым Л.С. Выготский, С.Н. Цейтлин, относят:

1. Развитие представлений ребенка об окружающей действительности.
2. Биологические факторы – созревание у детей отдельных отделов мозга, ответственных за функции усвоения и порождения речи, тип функциональной межполушарной асимметрии мозга.

С.Н. Цейтлин отмечает, что в усвоении языка существенно различаются мальчики и девочки, что связано с различиями в строении мозга и функциях его отделов [С.Н.Цейтлин, 2009]. У мальчиков лучше выражена межполушарная асимметрия мозга, и она более динамична.

Появляются также исследования, посвященные механизмам усвоения языка детьми-левшами. Левши придерживаются преимущественно холистическо-

го, гештальтного способа овладения языком, т. е. усваивают комбинации словесных знаков, не раскладывая их первоначально на составляющие (они усваивают синтаксические структуры как некие монолиты, не выделяя в них составляющих).

3. Социальная среда, в которой воспитывается ребенок.

Понимание речи у детей формируется в процессе речевого общения с окружающим миром. Н.С. Жукова выделяет шесть уровней понимания речи [Онтогенез речевой деятельности, 2005]:

I уровень – выражено речевое внимание, ребенок прислушивается к голосу, адекватно реагирует на интонацию, узнает знакомые голоса (от 3 до 6 мес.).

II уровень – понимает отдельные инструкции в знакомых словосочетаниях, подчиняется некоторым словесным командам (от 6 до 10 мес.).

III уровень – понимает названия отдельных предметов и игрушек:

а) понимает только название предметов и игрушек (10–12 мес.);

б) узнает их на картинках (12–14 мес.);

в) узнает их на сюжетных картинках (15–18 мес.).

IV уровень – понимает название действий в разных ситуациях:

а) понимает двухступенчатую инструкцию (2 года);

б) понимает значение предлогов в привычной конкретной ситуации, в привычной ситуации начинает понимать вопросы косвенных падежей (2 года 6 мес.);

в) установление первых причинно-следственных связей (2 года 6 мес.).

V уровень – понимает прочитанные короткие рассказы и сказки (2 года 6 мес. – 3 года).

VI уровень – понимает значение сложноподчиненных предложений, понимает значение предлогов вне привычной конкретной ситуации (к 4 годам).

Формирование начального детского лексикона многосторонне рассматривается в работах таких авторов как М.М. Алексеева, В.И. Яшина, Е.Ф. Архипова, Л.И. Белякова, А.Н. Гвоздев, О.Е. Громова, Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, Т.Б. Филичева, М.М. Кольцов, С.Н. Цейтлин.

Так, например, по данным С.Н. Цейтлин, рост словаря характеризуется следующими количественными особенностями: в год ребенок произносит в среднем 3 слова, в 1 г. 3 мес. - 19 слов, в 1 г. 6 мес. - 22 слова, в 1 г. 9 мес. - 118 слов [С.Н.Цейтлин, 2009].

По данным А.Н. Гвоздева, в словаре четырехлетнего ребенка наблюдается 50,2 % существительных, 27,4% глаголов, 11,8% прилагательных, 5,8 % наречий, 1,9 % числительных, 1,2 % союзов, 0,9 % предлогов [Н.И.Лепская, 1997; Л.Г.Парамонова, 2007.].

Е.Ф. Архипова характеризует качественный состав словарного запаса в дошкольный период следующим образом:

3-й год жизни – словарь пополняется названиями действий и предметов, с которыми дети сталкиваются в быту.

4-й год жизни – активное использование названий предметов, входящих в тематические циклы.

5-й год жизни – дифференцированные по степени выраженности качества и свойства, расширяются знания, формируются видовые и родовые понятия.

6-й год жизни – подбор антонимов и синонимов к словосочетаниям, усвоение многозначности слов, самостоятельное образование сложных слов, подбор, родственных слов [С.В.Плотникова, 2011].

Таким образом, по мере развития психических процессов, расширения контактов с окружающим миром, обогащения сенсорного опыта ребенка, качественного изменения его деятельности формируется и словарь ребенка в количественном и качественном аспектах.

Список литературы

Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997.

Онтогенез речевой деятельности: норма и патология. Монографический сборник / Отв. ред. Л.И. Белякова. – М., 2005.

Парамонова Л.Г. Развитие словарного запаса у детей. – СПб., 2007.

Плотникова С.В. Развитие лексикона ребенка. – М.: Флинта; Наука, 2011.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009.

Доктор филол. наук И.В. Труфанова (Москва)
illokucia1@rambler.ru

ОБ ОДНОМ ОБОЙДЁННОМ ТОЛКОВЫМИ СЛОВАРЯМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ СО СЛОВОМ *ИНОЙ*

Толковые словари выделяют следующие фразеологизмы со словом *иной*: *иной раз* – иногда (С.И. Ожегов, А.П. Евгеньева, С.А. Кузнецов, Викисловарь), *тот или иной* – какой-либо (А.П. Евгеньева, С.А. Кузнецов, Викисловарь), *не кто иной, как; не что иное, как* – именно этот (С.И. Ожегов, А.П. Евгеньева, Викисловарь), *иными словами* – употребляется для пояснения (С.И. Ожегов, С.А. Кузнецов), *иное дело* – совсем не то, что раньше; этого не следует смешивать с другим (С.А. Кузнецов, А.П. Евгеньева), *смотреть иными глазами* – относиться по-другому, оценивать с иной позиции (С.А. Кузнецов, А.П. Евгеньева), *уйти в мир иной* (Викисловарь), *мир иной* (Викисловарь).

Выражение *мир иной* (его обошли своим вниманием все словари, кроме Викисловаря, но и здесь не указаны его значения; нет посвящённой ему статьи и во фразеологических словарях) имеет значения:

1) смерть (*Но жить памятью о вчерашнем может лишь человек доживающий, у которого все в прошлом, а будущее – лишь мир иной* [Борис Екимов. Возле старых могил // «Новый Мир», 1998]).

2) тонкий мир (*Сквозь наш мир просвечивает мир иной, и мы без труда видим то, что вообще-то видеть не полагается* [Ксения Букша. Эрнст и Анна (2002)]. *Чтобы продолжать видеть в полном сознании этот мир и в то же время «во плоти» видеть мир иной, говорить и действовать на земле и в то же время внимать голосам бесплотных сил небесных, нужно проникновение во все человеческое существо божественного света, который тогда может быть временами видим и для других* [С. Оболенский. Жанна – божья дева //

«Наука и религия», 1992]. *Она мне служит утешеньем, Что существует мир иной За грубым и телесным зреньем, За деревянную стеной* [А.П. Ладинский. Стихи о свинопасе (1927–1931)]. *Когда я думаю, что рядом, Вот здесь, кругом, передо мной Безмерным преданы отрадам, Ликуют духи, мир иной* [К.Д. Бальмонт. Подневольность (1903)]. *А между тем так близко, рядом, Но не слиянные со мной, Безбрежным преданы уладам, Сплетают духи мир иной* [К.Д. Бальмонт. Подневольность (1903)]. *И жизнь, как смерть, необычайна... Есть в мире здешнем – мир иной. Есть ужас тот же, та же тайна – И в свете дня, как в тьме ночной* [Д.С. Мережковский. Двойная бездна (1895–1899)]. *Где два, три дерева, там – целый мир пред нами, Там всей природы жизнь, там вся ее краса, И бесконечные синеют небеса, Сквозя меж темными, поникшими ветвями, – Так двух иль трех людей довольно, чтоб порой В житейской пошлости великое, святое, – Что есть у всех, – любовь просветом в мир иной Сияла, вечная, как небо голубое!* [Д.С. Мережковский. Семейная идиллия (1890.11.20)]. *И лишь мечта ведет нас в мир иной, В мир Истины, где сущности видений* [В.Я. Брюсов. «О, двойственность природы и искусства!..» [Вступление к поэме «Атлантида», 2] (1897)]. *Но во всяком случае нелепо говорить, что вера в иной мир противоречит истинам астрономии; это так же нелепо, как говорить, что учение о безграничности Вселенной противоречит “видимой” нами замкнутости горизонта* [С.Л. Франк. Религия и наука (1929)]. *Степень радикальности реализации этих стратегий также весьма различна – от тотальных преобразований поустороннего пространства в потустороннее до ничтожных по размерам “дырочек” в мир иной, через которые можно достаточно часто бегать туда-сюда в целях каждодневной щадящей терапии* [Григорий Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы (2002)]. *И, сидя здесь, с тобой, – я вижу мир иной, Минуя тот, что умирает, рдея* [В.К. Обухов. Сентябрь (1934)].),

3) мир художественного произведения (Одно мгновение они ему кажутся живыми – этого достаточно, чтобы мир иной ему открылся, – тот, где камень жив, тепел и словно истекает желтком: мраморная скорлупа треснула в пляске [Андрей Балдин. Московские праздные дни (1997)]. *И вот приходит нужное мгновение: появляется кукла в белом (Анатоль: совершенная кукла, истукан), рядом с ней ещё одна, в персидском халате (Долохов, этот просто стоит на границе света и тьмы, жизни и смерти, как тогда, при Аустерлице) – и театр как будто выворачивается наизнанку: в одно мгновение вокруг мир иной и «все можно»* [Андрей Балдин. Московские праздные дни (1997)]. *О, эта мысль, как неземная сила, Огонь творчества в душе моей зажгла, Она всегда мне знаменем служила И в мир иной таинственно влекла!..* [Н.М. Сатин. Умирающий художник (1833.11.15)]. *В уме своем я создал мир иной И образов иных существованье; Я цепью их связал между собой, Я дал им вид, но не дал им названья* [М.Ю. Лермонтов. Русская мелодия (1829)],

4) виртуальная действительность (сон, грёза, мечта, образ прошлого или будущего) (*Он должен поспать, чтобы в сновидениях погрузиться в мир иной* [Ольга Щербинина. Богатырский сон и живая вода // «Родина», 1997]. *И, словно выхваченный фарой В пути машиною ночной, Встал пред глазами мир иной –*

Вся красота усадьбы старой, Вся горечь доли крепостной [М.А. Светлов. Отцы и дети (1953)]. *Это им, о прошлом не жалея, птицей в сердце бился мир иной, им, кто лег окружем Мавзолея – новую кремлевскую стеной!* [Н.Н. Асеев. Новая кремлевская стена (1925)]. *Ты спишь в шатре, и мир иной Тебя влечет: в немолчном шелесте, В снегу танцующие дни, Зигзаги улиц, гул, огни, Такой исполненные прелести* [И.А. Савин. Звонящая мысль (1922–1927)].

*Prof., Dr. T.A. Janssen-Fesenko (Oldenburg),
Dr. S.L. Fesenko (Sankt-Petersburg)
tafessenko@rambler.ru*

MODERNE WELT UND «GEDÄCHTNISPROBLEME»

Das Problem der Beziehungen von Erinnerung, Vergessen, Gedächtnistypen etc. bleibt jahrhundertlang aktuell für viele Forschungen.

In den modernen Konzeptionen ist der Gedächtnis-Begriff an Erkenntnissen der Neurobiologie, Neurophysiologie und Kybernetik (vor allem die Forschungen Heinz von Försters, Humberto Maturanas und Francisco Varelas und anderen) orientiert. Das Gedächtnis existiert in den Operationen. Mit anderen Worten, im Gedächtnis befinden sich sowohl kein Vergessen, als auch keine Erinnerungen, sie sind immer ein aktuelles Operieren. Die Theoretiker behaupten, dass Erinnern nicht als ein Zurückholen von Vergangenheit, sondern ein gegenwärtiges Ereignis zu betrachten ist, und als aktuelle Sinnproduktion ist Erinnern nur so viel mit Vergangenheit verbunden, weil es an die Strukturen der vergangenen Erfahrungen angeknüpft ist. Also jedes Erinnern entwirft in jeder Gegenwart eine neue Vergangenheit.

In der europäischen Kultur waren die Begriffe Erinnerung und Gedächtnis immer von großer Bedeutung. Im Kontext vom semiotisch geprägten Verständnis von Kultur stellt Kultur zugleich eine Art von Gedächtnis der Gesellschaft dar. Verbale und andere Symbole ermöglichen die Speicherung des sozialen Wissensvorrats. Dabei wird Kultur zugleich auch als Selektionsmechanismus bewusst. Im Anschluss an Niklas Luhmanns systemtheoretische Beschreibung von Kultur als „Gedächtnis sozialer Systeme“ wird Kultur in meisten modernen Konzeptionen als Gedächtnis der Gesellschaft und als Modus gesellschaftlicher Selbstbeobachtung verstanden. Da soziale Systeme sich permanent selbst reproduzieren, kann Gedächtnis hier nicht als einfacher Speicher verstanden werden, aus dem vorhandenes Wissen abgerufen werden kann. Wie wir oben geschrieben haben, besteht das Gedächtnis aus einem Prozess dauernden Vergessens und zugleich ständiger Erzeugung von Vergangenheit. Die Erinnerung soll aus dieser Sicht auch neu interpretiert werden und zu der Kultur und zum Verständnis kulturellen Wandels beitragen. Im Folgenden werden wir am Beispiel zweier aktueller Konzeptionen von kultureller Erinnerung über diese Fragen diskutieren. Von großer Bedeutung für die moderne Welt bleiben sowohl das kommunikative als auch das kulturelle Gedächtnis.

Es ist zu betonen, dass das kommunikative Gedächtnis nur auf der Ebene des zwischenmenschlichen Umgangs und der alltäglichen Kommunikation angesiedelt ist und nur auf dieser Ebene kann sich bilden. Sein Funktionieren ist sowohl durch das Vergessen als auch durch das Erinnern bestimmt. Also, man kann das kommunikative

Gedächtnis somit auch als das Kurzzeitgedächtnis der Gesellschaft interpretieren. Dabei zeichnen sich die Erinnerungen nicht durch Genauigkeit oder längere Haltbarkeit aus, sondern sie beziehen sich prinzipiell auf Ereignisse der jüngeren Vergangenheit und gehen auf authentische Erlebnisse zurück; diese Erlebnisse und Ereignisse werden immer in einen spezifischen zeitgeschichtlichen Kontext eingebettet, ohne dessen Kenntnisse sie nicht zu verstehen sind.

Während das kommunikative Gedächtnis sich auf "Geschichtserfahrungen im Rahmen individueller Biographien" bezieht, orientiert sich das kulturelle Gedächtnis an den festen Kodierungen und Inszenierungen einer subjektunabhängigen Überlieferung.

Es ist noch zu bemerken, dass das kulturelle Langzeitgedächtnis seine Symbole und Zeichen benötigt, um weitergegeben zu werden; die Weitergabe des kommunikativen Gedächtnisses kann hauptsächlich mündlich erfolgen, darum aber kann sie mehr oder weniger schnell in Vergessenheit geraten. Die Weitergabe von Wissen mithilfe von Zeichen und Symbolen ist die Verbindung zwischen Speicher- und Funktionsgedächtnis. Durch die Aufzeichnung von Wissen mithilfe von externen Medien wird es möglich, es jederzeit abrufbar zu machen.

Relevant in der modernen Welt ist die Funktion des Funktionsgedächtnisses, weil gerade die Unpersönlichkeit des Speichergedächtnisses das Funktionsgedächtnis vor Vitalitätsverlusten bewahrt. Doch dieses Komplementärmodell lässt sich nicht verabsolutieren so wie auch das Konfrontationsmodell.

Wichtig ist nur, dass nur Kulturen mit dem kollektiven Gedächtnis sowie auch Individuen mit persönlichen Erinnerungen überlebensfähig sind; und beide stehen mit jeweils eigenen Charakteristika in Wechselwirkung zueinander.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И «ПРОБЛЕМЫ С ПАМЯТЬЮ»

В предлагаемой работе рассматриваются проблемы мышления и памяти в контексте культуры. Центральным является тезис о памяти как «оперативном хранилище» когнитивной сферы индивида/общества; память рассматривается не как «возвращение» прошлого, но как производная актуальных смыслов. Поскольку память связана со структурами прошлого опыта, то в каждом современном событии ею проецируется также прошлое индивида/общества. В европейской культуре большую роль играют проблемы памяти, в связи с чем культура рассматривается в многочисленных современных концепциях как «память социальных систем», как модус общественного самосозерцания. Память не может рассматриваться как простой пассивный «накопитель», ибо социальные системы перманентно «саморепродуцируются», что сопровождается константным порождением настоящего с проекцией в нем прошлого. В работе рассматриваются далее понятия культурной, коммуникативной и функциональной памяти в структуре когнитивной лингвокультуры.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

Докт. филол. наук С. Г. Воркачев (Краснодар)
svork@mail.ru

МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА

Образная составляющая лингвокультурного концепта – базовой единицы российского ответвления антропологической лингвистики – отличается особой значимостью: она представляет собой своего рода средство выражения понятийного содержания этого ментально-вербального образования. К тому же образность – это именно то, что отличает лингвокультурный концепт от понятия, лишенного наглядности.

Метафора в языке и в мышлении выполняет две базовых функции: гносеологическую, познавательную, дающую интеллекту возможность постичь непостижимое и способствующую созданию новых понятий и имен для «безымянных» предметов, и экспрессивно-оценочную, позволяющую субъекту мысли и речи эмоционально выделить какие-либо стороны и характеристики объекта.

Однако, как показывают наблюдения над метафорикой таких весьма культурно нагруженных и высоко абстрактных категорий, как пошлость и тщеславие, познавательные возможности образного представления понятийных признаков в достаточной мере ограничены. Из совокупности семантических признаков этих категорий метафорически выделяются лишь несколько, по отдельности или вместе, причем выделяются в подавляющем большинстве случаев это признаки коннотативные, оценочные, не связанные с её дефиниционным ядром.

Наблюдения над метафоризацией пошлости свидетельствуют о том, что образное представление этой категории направлено, в первую очередь, на эмоциональное воздействие на реципиента текста и осуществляется через персонификацию пошлости и наделение её различными отрицательными личностными качествами, а также через её уподобление всяким неприятным и опасным объектам живой и неживой природы, причем метафоризируются синкретично и нерасчлененно преимущественно наиболее общие свойства этого семантического образования: оценка, распространенность, неизбежность, неотделимость от жизни.

Отождествление пошлости с морем, рекой, волной, струей и потоком подчеркивает её объемность и засилие; отождествление пошлости с тиной, трясиной, омутом, болотом свидетельствует, прежде всего, об интенсификации её отрицательной оценки. Интенсификация этой оценки проявляется в отождествлении пошлости с грязью, нечистотами, навозом и мусором, с налетом, плесенью и с заразной болезнью, в её уподоблении различным, преимущественно неприятным и опасным существам: жабе, глисту, спруту, гидре и пр.

С помощью образного представления подчеркивается повсеместность распространенности и могущество этого явления вкупе с его отрицательной оцен-

кой, когда оно сравнивается с чудовищем, смертельным вирусом или с самим Дьяволом. Образно выделяется неуловимость пошлости как некоего скользкого предмета либо масляного пятна на воде. Соблазн и «засасывающая сила» пошлости передается через уподобление её некой каверне, отверстию; ложность, мнимость, суррогатность – через уподобление её отпечатку и тени; её привлекательность – через уподобление некому приятного на ощупь и на взгляд предмета. Субъективность и динамизм пошлости подчеркиваются сравнением её с неким пульсирующим веществом, её избитость и заезженность – уподоблением похмельному пробуждению, а её носителей – тараканам.

Признак отрицательной оценочности в семантике тщеславия также метафоризируется через уподобление этого личностного свойства различного рода неприятным, вредоносным и опасным существам, растениям, явлениям и предметам: опасным хищникам и пресмыкающимся, грызунам, кроту, червяку и глисту, моли, микробу, сорняку, мусору, удушливому газу, омуту и зыби, липкой горечи, яду, грязи и болезни. Отрицательная оценка тщеславия конкретизируется в его коварстве и «вкрадчивости», которые передаются через его уподобление домашнему вору, змее/змею, муравью, червю, подводному камню. Она же конкретизируется в опасности тщеславия, передаваемой через его уподобление дикому зверю, острому оружию и опять же змее/змею, яду и наркотику, подводному камню, заразной болезни, преисподней.

Могущество этой пагубной страсти визуализируется через её уподобление нечистой силе. Паразитизм тщеславия, примешивающегося ко всякому делу добродетели визуализируется через его уподобление плющу и вьющемуся растению вообще. В уподоблении тщеславия кривому зеркалу и вате метафоризируется такой его существенный признак, как мнимость, пустота и тщетность достоинств, выставляемых напоказ.

*Канд. филол. наук Н.В.Гаврилова (Орехово-Зуево)
gavrilova-oz@yandex.ru*

НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

Слово «норма» происходит от латинского «norma» – треугольник, т.е. прибор для проведения правильных углов.

Различают норму этическую и языковую. Этическая норма – это общественно-признанные и общественно-одобренные правила поведения в каких-либо обстоятельствах, санкционированные обществом способы деятельности в определенной сфере и определенных условиях.

Языковая норма – это принятые в общественной практике образованных людей правила произношения, грамматики и словоупотребления [Русский язык: Энциклопедия, с. 163].

Понятие нормы получило теоретическое обоснование в лингвистике лишь в 20-м веке и стало изучаться в разделах общего языкознания, культуры речи, в теории и истории литературных языков, в теории коммуникации.

Литературная норма складывается как результат социально-исторического отбора языковых элементов из числа сосуществующих, образованных вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого. Для нее характерны системность, связь со структурой языка, стабильность, историческая и социальная обусловленность, и в то же время динамичность и изменчивость во времени. Норма различается по степени устойчивости в различных уровнях языка и в различных условиях общения. Решающим при этом является соотношение нормы и системы (структуры). В области орфоэпии система целиком определяет норму. Лексика – это самая подвижная часть языка. Здесь содержательный план господствует над планом выражения, и возникают вопросы правильности, точности и стилистической уместности слова в высказывании. В области грамматики отношения системы и нормы строятся иначе: на первый план выступают модели и образцы и критерий соответствия им речевых произведений. В стилистике норма регулирует применение стилистически и экспрессивно окрашенных или нейтральных языковых средств в соответствии с содержанием и целью речи, условиями общения, требованиями жанра и т.п.

Поскольку в лингвистической литературе существует путаница между понятиями система, структура и норма, В.Г.Гак в известной статье «Норма и толерантность» уточняет соотношение этих понятий [В.Г.Гак, 1984]. Вслед за Косериу он утверждает, что система, структура и норма представляют собой различные уровни абстракции в организации языка. При этом система и структура отражают более высокий уровень абстракции. А понятие нормы шире понятия системы. В.Г.Гак вводит в эту цепочку еще понятие узуса (нормы речи). Таким образом выстраивается цепочка система (структура) – норма языка – узус (норма речи). Норма речи определяет выбор языковых средств в соответствии с такими параметрами, как значимость/незначимость, свобода/несвобода, индивидуальность/неиндивидуальность выбора.

Норма характеризуется как стабильностью, так и вариативностью языковых средств. В активном приспособлении языка к изменяющимся условиям и задачам коммуникации проявляется диалектическое единство двух ее противоположных черт: структурно-функциональная организованность и структурно-функциональная изменчивость, т.е. вариативность.

Существование вариативности ставит вопрос о системности/несистемности, нормативности/ненормативности различных вариантов, существующих в языке. Однако гораздо интереснее не констатировать нормативность/ненормативность того или иного языкового явления, а выявить причины, влияющие на системность/несистемность того или иного языкового явления или констатировать его необъяснимость.

В.Г.Гак при описании причин вариативности предлагает использовать данные изучения живой природы и проводит параллель между обнаруженными Ч.Дарвиным двумя типами изменчивости – определенной (связанной с взаимодействием организма и среды) и неопределенной (непосредственно не обусловленной влиянием среды) и выделяет внеязыковые и внутриязыковые факторы, влияющие на развитие языка.

Объяснение внутриязыковых причин – это прежде всего указание на степень их соответствия системным свойствам языка. Однако многие языковые явления необъяснимы. Необъяснимы многие языковые лакуны, аномалии, нерегулярности в структуре и функционировании языка. Так, необъяснимо с точки зрения структуры языка отсутствие в русском литературном языке формы «ложить», также как отсутствие префиксальных образований от «класть». Лингвисты объясняют эти явления тем, что узус часто оказывается сильнее системных закономерностей.

Среди внутриязыковых факторов выделяют формальные факторы (такие, например, как место для формулы, как сочетаемость фонем, длина слова, количество одинаковых фонем в слове) и семантические. Однако лингвисты обращают также внимание на такой сильный фактор, как аналогия. Так, разговорное «вы не хотите» является более системным, чем «вы не хотите», однако не употребляется в литературном языке.

Среди внешнелингвистических факторов можно говорить о влиянии других языков. Так, появление во французском языке варианта «collectif», существующее как вариант исконно французского слова «collectivité» можно объяснить влиянием русского языка. Многие новые явления во французском языке можно также объяснить влиянием английского языка.

Итак, норма характеризуется как стабильностью, так и вариативностью языковых средств. Можно выделить следующие виды вариативности, существующие в языке: историческую, территориальную, функциональную, экспрессивную, значимую/незначимую, гендерную, индивидуальную. Анализ этих вариантов позволяет показать, что норма – понятие диалектическое. С одной стороны, она жестка и непреклонна, с другой – допускает варьирование языковых средств. Существование вариантов – одно из доказательств развития и совершенствования нормы в соответствии с потребностями общества и внутренними закономерностями языкового развития.

Изучение нормативности/ненормативности и вариативности языковых единиц чрезвычайно важно при определении содержания обучения как родному, так и иностранным языкам. С появлением коммуникативных методик методисты стали говорить о введении в преподавание иностранных языков вариантов. Кажется, их девизом становятся слова Е.Женуврие «Разнообразьте норму» [E.Genouvrier, 1972]. В.Г.Гак призывает к толерантности, т.е. терпимому отношению к отступлению от нормативных правил [В.Г.Гак, 1984].

Цитируемая литература

Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды. – Вопросы языкознания, 1991, №3.

Гак В.Г. Норма и толерантность. – Иностранные языки в школе, 1984, № 1.

Русский язык: Энциклопедия/под ред. Фалина Ф.П. – М., 1979.

Genouvrier E. Quelle langue parler a l'ecole? Propos sur la norme du francais. – Langue francaise, P., 1972, №13.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЭМФАТИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ» И «ПРОДЛЕНИЕ ЗВУКОВ»

Определим исходные термины. Под эмфатическим ударением понимается разновидность выделительного ударения, которое отражает эмоции говорящего, его аффективное состояние по поводу различных фактов реальности [М. И. Матусевич, 1976, с. 238]. Под продлением звуков понимается увеличение – сверх обычного – длительности произнесения какого-либо звука. Цель настоящего доклада – определить логическое соотношение указанных терминов.

С одной стороны, эмфатическое ударение и продление звуков являются сравнимыми, совместимыми понятиями. Так, оба этих языковых средства изучаются в рамках такого известного раздела психолингвистики, как фоносемантика: и эмфатическое ударение, и продление звуков являются материально выраженными фоносемантическими средствами языка [А. В. Пузырёв, 1995, с. 262].

Заметим, что указанные фоносемантические средства наблюдаются в языках, различных и по своему происхождению и по типологическим признакам, в нашем материале используются данные художественной прозы на русском, английском, немецком и татарском языках. Ср. (жирным курсивом выделены соответствующие места):

– *Господь с тобой, Настасья*, – сказала Дарья и, успокаивая, повела рукой по её спине. – *Господь с тобой, Настасья. Че ты? Приехала – вот и хорошо, что приехала, вот и ладно. Мы-то тебя ждали как... Картофку твою мы выкопали.*

– *Каку картофку?*

– *Твою-то. Из твоева огорода.*

– *А-а*, – отмахнулась Настасья. – *Куды я с ней?* [В. Распутин, *Прощание с Матёрой*]

Abe considered, and happened finally to a reason: 'I was reading a serial in Liberty and the next installment was due here in Paris-so if I sailed I'd have missed it-then I never would have read it.'

'It must be a very good story.'

'It's a terr-r-rible story.' [F.S. Fitzgerald, *Tender is the Night*]

Эйб задумался, но наконец подыскал причину:

— *Я читал роман, который печатается в «Либерти» и очередной выпуск должен вот-вот выйти — если б я уехал, я бы его пропустил, и так бы уже и не прочел никогда.*

— *Интересный роман, наверно.*

— *Н-ну, такой роман!* (перевод Е.Д. Калашиниковой)

Da öffnete Eva die Thür. Robert erhob sich eben von seinem Sopha, hie Arme, streckend:

»Aahh« gähnte er noch einmal, »die Landluft macht müde... ich hab famos gashlafen... Wie spat ist es den?« [B. von Suttner, Eva Siebeck]

Это Ева открыла дверь. Роберт тут же поднялся с дивана и протянул к ней руки:

– Аахх! – зевнул он, – после свежего воздуха такой крепкий сон...я отлично выспался... сколько сейчас времени? (перевод А.Д. Гимаевой)

– Ну-у, Рашат эфанде! Алай итен сөйлэгэч, бөтен «Война и мир»ны унбиши-егерме сүз белэн сөйлэп чыгчп була ул, – диде [Ф. Эмирхан, Кадерле минутлар].

–Ну-у, Ришат эфенди! Если так рассуждать, то можно в десяти-двадцати словах «Войну и мир» пересказать, – сказала Фатима (перевод А.Д. Гимаевой).

Вместе с тем заметим, что объём обсуждаемых понятий (эмфатическое ударение и продление звуков) совпадает не вполне. У этих понятий могут быть обнаружены совпадающие и несовпадающие характеристики. Уже говорилось, что к зоне совпадений этих фоносемантических средств относится то, что они одновременно являются материально выраженными фоносемантическими средствами языка. Строго говоря, это их родовое понятие. Существуют и видовые различия этих понятий. Если эмфатическое ударение относится к суперсегментным фоносемантическим средствам языка (к ним относятся ритм, интонация, ударение), то продление звуков относится к сегментным фоносемантическим языковым средствам, преимущественно парадигматического характера [А. В. Пузырёв, 1995, с. 262]. Как известно, суперсегментные (нелинейные, надлинейные, сверхлинейные) единицы не существуют сами по себе, отдельно от сегментных (линейных) единиц, не могут быть произнесены в отрыве от них, так как не имеют самостоятельного бытия. Именно поэтому они как бы накладываются на сегментные единицы.

Наблюдения над эмфатическим ударением и продлениями звуков позволили заметить, что: 1) использование эмфатического ударения может не предполагать продления звуков; 2) эмфатическое ударение может выражаться с помощью продления звуков; 3) случаев, когда использование продления звуков не мотивировано эмфатическим характером высказывания, в материале не обнаружено. Приведём соответствующие примеры:

1. Использование эмфатического ударения, не предполагающее продления звуков:

– Я не про обстрел... – с досадой оборвал его Суровцев [А. Чаковский, Блокада].

Lady Bonington, in answer, rustled.

“Oh, do tell us about the slums, Mrs. Mattock!” cried Sybil.

“Slumming must be splendid! It’s so deadly here – nothing but flannel petticoats!” [J.Galsworthy, The Island Pharisees].

В ответ леди Бонингтон только зашуршала юбками.

– Ах, миссис Мэтток, пожалуйста, расскажите нам о трущобах! воскликнула Сибилла. – Посещать трущобы, должно быть, так интересно! А здесь такая смертельная скука – только и делаем, что шьем для них фланелевые юбки! (перевод Т. Кудрявцевой).

«Ein Detektiv bist du auch noch!» Clerfayt stieg in den Wagen [E. M. Remarque, Der Himmel Kennt keine Gästlinge].

– А ты, оказывается, еще и мыслитель! – Клерфэ сел в машину (перевод Л.Б. Черной).

Әллә шул чакта, әллә чак кына соңрак, егетне жыр колагына каяндыр жыр ишетелде. Татарча жыр!... Егет, өне катып, тынып калды. Нәрсә ишетә ул, кемне ишетә? Я Хода, аның Таһирәсе жырлыгый түгелме соң? Шул ич, шул Таһирә тавышы! [Ә. Еники, Кем жырлады?]

То ли в этот момент, то ли чуть позже до слуха раненного солдата донеслась песня. Это была татарская песня!.. Молодой человек затаил дыхание. Что он слышит? Кого он слышит? Не его ли Тахира поёт эту песню? Это именно голос Тахиры! (перевод А.Д. Гимаевой)

Из приведённых (и других, имеющих в материале) примеров следует, что эмфатическое ударение может не предполагать продления звуков: средствами такого ударения могут выступить инверсия, интонация и тембр голоса, т.е. прежде всего синтаксические и мелодические средства языка.

2. Эмфатическое ударение, выражающееся с помощью продления звуков:

На границах горькая разгоралась в тот год страда: лапала смерть работников, и не одна уж простоволосая казачка отпиралась, отголосила по мертвому: «И, родимый ты мо-о-о-ой!.. И на кого ж ты меня покинул?..» [А.М. Шолохов, Тихий Дон].

– Oah. Thatt was nothing. I know from our mutual friend you go to Saharunpore. So I come on. Red Lamas are not inconspicuous persons. I buy myself my drug-box, and I am very good doctor really. I go to Akrola of the Ford, and hear all about you, and I talk here and talk there. All the common people know what you do. I knew when the hospitable old lady sent the dooli. They have great recollections of the old lama's visits here. I know old ladies cannot keep their hands from medicines. So I am a doctor, and – you hear my talk? I think it is verree good. My word, Mister O'Hara,

На наш взгляд, эмфатическое ударение и продление звуков соотносятся в плане общефилософской методологии А. А. Гагаева [А.А.Гагаев, 1991] как общее и особенное, где эмфатическое ударение характеризует функциональные аспекты использования продлённых звуков.

Если иметь в виду, что и эмфатическое ударение, и продление звуков наблюдаются в разных по генетическим и морфологическим характеристикам языках, то следует признать и эмфатическое ударение, и продление звуков явлением Языка вообще.

Если совсем точно, то и эмфатическое ударение, и продление звуков являются средствами выражения эмфазы, то есть выделения важной в смысловом отношении части высказывания, обеспечивающее экспрессивность речи.

Более точное установление логического соотношения понятий *эмфатическое ударение* и *продление звуков* объективно затрудняется тем, что оба этих явления входят в зону действия правополушарной грамматики [Л.В. Сахарный, 2004, с. 286-299].

Вероятнее всего, использование продления звуков и эмфатического ударения является одним из вариантов операции содержательного выделения «квантов» информации и характера их сукцессивной организации в тексте. Использование продления звуков и эмфатического ударения служит – в плане действия механизмов правого полушария – Тема-Рематическому структурированию высказывания с опорой на просодически выделенные компоненты [Л.В. Сахарный, 2004, с. 291-292]. Сказанное справедливо по отношению и к нечленимым высказываниям, и к высказываниям с ясной синтаксической структурой.

Цитируемая литература

Гагаев, А. А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. – 308 с.; вкл.

Матусевич, М. И. Современный русский язык : фонетика [Текст] / М. И. Матусевич. – М. : Просвещение, 1976. – 288 с.

Пузырёв, А. В. Анаграммы как явление языка : опыт системного осмысления [Текст] / А. В. Пузырёв. – М. ; Пенза : Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Сахарный, Л. В. Человек и текст : две грамматики языка [Текст] / Л.В.Сахарный // Общая психолингвистика : хрестоматия. Учебное пособие. – М. : Лабиринт, 2004. С. 284-306.

*Канд. филол. наук С. В. Дмитрюк (Москва)
dmitrserg@yandex.ru*

ФАКТОР ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Фактор времени входит в культуру общества не только в качестве способности к той или иной временной ориентации, но и в гораздо более специфической форме.

Данные различных наук свидетельствуют о наличии мыслительных категорий времени и пространства, которые по своим специфическим свойствам отличаются от объективного, концептуального времени-пространства. Так, понимание времени как объективной, ни от чего не зависящей сущности, как непрерывного, бесконечного, «абсолютного времени», каким оно выступало в концепции И. Ньютона, стимулировало, например, психологические исследования для изучения особенностей восприятия хронологического времени. Понимание же времени с позиции реляционного подхода, предполагающего наличие различных несводимых друг к другу уровней пространственно-временных отношений, позволяет исследовать различные уровни субъективно переживаемого времени с самых разнообразных позиций.

Рассмотрим социопсихологический и этнокультурологический аспект восприятия категории времени.

Будучи всепроникающей чертой социальной жизни, пронизывающей все социальные события и процессы, понятие времени нашло свое отражение на субъективном уровне сознания. Восприятие и понимание этих концептов является всеобщим человеческим опытом. Индивиды поразительно отличаются друг от друга своим «чувством времени» и умением ориентироваться в пространстве, в частности, способностью оценивать длительность событий, идентифицировать моменты времени без часов (например, угадывать время суток), предусматривать длительность процесса, необходимую для достижения определенной цели (устанавливая точки отсчета), делить процессы на интервалы (при планировании работы). Одни люди просто одержимы пунктуальностью, другие почти всегда надолго опаздывают. Психология времени – это поле, которое фокусируется на таких и подобных явлениях, или, иначе говоря, на «внутреннем времени» индивидов.

Установлена также зависимость временной перцепции от эмоциональной сферы воспринимающего субъекта. Так, повышение уровня личностной и ситуативной тревожности сдвигает значение ошибок восприятия в сторону переоценки временных интервалов. При уменьшении же уровня тревожности прослеживается тенденция к недооценке временных длительностей. Обнаружено, что время, заполненное событиями с положительной эмоциональной окраской, как бы сокращается в переживании, а заполненное событиями с отрицательным эмоциональным знаком в переживании удлиняется, что формулируется как закон эмоционально детерминированной оценки времени [Рубинштейн 1989, с. 8]. Данная тенденция прослеживается и в исследованиях, выполненных на клиническом материале: маниакальные больные обнаруживают резко выраженную недооценку временных интервалов, а депрессивные больные дают их значительную переоценку [там же, 147].

Кроме того, восприятие категории времени оказывается этнически маркированным: общеизвестная пунктуальность немцев, чопорная медлительность англичан, рассеянное невнимание к временной ориентации русских, укоренившаяся в национальных традициях степенная неторопливость восточных народов – все это не случайные элементы национально-специфического, этнически ориентированного восприятия времени представителями разных этносов.

Говоря о социопсихологическом и культурном восприятии и отражении реальностей времени, мы также имеем в виду относящиеся к тому или иному конкретному времени типичные символы, ценности, правила и ориентации, которых придерживаются различные группы, сообщества, классы и т.д. Они фиксируются в определенных кодексах и включаются в социальное сознание или культуру, приобретая характер норм и правил межличностного общения, придавая различным обществам отчетливый «временной профиль». Отпечаток таких распространенных культурных образцов может ощущаться в различных сферах социальной жизни, проявляясь в специфических стилях поведения. К примеру, если сравнивать современную американскую культуру с мексиканской или немецкую с итальянской, либо в историческом аспекте – более ранние, традиционные общества с современными индустриальными, то можно легко обнаружить фундаментально различные временные ориентации. Некоторые занятия и профессии жестко требуют пунктуальности, «экономии времени» и т.д., для других это не столь важно (сравните бизнесменов с артистами или пилотов на авиалиниях с фермерами). Не только занятия и профессии, но и социальные классы, гендерные и возрастные группы различаются между собой в их временных перспективах.

Исследование этнокультурной специфики образа времени в языковом сознании представителей разных этносов показало, что этнопсихолингвистические особенности языкового сознания могут быть выявлены в процессе комплексного анализа и сопоставления ассоциативных полей – гештальтов языкового сознания и наиболее надежных его «овнешнителей» – ассоциаций, полный состав параметров которых может служить основой для психолингвистического моделирования языкового сознания.

В нашем исследовании [С.Дмитрюк, 2001] поиск этнокультурной специфики времени в языковом сознании русских, казахов и англичан задает статус самого языкового сознания: оно рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство понимания своей культуры.

Литература

- Дмитрюк С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан. – Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2001.
Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. – М., 1989.

Докт. филол. наук С.В. ИONOVA (Волгоград)
sionova@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ: ПОИСК ЕДИНИЧНОГО И ОСОБЕННОГО

Установление индивидуальных черт личности по данным языка – задача, ставшая уже традиционной в лингвистике. Идентификация (от лат. *identificare* «тот же») – отождествление, т.е. решение вопроса о системе единичных, уникальных речевых характеристик личности, ее идиостиля. Будучи

отражением категории единичного, идентификация предполагает поиск специфики языковой личности, которая проявляется как относительно обособленная, дискретная, отграниченная от других, обладающая спецификой, составляющей ее неповторимую определенность. Большая часть лингвистов, работающих в этой области, акцентируют внимание на изучении персонотекстов – разновидностей речевого произведения, в которых через языковые характеристики репрезентируется языковой потенциал личности.

В то же время актуальной проблемой современной науки становится выявление систем идентифицирующих признаков, типичных для совокупностей (групп) носителей того или иного языка, – их лингвистическое диагностирование. В данном случае речь идет о группах людей, объединенных общими социальными, возрастными, половыми признаками; социокультурными особенностями речевого поведения личностей, на основе которых строится речевой портрет, отражающий групповые черты коммуникантов [Ионова, 2015; Матвеева, 1993; Утешева А.П., 2015]. Например, языковой портрет кляузника, политика, нового русского, студента, диалектоносителя и др.

Сегодня речевое портретирование в большей степени учитывает психологические черты личности и осуществляется преимущественно методами психологии. Лингвистический подход к построению речевого портрета групп языковых личностей должен основываться на массиве объемной, структурированной, лингвистически размеченной совокупности образцов, принадлежащих языковым личностям разных социокультурных и психологически особенных групп. Разграничение подходов к исследованию речевой деятельности личности с позиций идентификации и диагностики предполагает ориентацию на разные лингвистические подходы, постановку различных исследовательских задач и применение различающихся исследовательских процедур.

Идентифицировать – значит извлечь из сходного материала единичные, различительные признаки. Основными методологическими принципами исследования при этом являются следующие положения, доказанные в современной науке: а) для каждого человека характерен уникальный комплекс особенностей речевого поведения, который может быть опознан и использован для идентификации и диагностики личностных черт; б) нахождение или опровержение наличия черт авторства определённого лица основывается исключительно на сравнении прецедентов использования его языка в оригинальных письменных источниках. Ведущий метод – сопоставительное исследование. Диагностика предполагает установление черт неопределенной личности и составления его речевого портрета по тексту. Основным методическим приемом при этом является соотнесение полученных наблюдений за речевым поведением автора текста с имеющимися образцами типов языковых личностей (см. сходство и различие письменной речи формирующейся языковой личности школьника, личностей инофона, слабослышащего, людей с органическими поражениями мозга и функциональными расстройствами психики и др.).

Работа над созданием подобных корпусов находится на начальной стадии, поэтому задача диагностики групповых черт языковых личностей часто сводится к идентификации как выявлению единичного. Наличие в распоряжении лингвистов системы разработанных моделей, основанных на особенных признаках групп языковых личностей, позволило бы им собственными методами решать диагностические задачи. В результате языкознание могло бы более эффективно отвечать на запросы практики, решая следующие проблемы: *представитель какой социокультурной группы является автором данного текста?*; *какова вероятность того, что данный текст был написан иностранцем?*; *может ли автором данного текста быть ребенок / школьник?* и др.

Цитируемая литература

Ионова, С.В. Корпусы письменных спонтанных текстов и их значение для лингвистики идентификаций // Теоретические и прикладные аспекты корпусных методов изучения текстов: материалы научно-практического семинара. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015, С. 81 – 88.

Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. – Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.

Утешева, А. П. Социолингвистические факторы приблизительности норм письма в текстах трудовых мигрантов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, языкознание. 2015. № 2 (26). – Волгоград: ВолГУ, 2015. – Стр. 17-26.

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)
kalininarkadiy@mail.ru

РУССКИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА *КАКОЕ ДЕЛО ЕМУ ДО ЭТОГО?* (ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)

Система простого предложения и в русском языке, и в других индоевропейских языках характеризуется наличием различных оппозиций, центральными из них являются противопоставления свободные / фразеологизированные и односоставные / двусоставные предложения.

Следуя концепции «Русской грамматики» считаем, что фразеологизированные предложения, или предложения фразеологизированной структуры, – это предложения с индивидуальными отношениями между компонентами и с индивидуальной семантикой. К вопросительным фразеологизированным предложениям относятся, во-первых, предложения, в составе которых имеются устойчивые сочетания, выполняющие функцию вопросительных частиц, и, во-вторых, предложения, строение которых нельзя объяснить действующими синтаксическими правилами [Русская грамматика, 1980, с. 383, 391]. Свободные предложения создаются по свободным структурным схемам и имеют живые грамматические связи между компонентами.

Что касается проблемы односоставности / двусоставности предложения, то в современной русистике существуют две противоположные точки зрения. Традиционная исходит из наличия в языке односоставных и двусоставных предложений [Шахматов, 2001, с. 49]. Противоположная точка зрения признает функционирование в языке только двусоставных предложений [Золотова, 1989, с. 33]. Следовательно, проблема односоставности / двусоставности предложения, типологии простого предложения является в русском языке чрезвычайно актуальной. Считаем, что в языке функционируют односоставные и двусоставные предложения. Двусоставное предложение категоризирует отношения предмет и приписываемый ему признак. Односоставное предложение категоризирует предмет или признак как существующий независимо, не сочлененный предикативно с другим предметом или признаком.

Вопросительные предложения структурного типа *Какое дело ему до этого?* являются фразеологизированными. Они открываются сочетанием *какое дело*, выполняющее функцию вопросительной частицы, в состав предложения входят имя в род. пад. с предлогом *до* и в форме дат. пад. со значением субъекта: *Какое дело мне до них?*; *Какое дело им до этого?* Место сочетания *какое дело* может занимать сочетание *что за дело*: *Что за дело нам до этого?* Вместо данных вопросительных сочетаний возможно также употребление вопросительного слова *что*: *Что мне до него?* Такие фразеологизированные предложения означают вопрос об отношении, осложненный значением отрицания касательства [Русская грамматика, 1980, с.392].

Русские вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Какое дело мне до этого?* фактически не изучены, не раскрыта их лингвистическая сущность, не исследована их формальная и смысловая организация, не определена их типология, что является актуальным. Тем более, что такие синтаксические единицы нередко употребляются в разговорной речи и в различных жанрах художественной литературы.

В статье данные фразеологизированные предложения исследованы в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом.

Исследуя вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Какое дело ему до этого?* в структурно-грамматическом аспекте, рассмотрим, как реализованы в них синтаксические категории модальности, времени и лица, формирующие универсальную грамматическую категорию предложения, – предикативность [Виноградов, 1975, с. 268], категория грамматического субъекта и семантическая категория агенса. При этом нами учитывается то, что в современной лингвистике наблюдается тенденция к формальному и содержательному сужению понятия предикативность [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 542].

Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Какое дело ему до этого?* в структурно-грамматическом аспекте – это односоставные именные предложения, главный член которых представлен именем в род. падеже с предлогом *до* с сочетанием *какое дело* в функции вопросительной частицы, в состав предложения входит имя в дат. падеже со значением субъекта: *Какое дело нам до этого?*; *Что за дело мне до них?*

Синтаксическая категория модальности изучена недостаточно, обычно в ней выделяют объективную модальность и субъективную модальность, однако обнаруживают и другие модальные значения [Золотова, 2008, с. 16-20].

В вопросительных фразеологизированных предложениях структурного типа *Какое дело ему до этого?* проявляется объективная модальность ирреальности, способами ее выражения являются интонационно-синтаксический и лексико-синтаксический, средствами выражения – вопросительная интонация и сочетания *какое дело, что за дело*, вопросительное слово *что*, выполняющие функцию вопросительных частиц: *Какое им дело до соседей?; Что за дело тебе до нее?*

На фоне объективной модальности ирреальности посредством вводно-модальных компонентов *конечно, возможно, вероятно, пожалуй* и др. в данных вопросительных фразеологизированных предложениях проявляется субъективная модальность: *Какое дело ему, конечно, до этих разборок?; Что за дело им, пожалуй, до этих демонстраций?* Субъективная модальность ограничено проявляется в данных фразеологизированных предложениях, что, по-видимому, обусловлено их структурой и семантикой.

Категория времени выражает отнесенность высказывания к моменту речи. Синтаксическое время – это категория уровня предложения, имеющая свои формальные средства выражения: структурную схему предложения как исходный член оппозиции, эксплицирующий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 543].

Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Какое дело ему до этого?* имеют четырехчленную модально-временную парадигму: настоящее, прошедшее и будущее время синтаксического индикатива и синтаксическое ирреальное сослагательное наклонение: *Какое дело ему (было, будет, было бы) до этого?*

Лексемы с временным значением в их составе влияют на выражение времени, они уточняют, конкретизируют в них значение времени. Так, в вопросительном фразеологизированном предложении *Какое дело ему до этого будет через десять лет?* значение будущего времени конкретизировано детерминантом времени *через десять лет*.

Синтаксическое лицо – одна из основных категорий предикативности, устанавливающая отношение высказывания к говорящему, собеседнику или к третьему лицу. В вопросительных фразеологизированных предложениях структурного типа *Какое дело ему до этого?* имя в дат. падеже указывает на третье лицо, однако в составе предложения может употребляться личное местоимение в форме первого или второго лица, то есть данные предложения могут иметь полную микропарадигму лица: *Какое дело мне (тебе, ему) до этого?*

Грамматический субъект – это словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, называющей признак предмета. В более узком толковании – это подлежащее [Краткий справочник по современному русскому языку, 1995, с. 353]. В исследуемых пред-

ложениях отсутствуют такого рода словоформы с предметным значением, при которых наличествовали бы словоформы, обозначающие их признак, и поэтому данные предложения являются безагенсными.

Агенса, или деятеля, – это производитель глагольного действия. В вопросительных фразеологизированных именных предложениях структурного типа *Какое дело ему до этого?* отсутствуют глагольные словоформы, обозначающие глагольное действие, и поэтому такие предложения являются безагенсными.

Итак, исследование предложений структурного типа *Какое дело ему до этого?* в структурно-грамматическом аспекте показало, что они, будучи вопросительными фразеологизированными односоставными именными предложениями в системе простого предложения в русском языке, являются бессубъектными, безагенсными и характеризуются спецификой выражения синтаксических категорий модальности, времени и лица.

Исследуя вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Какое дело ему до этого?* в логико-семантическом аспекте, мы учитываем, что в современной отечественной и зарубежной лингвистике сложилось множество концепций по поводу семантики предложения. Распространенной является денотативная, или референтная, концепция значения предложения, цель которой – выявление отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией, или событием [Ломтев, 1972; Москальская, 1974]. Широко представлены исследования, авторы которых идут к смыслу предложения от его формальной организации [Daneš, 1968; Шведова, 1973; Арват, 1976]. Они выдвинули понятие семантической структуры предложения. Семантическая структура предложения – это его абстрактное языковое значение, которое представляет собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения [Русская грамматика, 1980, с. 124]. Смысловая организация предложения устанавливается нами, исходя из его формальной устроенности и семантической структуры предложения.

При исследовании вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Какое дело ему до этого?* в логико-семантическом аспекте был проведен компонентный анализ семантических структур данных предложений, который выявил, что семантические структуры таких фразеологизированных предложений могут быть двухкомпонентными, включающими в свой состав семантический предикат и семантический субъект: *Какое дело им до этого?*; трехкомпонентными, состоящими из семантического предиката, семантического субъекта и семантического объекта или семантического конкретизатора: *Какое дело ему с ней до этого?*; *Какое дело нам теперь до этого?*; четырехкомпонентными, состоящими из семантического предиката, семантического субъекта, семантического объекта и семантического конкретизатора или же двух семантических конкретизаторов: *Какое им дело до родственников за границей?*; *Что за дело нам до этого сейчас там?*

Данный перечень семантических структур таких предложений не является окончательным и может быть продолжен. Наиболее частотными являются двухкомпонентные семантические структуры. Анализ этих предложений,

направленный на выявление семантических компонентов в их семантической структуре, показал, что такие фразеологизированные предложения являются двусоставными.

Исследование русских вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Какое дело ему до этого?* в двух основных аспектах – структурно-грамматическом и логико-семантическом – обнаружило различие в их типологии.

Данные предложения являются **о д н о с о с т а в н ы м и** вопросительными фразеологизированными именными предложениями в структурно-грамматическом аспекте, или на поверхностном уровне, однако в логико-семантическом аспекте, или на глубинном уровне, – это **д в у с о с т а в н ы е** предложения из-за наличия в их семантической структуре семантического предиката и семантического субъекта.

Следовательно, решение проблемы типологии простых фразеологизированных предложений в русском языке применимо и по отношению к другим индоевропейским языкам, в связи с этим необходимо учитывать данные разноаспектного анализа, что имеет весьма важное значение для теории синтаксиса простого предложения.

Данное исследование русских вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Какое дело ему до этого?* позволило предложить их структурно-грамматическую и семантическую классификации, что дает возможности построения общей типологии, и, думается, должно учитываться при изучении синтаксиса простого предложения.

Цитируемая литература

Арват Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения (Текст лекций). – Черновцы: Изд-во Черновиц. ун-та, 1976. 68 с.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. С. 254-294.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. 768 с.

Золотова Г.А. Об основаниях классификации предложений // Русский язык за рубежом. № 5. С. 66-73.

Золотова Г.А. О категории модальности // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. – Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта. 2008. С. 16-20.

Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. шк., 1995. 384 с.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 199 с.

Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высш. шк., 1974. 156 с.

Русская грамматика. В 2 т. Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. 710 с.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. – М.: Наука, 1973. С. 458-483.

Daneš Fr. Semantická struktura větneho vzorce // Otázky slovanské syntaxe, II. – Brno, 1968.

*Студ. А.А.Малахова, канд. филол. наук О.А. Касаткина (Орехово-Зуево)
olga_kasatkina49@mail.ru*

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Охарактеризовать – значит соотнести с определенным признаком. Каждый предмет представляет собой конкретное единство бесконечного разнообразия признаков, на основании которых он может быть охарактеризован.

Однако не все свойства предмета имеют одинаковое значение для предмета и для нашего познания. Признаки предмета могут быть существенными, выражающими смысл данной вещи, то, что она есть сама по себе в отличие от всех других вещей, к несущественным, обусловленным теми или иными обстоятельствами. Провести четкую границу между существенными и несущественными признаками непросто, ибо признак вычленяется в объекте в зависимости от практических потребностей субъекта и от его точки зрения.

В предложениях характеристики предикатив выражает признаки субъекта, дает его характеристику, описывая и обрисовывая подлежащее.

Типичной формой предиката в предложениях характеристики является сочетание глагола-связки être с прилагательными, но иногда для характеристики употребляются и существительные. В результате исследования были выделены следующие основные структурные модели предложений со значением характеристики:

1. N + Vc + Adj, вариантом которой является структурная схема N + Vc + Adj + prep. + Inf.

2. N1 + Vc + (un) N2, вариантом которой является структурная схема N1+ Vc + de + N2.

3. N1+ Vc + N2 + Adj.

Первая модель характеризует личность по ее физическим, психическим и социальным свойствам, а также ее действия.

Вторая модель является характеризующей при условии, если:

а) существительное «одиночное»;

б) существительное употребляется в переносном смысле.

Третья структурная модель характеризует объект, когда:

а) при существительном имеются интенсификаторы или определения, указывающие на степень проявления признака, выраженного в предикативе;

б) существительное распространено оценочным прилагательным (см. также: [О.А.Касаткина, 2015, 2015а]).

Цитируемая литература

Касаткина О.А. Структурно-семантические особенности квалификативно-го предложения в современном французском языке. – Киров, Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. – № 3. – С. 74-78.

Касаткина О.А. Тождество и его виды. – Киров, Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015а. – № 4. – С. 91-96.

Докт. филол. наук Т. С. Кириллова (Астрахань)
kirillova-ASMA@yandex.ru

СИНХРОНИЧЕСКАЯ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА СОГЛАСНО КОНЦЕПЦИИ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА

В лингвистике, как и в политэкономии, мы также находимся перед лицом категории ценности – системы эквивалентностей (равноценностей) между вещами различных порядков (в лингвистике – между означаемым и означающим). Для наук, оперирующих понятием ценности, становится практически оправданной необходимостью различения двух осей: 1) оси одновременности (АВ), касающейся отношений между существующими вещами, откуда исключено всякое вмешательство времени, и 2) оси последовательности (СД), на которой никогда нельзя увидеть больше одной вещи за раз и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями.

Поэтому Соссюр различает две лингвистики, которые противостоят друг другу как эволюционная лингвистика и статическая (или синхроническая и диахроническая). Синхрония обозначает состояние языка, а диахрония – эволюцию. Синхрония знает только одну перспективу – перспективу говорящих. Ее метод сводится к собиранию фактов от носителей языка. Напротив, диахроническая лингвистика должна различать две перспективы: проспективную, следующую за течением времени, и ретроспективную, направленную вспять. Ее метод раздваивается. Для первой перспективы метод сводится исключительно к контролю документов, бесчисленного множества фотографий языка, снятых в каждый момент его существования. Это условие никогда не может быть выполнено. Приходится отказаться от проспективного метода и применять обратный, ретроспективный. Ретроспективное исследование требует метода реконструкции, основанного на сравнении. Чем многочисленнее спорные моменты сравнения, тем точнее оказывается реконструкция. Второе различие вытекает из разницы в объеме той области, на которую распространена та или другая лингвистика. Синхроническая лингвистика имеет в качестве объекта совокупность фактов, относящихся к каждому языку. Диахроническая лингвистика отвергает подобную специализацию. Рассматриваемые ею элементы не принадлежат обязательно одному языку. Для сближения двух форм достаточно, если между ними есть историческая связь, какой бы косвенной она ни была (сравните: индоевр. *esti*, греч. *esti*, нем. *ist*, рус. *есть*). Синхронический феномен – отношение между существующими одновременно элементами, а диахронический феномен – смена во времени одного элемента другим. Так Соссюр подводит

лингвистику ко второму разветвлению, выделяя лингвистику языка и речи, синхронию и диахронию. В истории всякого новшества имеются два отдельных момента: 1) момент появления его у носителей языка, 2) момент превращения его в факт языка, когда оно, оставаясь по внешности тем же, принимается коллективом.

Говоря о месте концепции Фердинанда де Соссюра в истории науки, следует подчеркнуть, что она представляет собой значительный вклад в формирование предмета языкознания. Значительно расширив онтологическую картину изучаемого объекта, Соссюр сделал попытку определить предмет исследования науки о языке. Сильной стороной теории языка Соссюра является ее умозрительная часть; она декларативно была повернута в сторону изучения языка в его синхронической фазе. В истории науки трудно найти другой такой же пример, когда гипотезы без проверки были бы приняты на веру и утверждены в качестве теории.

«Курс общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра дает эскиз будущей структурной лингвистики. Все дальнейшее развитие языкознания идет по пути углубления знаний о системе и структуре языка и поиска методов изучения и описания отдельных ее фрагментов (фонологической системы, синтаксической системы и т.д.).

*Канд. филол. наук Е.С.Никитина (Москва)
m1253076@yandex.ru*

ПОНИМАНИЕ КАК ВИД АВТОКОММУНИКАЦИИ

Письменность ставит текст в позицию партнера в коммуникации, точнее, в автокоммуникации. Общение с собой – это то, чему нас никто и нигде не учит. Мы даже не знаем подчас, с кем общаемся «про себя». Некоторые не подозревают, что такой вид общения существует и в том или ином виде является обязательным условием нормальной психической деятельности человека, определяя нашу работоспособность, настроение, самочувствие, а нередко и состояние здоровья. Общение с собой предполагает, что личность способна понимать свое поведение, различать и оценивать жизненные смыслы, принятые в данной социальной среде, а в случае необходимости – конструировать новые.

Одно из первых научных представлений об автокоммуникации было предложено Ю.М. Лотманом в работе «Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (о двух моделях коммуникации в системе культуры)». Случай, когда субъект передает сообщение самому себе, то есть тому, кому оно уже и так известно, представляется парадоксальным. При этом Ю.М. Лотман акцентирует случай, когда передача информации от «Я» к «Я» выполняет не мнемоническую, а смыслопорождающую функцию. В системе «Я – ОН» переменными оказываются обрамляющие элементы модели (адресант заменяется адресатом), постоянными – код и сообщение. В системе «Я – Я» носитель информации остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл. По мысли Ю. Лотмана, это происходит в результате того, что вводится добавочный код и исходное сообщение перекодируется в

единицах его структуры, получая черты нового сообщения. В канале «Я – Я» происходит качественная трансформация сообщения, которая приводит к перестройке самого этого «Я».

Процесс понимания/непонимания в режиме автокоммуникации надстраивается над мышлением в качестве пускового механизма и контроля нормативности мысли. Ведь без понимания, как утверждал Л.М. Веккер, нет мысли в ее психологической специфичности. Непонятая мысль перестает быть мыслью и от нее остается лишь пустотелая речевая оболочка.

При встрече двух текстов – усвоенного и непонятого – один не встраивается, не объединяется, не включается в другой, то есть, не работают логические связки – субъект раздваивается на субъекта непонимающего и объект непонимания. Задача непонимающего – привести их к понятному тексту.

В акте смыслопорождающей автокоммуникации частичному или непонимающему субъекту противостоит текст как субъект (понятый кем-то другим раньше) его взаимодействий: размышлений, отношений, оценок, выборов. Только авторитетный текст предполагает отношение к себе как субъекту и требует понимания.

Наличие «частичного субъекта» лишний раз свидетельствует о функциональном, диспозиционном значении самого понятия субъектности. Человек может выступать в одном случае в роли субъекта, а в другом в роли объекта даже к своему собственному «Я», ибо в ситуации самопознания, самооценки, самовнушения «Я» раздваивается на «Я-субъект» и «Я-объект». Психологам хорошо знакомо это явление, а в истории литературы были выработаны специальные средства психологического анализа личности – описание ее восприятия самой себя как бы со стороны. В автокоммуникации и объект и субъект существуют виртуально, как чисто воображаемые психические конструкты, как «квазиобъект» и «квазисубъект», то есть такие формы идеального, которые выступают моделью и объекта и субъекта.

Науке известны два типа соотношения категориальных бинарных оппозиций. В одном случае они соотносятся по логическому правилу древних *tertium non datur* (третьего не дано) – таковы, например, категориальные бинумы «причина – следствие», «добро – зло», «прогресс – регресс», синтез которых невозможен, ибо привел бы к их теоретической аннигиляции. В ином случае пары категорий обозначают не взаимоисключающие, а качественно различные и соотносимые друг с другом в данной дифференционной плоскости компоненты системы – таковы, например, категориальные пары «материальное – духовное», «содержание – форма», «пространство – время» и т. п.; здесь возможен синтез противоположностей, к примеру, человек как единство материи и духа, пространство – время как хронотоп, внутренняя форма как третий слой структуры предмета.

В автокоммуникации все формы субъект-объектных превращений могут реализовываться. А текст может занимать позицию одного из субъектов автокоммуникации.

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ СТРАНА И LATIUM? ФАКТЫ ИЗОСЕМИИ
В РУССКОМ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ:
СМЫСЛОВЫЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ.

При преподавании русского языка как иностранного важно знать, например, а) почему и как лексема *страна* семантически соотносима с *сторона*: общеизвестно, что они исторически идентичны (первая – книжное заимствование из старославянского), но в синхронии семантически они разошлись, кроме редких случаев типа *страны света / стороны света* и архаизмов (*в чужой стране, на чужой стороне*); б) есть ли формально-семантическая связь между лексемами *страна* и *страница*; в) как эти факты русского языка соотносятся с семантически и концептуально близкими фактами французского языка (или других европейских языков, прежде всего английского, с которым все франкоязычные студенты более или менее знакомы). На роль концептуально-мотивационных моделей в лексике уже давно указывал В. Г. Гак [Гак 1977, с. 34-43].

Для *страна* важны два момента: семантический переход в диахронии от значения ‘сторона’ к ‘местность, территория’ и относительная аналогия с полисемией (наблюдаемой и в синхронии) французского слова *endroit* (от *en* ‘в’ + *droit* ‘прямой, прямо’ – то есть ‘то, что можно видеть прямо перед собой’) ‘место, местность’ и ‘лицевая сторона ткани, листка бумаги’). Формально-семантическая конфигурация *страна/сторона* изосемична полисемии французского *endroit*.

Более тонкая семантическая аналогия для *страна* устанавливается с исторической семантикой французского слова *contrée* ‘местность, край, область, страна’ и английского *country* ‘страна’, поскольку данные лексемы восходят к лат. сочетанию *contrata regio* ‘область, которая расстилается перед лицом наблюдателя, которую наблюдатель видит на противоположной от себя стороне’, ср. лат. *contra* ‘против, напротив’. Похожее слово есть и в немецком (калька с латинского): *Gegend* ‘местность, край, область’, от *gegen* ‘против, напротив’.

С точки зрения этимологии *страна/сторона* связаны с семами ‘то, что расстилается; более или менее плоская поверхность’. Родственные корни имеются в словах *простира́ться, простере́ть, пространство, простор*, от индо-евр. корня **ster-* ‘простереть, простираться’ [Фасмер 1987, т. 3, с. 379], который связан с индо-евр. корнем **stel-* ‘располагать, расстилать, стелить, расстилаться’ (ср. рус. *стлать, стелить, расстелить*).

Можно пойти ещё дальше и обратить внимание студентов на тот поразительный факт, что русское *страна* изосемично термину *latin* ‘латинский’ – одному из ключевых во франкоязычном сознании – от лат. *Latinus* ‘латинский’, связанного с *Latium* ‘Лациум’ (названием исторической области вокруг Рима – более плоской по сравнению с соседней территорией сабинян). По наиболее вероятной гипотезе, *Latium* родственно лат. *latus* ‘расстилающийся, плоский, широкий’ (отсюда фр. *latitude* ‘широта’). С другой стороны, есть не только семан-

тический параллелизм: этимологически рус. *страна* / *сторона* можно считать родственными названию *Latium*, поскольку лат. *latus* восходит к **stlatus*, от индо-евр. корня **stel-* ‘располагать, расстилать, расстилаться’, возможного варианта индо-евр. корня **ster-* ‘простереть, простираться’ [Mallory, Adams 1997, с. 442, 472, 506, 539]. Ср. лат. *locus* ‘место’, от древней формы **stlocus*.

Что касается связи между *страна/сторона* и *страница*, семантически она очевидна: *страница* является одной из *сторон* листка. Похожее соотношение наблюдается в нем. *Seite* ‘сторона; страница’ и в родственном ему англ. *side* ‘сторона’ и (брит. вариант англ. языка) ‘страница’.

Формально и с точки зрения этимологии это аналогично соотношению между фр. *paus* ‘страна’ и *page* ‘страница’, поскольку оба эти слова восходят к лат. *pagus* ‘сельская община, сельская местность, край, область, округ’. Но семантически аналогия сложнее, и она даже частично обманчива: первоначальное значение лат. *pagus*: ‘столб, шест, вбитый в землю’, и это слово образовано от лат. глагола *pangere* ‘вбивать, вколачивать (в землю)’. Отсюда идея ‘сельской местности, сельского округа, обозначенных вбиванием столба или столбов’. При этом вбивание столба могло быть и символическим, что объясняет лат. *pacum* ‘(мирный) договор’, *pac* ‘мир’ [Степанов 1997, с. 98].

Источник же фр. *page* ‘страница’ – производное от *pagus* ‘шест, вбитый в землю’ латинское слово *pagina* ‘виноградная лоза на шпалере; прямоугольник из четырех рядов виноградных лоз’, отсюда по внешнему сходству значение ‘написанный в столбец текст’, затем ‘написанный на листке текст’ и, наконец, ‘листок, страница’.

Но несмотря на семантическую сложность этой формально-семантической конфигурации, частичная изосемия между *страна/страница* и фр. *paus* ‘страна’ / *page* ‘страница’ всё-таки есть, если учитывать дальнюю диахронию данных французских лексем.

Формально-семантические аналогии в плане синхронно-диахронной деривации и поиск инокорневых формально-семантических аналогий между русским языком и западноевропейскими языками интересны для представления концептуальных структур каждого из языков с многочисленными концептуальными внутри- и межъязыковыми пересечениями, что способствует дальнейшему изучению проблем соотношения языка и мышления.

Цитируемая литература

- Гак В. Г., Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. – М., 1987.
Mallory J.P., Adams D.Q. (dir.), Encyclopaedia of Indo-European Culture. – Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АФОРИЗМОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДИНАМИЧНОСТИ МЫСЛИ

Тайны мышления волновали человечество, очевидно, еще со времени формирования мышления. Впоследствии размышления о мыслительном процессе вызвали к жизни множество и объемных научных трудов, и кратких афористичных высказываний. Во многих афоризмах, так или иначе содержащих категории мыслительной активности, отражена динамичность мысли, например: **Мысль – тоже действие; нет ничего плодотворнее ее влияния на мир** (Э. Золя), **Никогда не отделяйте мысль от действия!** (Р. Роллан). **Сознание остаётся неизменным в своей сущности, но вызывает во время работы вихри, потоки, каскады новых мыслей и образов, ощущений и слов. Поэтому иногда человек сам удивляется тому, что написал** (К. Паустовский). Этот афоризм базируется на парадоксе, который репрезентирует антиномия «статичность – динамичность» (неизменность с одной стороны и порождение потока новых мыслей – с другой по отношению к одному и тому же явлению).

Очень ярко динамичность мышления, его парадоксальность как катализатор процесса возникновения новых идей и ассоциаций представлены, например, в таких афоризмах, говорящих о своеобразной специфике мыслительного процесса: **Истина рождается как ересь и умирает как заблуждение** (Г.Гегель), **Если не грешить против разума, нельзя вообще ни к чему прийти** (А. Эйнштейн), **Все с детства знают, что то-то и то-то невозможно. Но всегда находится невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие** (А. Эйнштейн). В этих высказываниях противопоставлены и одновременно объединены истина и ересь, незнание, заблуждение и противодействие разумным размышлениям как источник новых мыслей, идей и выводов.

Динамичность мыслительного процесса не чужда эстетике. Более того, такая динамичность сама способна стать источником красоты и удовольствия: **Анализ убивает всякое наслаждение, но продлевает наслаждение анализом** (Ф. Искандер).

Изучение афоризмов, в которых тем или иным образом затрагиваются проблемы мыслительной активности, мышления как динамического процесса позволило нам выявить следующие семантические группы.

1. БОЖЕСТВЕННОСТЬ И НЕПОСТИЖИМОСТЬ МЫШЛЕНИЯ: Человеческий образ мыслей не обладает разумом, божественный же обладает (Гераклит).

2. НЕОБХОДИМОСТЬ ОВЛАДЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТЬЮ: Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, – благо. Обузданная мысль приводит к счастью (Будда).

3. ПРИЧИНЫ МЫСЛИ, МЫШЛЕНИЯ: Разум с помощью науки проникает в тайны вещества, указывает, где истина. Наука и опыт – только средства, только способы собирания материалов для разума (М. Ломоносов).

4. МЫСЛЬ КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЕ ЯВЛЕНИЕ: Кто мыслит самостоятельно, тот мыслит значительнее и полезнее для всех (С. Цвейг).

5. ОГРАНИЧЕННОСТЬ, ПРЕДЕЛЬНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ: Чем глубже мыслит человек, тем выше поднимается по лестнице познания, но есть предел, за которым начинается безумие (И. Шевелев).

6. СИЛА МЫСЛИ: Всякая мысль, выраженная словами, есть сила, действие которой беспредельно (Л. Толстой).

7. КРЕАТИВНОСТЬ, КАУЗАТИВНОСТЬ И ПЕРЛОКУТИВНОСТЬ И МЫСЛИ: Все радости и несчастья людей созданы их собственными мыслями (Хун Цзычен).

8. ГЛУБИНА МЫШЛЕНИЯ: Глубина и быстрота мышления находятся в обратной зависимости – чем глубже мыслит человек, тем медленнее (И. Шевелев).

9. ОСУЖДЕНИЕ ПРИМИТИВНОСТИ МЫШЛЕНИЯ: Иногда тратится очень много умных мыслей, чтобы ликвидировать одну глупую (В. Коняхин).

10. ФОРМЫ И СПОСОБЫ МЫШЛЕНИЯ: Два способа мышления – скольжение и проторение (И. Шевелев).

11. ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ, ФИЗИКА УМА: Довожу мозги до кипения и только так выпариваю излишнюю воду из впаренных мне мыслей (Е. Ханкин).

12. ТРУДНОСТИ МЫШЛЕНИЯ: Думать — самая трудная работа; вот, вероятно, почему этим занимаются столь немногие (Г. Форд).

13. РАЗВИТИЕ МЫСЛИ: Мысль, рожденная за секунду, могла зреть веками (Ольга Муравьева).

14. АНТРОПОМОРФНОСТЬ МЫСЛИ: Мысли тоже рождаются, как живые дети, и их тоже долго вынашивают, прежде чем выпустить в свет (М. Пришвин).

15. ЗООМОРФНОСТЬ МЫСЛИ: Мысли перескакивают с человека на человека, как блохи, но кусают не всех (С. Лец).

16. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МЫСЛИ С ЯВЛЕНИЯМИ ПРИРОДЫ: Дай дозреть мысли, но не перезреть: перезрелые мысли, как и плоды, впрок не идут (В. Гюго).

17. ОПРЕДЕМЕЧИВАНИЕ МЫСЛИ: Врубаясь в чужую мысль, главное не попортить её отбойным молотком своей (В. Бутков).

18. СВЯЗЬ МЫСЛИ И ЧУВСТВ: Мысль, прежде чем стать мыслью, была чувством (К. Станиславский).

19. ЧИСТОТА, ПРАВСТВЕННОСТЬ МЫСЛЕЙ: Все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом – основа нравственности (Б. Паскаль).

20. ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МЫСЛИ СТРАДАНИЕМ: Не каждый страдающий становится мыслителем, но каждый мыслитель рождается в горниле страдания (И. Шевелев).

21. СВЯЗЬ МЫШЛЕНИЯ И ВНЕШНИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА:

Чем глубже процесс мышления, в котором пребывает человек, тем человек пассивнее (Гарун Агацарский).

Этот перечень остается открытым и нуждается в детальном лингвистическом анализе.

Канд. пед. наук Н.В.Шিশонина (пос. Электроизолятор Московской обл.)
shishonina-nv@art-gzhel.ru

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ТЕЛЕСКОПИЯ

Одним из разделов языкознания является словообразование, обладающее многообразной и сложной системой средств. Словообразование во французском языке различается по трём основным типам, которые соответствуют языковым уровням: фонетический, морфологический и семантический. Последние два являются важными в образовании новых слов.

Фонетическое словообразование отвечает за появление междометий.

Морфологическое словообразование изменяет формы слов, создавая новые слова. Выделяют следующие типы морфологического словообразования:

– суффиксация (*changement m* – изменение, *affranchissement m* – освобождение, *adoucisement m* – смягчение);

– префиксация (*superproduction* – фильм-боевик, *supermarché* – универсам, *superbin* – высшего сорта, *superbénéfice* – сверхприбыль, *supercarburant* – бензин высшего сорта);

– сложение (*un gratte-ciel* – небоскреб; *franco-soviétique* – франко-советский; *un magnétophone* – магнитофон);

– аббревиация (*prof* – *professeur*, *sana* – *sanatorium*, *proc* – *procureur*, *télé* – *télévision*, *foot* – *football*) и (*USA* – *United States of America*, *UPI* – *United Press International*);

– конверсия (*Le ciel est bleu; Le bleu du ciel*);

– лексикализация (*bonheur* – счастье (*heur* – в современном языке не существует как отдельное слово); *bouleverser* – разрушать, потрясать также приближается к простому слову, так как семантически в современном языке – *boule* не соотносится с *bouleverser*);

– заимствования (*caravanning* от *caravane*: 1) караван; 2) транспорт; 3) пассажирский автоприцеп; 4) группа людей, следующих вместе. Само слово *caravanning* имеет следующее значение: 1) автотуризм; 2) кемпинг для туристов с автофургонами) [Цыбова, 2011, с.63; Ляхова, 1982, с.36]

Телескопия – это явление, характерное современной лингвистики, вызывает к себе повышенный интерес. Телескопия не всегда признавалась особым способом словообразования, но с течением времени все больше и больше авторов приходит к выводу о том, что телескопия – это вполне самостоятельный словообразовательный тип.

Впервые телескопные слова появились в XV веке, но только в XX веке телескопные слова выступили как результат словообразовательного процесса.

В.М.Лейчик ввел в лингвистическую терминологию «телескопные слова», обладающие цельноформленностью и семантической глобальностью [Лейчик, 1966, с. 24]. Телескопные слова – это слова, состоящие из сегментов двух исходных слов или двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания. Амальгмирование и фузия – основные приёмы создания телескопных слов.

Говоря о продуктивности данного способа словообразования, можно выделить тенденции к увеличению телескопных единиц в языке. Такой способ образования слов служит средством обогащения и выразительности языка. Телескопия присуща как разговорному стилю, так и официально-деловому, художественному и публицистическому стилям, и к осознанному их употреблению. Например,

Interpol = international + police;

moped = motor + pedal;

motel = motorist + hotel; [Лашкевич 2005, с. 100].

Приведём пример телескопных слов в художественной литературе, который встречается в виде стилистического приёма. В романе В.Гюго «Отверженные» появляется слово *filousophe* (*om filou+(philo)sophe*): «*Il affirmait avoir «un système». Du reste fort escroc. Un filousophe*».

В статьях французского журнала “L’Express” можно встретить *Londonistan* (*London + istan*): «*La vaine tentation gagne quelques Etats d’obtenir par complaisance la sanctuarisation de leur territoire! Tel fut le cas du «Londonistan» britannique avant que Londres, à son tour agressé, ne se découvre flouée*» [L’Express]

Телескопия позволяет максимально сократить контекст. Телескопное слово выражает целую мысль, соединяя одновременно понятия.

Цитируемая литература

Juilland A. Dictionnaire inverse de la langue française. – P., 2006. – 984 с.

Le Petit Larousse illustré. – P., 2016. – 1825 с.

Nouveau Petit Larousse illustré. – P., 2016. – 1813 с.

Petit Robert. – P., 2015. – 2418 с.

Petit Robert. – P., 2015. – 2556 с.

Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 2010. – 1194 с.

Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. – М., 2012. – 316 с.

Лашкевич 2005, с. 100]. Лашкевич О. М. Семантика слов-слитков в современном английском языке. Ижевск: Весник удмуртского университета. Филологические науки – № 5(2). – 2005. – С 99-104с.

Лейчик В.М. Об одном малоизученном способе словообразования. «Телескопные слова» современного французского языка. // Филологические науки, 1966, №3)

Ляхова А.С. Истоки формирования французской словообразовательной системы. – М., 1982. – 214 с.

Сулова Ю.И. Эволюция книжной основы в словообразовании французского языка//Проблемы лексики. – М., 1980. – 183 с.

Телескопные слова во французских печатных СМИ // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам XXXIII студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. – М.: «МЦНО». – 2016 – № 4 (32) / [Электронный ресурс]

Цыбова И.А. Соотношение суффиксального словообразования на исконной и книжной основе в современном французском языке. – М., 2011. – 286 с.

*Докт. филол. наук Т.А. Янссен-Фесенко (Ольденбург),
канд. филол. наук С.Л. Фесенко (Санкт-Петербург)
tafessenko@rambler.ru*

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ «МИРА ЗНАЧЕНИЙ»

Вербально-концептуальная интерпретация (художественных) образов в иноязычной лингвокультуре служит, на наш взгляд, оптимальным способом выявления и описания «законов концептуального и языкового сознания» и, в частности, «семантической бесконечности» языкового знака как одного из этих законов, поскольку данный процесс позволяет наиболее глубоко ощутить, что для каждого языка, по замечанию Л.В. Щербы, «мир значений разделен неодинаково».

Рассмотрим следующие интересующие нас пункты заявленной проблемы.

А. Язык и мышление/ сознание: «повторение пройденного»

Многочисленные научные концепции различают две ступени познания (два уровня мышления): 1) чувственное/эмпирическое мышление (познание), реализующееся в формах восприятий, ощущений и представлений без обязательной опоры на язык; 2) абстрактное/логическое мышление, которое осуществляется в форме суждений, понятий, умозаключений. Единый процесс мышления обеспечивается данными ступенями познания, обуславливающими переход континуума чувственного мышления в абстрактное и наоборот.

Процесс мышления отличается динамикой и представляет собой не только отражение нашего взаимодействия с реальностью, но и отражение процесса работы нейронов мозга.

Статическое состояние системы нейронов являет собой сознание как накопленное знание, как совокупность наших знаний о себе и о мире.

Релевантной для нашей работы является метафорическая интерпретация сознания как **смыслового фильтра**.

Сознание является тем «когнитивным уровнем», который аккумулирует знания носителей культуры о мире.

Бесспорно, язык не может существовать отдельно от форм мышления, репрезентированных в языковых формах, поэтому специфика вербально-концептуальных интерпретаций (художественных) образов в иноязычной линг-

вокультуре может быть выявлена в контексте взаимоотношения мышления и лингвокультуры, ибо данный процесс представляет собой по сути перевод образов сознания в графический (или звуковой) ряд.

Б) Вербально-концептуальная интерпретация (художественных) образов как проекция авторской когнитивной сферы

Бесспорно, исследователь имеет дело и с содержанием текста, и с его смыслом. Как смысл, так и содержание являются, безусловно, результатом понимания данного текста, но они представляют собой различные ментальные образования, базирующиеся на разных речемыслительных механизмах. В сознании интерпретатора содержание текста оформляется как ментальное образование, «моделирующее» тот конкретный фрагмент действительности, о котором идет речь в данном тексте.

Смысл, в свою очередь, является его собственным продуктом, т.е. интерпретацией того, «что в этом тексте сообщается».

Содержание текста и его смысл по-разному проецируются на сферу сознания интерпретатора: если *смысл, по сути, является проекцией его собственного сознания на текст*, то *содержание можно рассматривать, скорее, как проекцию текста на сознание интерпретатора*.

Определяющую роль при интерпретации играет когнитивная программа/сфера интерпретатора, ибо она обеспечивает согласование вкладываемого автором содержания с получаемой информатором семантической информацией.

В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть, что воспринимаемый текст никогда не будет наполнен для интерпретатора тем смыслом, который вкладывал в него автор, ибо, по замечанию Т.А.Фесенко, каждая культура имеет в своей основе собственную систему социальных стереотипов, образов и когнитивных схем, а за каждым вербальным знаком стоит фрагмент образа мира данной конкретной культуры». Для оптимальной интерпретации иноязычных/инокультурных образов актуален и релевантен именно тот фрагмент когнитивной сферы интерпретатора, который образуется при «пересечении» когнитивных сфер автора текста и его интерпретатора. Актуализация «зон» пересечения возможна в том случае, когда интерпретатор знаком с когнитивной базой того лингвокультурного сообщества, на языке которого создан анализируемый текст, а также с набором основных компонентов когнитивной сферы его автора. Следовательно, оптимальная вербально-концептуальная интерпретация инокультурных образов обеспечивается а) общностью знаний об исходном языке и культуре; б) общностью знаний о мире в форме когнитивных образов сознания. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет о художественно-ориентированной интерпретации, которая наравне со смысловой интерпретацией (т.е. выявлением концептов, схем и др.) включает интерпретацию художественной идеи как сложного сцепления художественно оформленных понятий и когнитивных образов. Дополнительная сложность данной интерпретации обусловлена также тем, что в авторской программе художественная идея и смысловая схема зачастую выражаются особыми ментальными и вербальными способами: способом оформления синтаксических и семантических отношений,

способом соединения концептов и др., т.е. когда авторская программа текстопостроения и «смыслокодирования» уникальна.

Итак, подытоживая рассмотрение данной проблемы, можно заключить, что средством отражения реального мира в сознании служит любой естественный язык независимо от своей «семантической» структурированности; «нивелирует» семантические структуры различных языков, обуславливая их общий «понятийный знаменатель» в огромном «мире значений» сознание индивида. Именно данный феномен позволяет интерпретатору «декодировать» инокультурные/иноязычные образы, «одевая» их в доступные языковые формы.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

*А.И.Балыкин, Т.В.Балыкина-Милушкина (Москва)
b2000s@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО НАГРУЖЕННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Ключевые слова: эмоционально нагруженные теоретические понятия, психосемантическая диагностика, биологическая обратная связь (БОС), АПК «ИПЭР-1К».

Актуальность: В современных условиях для усвоения огромных потоков новой теоретической информации без потери её смыслового содержания требуются новые методы мониторинга и выявления психоэмоционального напряжения, приводящего к искажению восприятия, неправильному пониманию, а часто и к нежеланию изучать материал.

Исследованиями психоэмоционального напряжения с использованием субъективных и психофизиологических методов занимались различные авторы Тихомиров О.К., Щербатых Ю. В., Александров Ю. И., и др. [1]. Так отечественный психолог В.Н.Мясищев, исследовав психологическое значение биологической обратной связи, а именно кожно-гальванической реакции человека, пришел к выводу, что «особое значение эмоций в психогальванической реакции представляется убедительно доказанным» [2, с. 141]. И.В.Смирнов на базе кафедры психоэкологии РУДН разрабатывал методики изучения психических явлений, основанных на принципе БОС и функциональной пробы, а также создавал акцентный локус латентной информации, затрагивающий еще и неосознаваемые сферы психики [4].

Необходимость мониторинга и выявления эмоционально нагруженных теоретических понятий и результаты вышперечисленных исследований позволили сформулировать **цель исследования** – выявление эмоционально нагруженных теоретических понятий в процессе психологического консультирования с использованием биологической обратной связи (БОС).

Методы исследования: наблюдение, беседа, психосемантическая диагностика с использованием регистрации амплитудных показаний кожно-гальванических реакций (КГР) при помощи аппаратно-программного комплекса БОС «ИПЭР-1К» [3].

Психосемантическая диагностика представляет модель выявления эмоционально нагруженных теоретических понятий посредством субъективной оценки показателей и регистрации амплитудных показаний фазических составляющих КГР на теоретические семантические понятия (рис.1).

Клиент психологического консультирования, учащийся 7-го класса, называл основные теоретические понятия русского языка из учебника 7-го класса,

раздел «Причастие». В процессе структурированного интервью при регистрации на индикаторе АПК «ИПЭР-1К» резкого максимального падения амплитудных показаний фазической составляющей на фоне регистрируемых абсолютных величин тонических составляющих определялась эмоциональная нагруженность произносимого теоретического понятия.

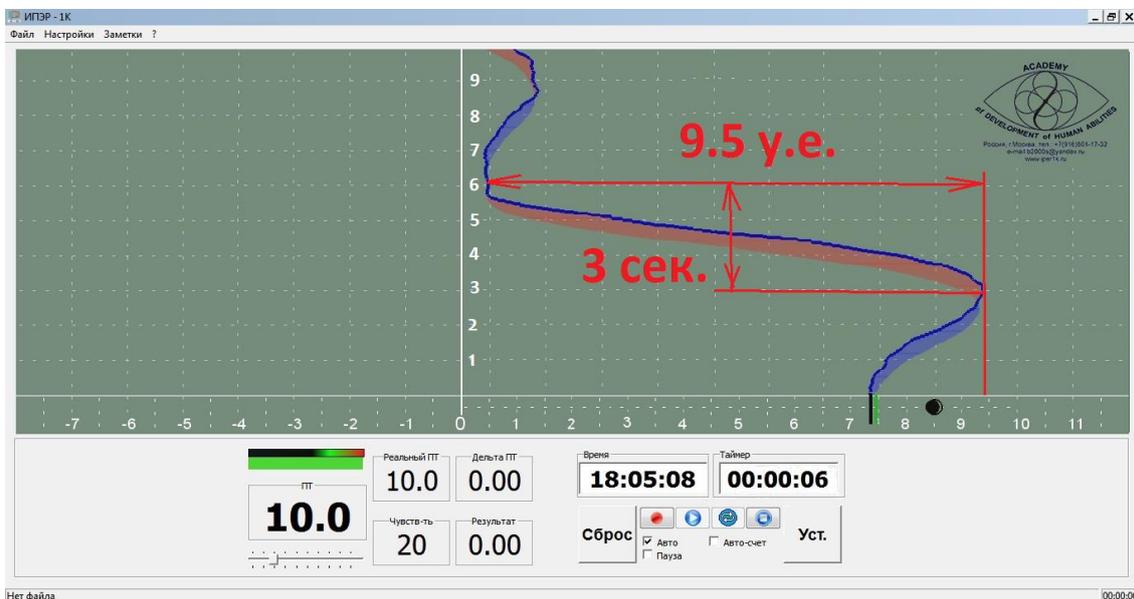

Рис.1 Амплитудной отклонение (дельта) АПК «ИПЭР-1К» на понятие «глагол».

После исследования была создана таблица теоретических понятий и показаний амплитудных отклонений (дельта) АПК «ИПЭР-1К» (рис. 2).

Теоретическое понятие	Дельта (у.е.) АПК «ИПЭР-1К»
Причастие	0
Глагол	9,5
Причастный оборот	1
Действительные причастия	0
Страдательные причастия	5
Действительные причастия настоящего времени	0
Действительные причастия прошедшего времени	0
Страдательные причастия настоящего времени	6
Страдательные причастия прошедшего времени	5

Рис. 2 Показания амплитудных отклонений АПК «ИПЭР-1К» на теоретические понятия русского языка 7-го класса, раздел «Причастие».

Клиента просили дать определение тем понятиям, которые имели наибольшую дельту на АПК «ИПЭР-1К», а также разъяснить, как это понятие используется в русском языке. Клиент не смог дать точных ответов, признался, что не понимает значение и их смысл, а также проявлял эмоции раздражения и беспокойства.

Результатом исследования стало определение эмоционально нагруженного теоретического понятия «глагол» с использованием биологической обратной связи АПК «ИПЭР-1К», которое было взято для работы в психологическом консультировании, итогом которого, стало предотвращая непонимание изучаемого материала по русскому языку.

Литература

1. Инновационный метод психологического контроля спортивной деятельности гандболисток высокой квалификации/ В.А. Игнатьева, Т.В. Балыкина-Милушкина, А.И. Балыкин // Журнал Спортивный психолог. – М., 2012, № 1 (25). – С. 48.
2. Мясищев В.Н. Психологическое значение электрокожной характеристики человека / В. Н. Мясищев.– Труды ин-та мозга им. Бехтерева. – Л., 1935. – С. 141.
3. Балыкин А.И., Балыкина-Милушкина Т.В., Качнов С.М. Устройство для оценки психоэмоционального состояния человека, Пат.107482 РФ, Бюл., 2011. – № 23. – С. 76
4. Смирнов И.В. Психозкология / И.В. Смирнов. – М., 2003. – 206 с.

*Канд. психол. наук Е.Е. Копченова (Орехово-Зуево)
eek_psy@mail.ru*

МОТИВАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ АГРЕССИВНЫХ ДЕТЕЙ

Изучение мотивационной сферы детей агрессивных и неагрессивных детей проводилось с помощью варианта метода мотивационной индукции (методика «Цветик-семицветик»). Данный метод позволяет выявлять личные мотивы, цели, стремления, формулируемые субъектом словесно. Полученные данные выявили ряд особенностей мотивации агрессивных и неагрессивных детей.

В обеих группах детей наиболее выраженными оказываются мотивы, связанные со стремлением обладать чем-либо. Но у агрессивных детей желания что-либо иметь составляют почти половину всех ответов. В то же время в мотивационной сфере этих детей слабо представлена мотивация, связанная с общением и собственной личностью. При этом вообще отсутствует как мотивация саморазвития, так и мотивация, связанная с будущей профессиональной деятельностью, но выражена мотивация, касающаяся отдыха.

В группе неагрессивных детей одинаково выражены мотивы, выражающие желание обладать чем-либо, мотивы, затрагивающие общение и активность.

Что касается объектов желаний, то стремление обладать материальными ценностями более характерно для неагрессивных детей (*хочу, чтобы было 1050 машин; хочу миллион долларов*), тогда как у агрессивных детей наибольшее число ответов касается желаний иметь игрушки (*хочу машинку игрушечную; хочу мягкую игрушку*). Это свидетельствует о некоторой инфантильности агрессивных детей. Неагрессивные дети чаще, чем их агрессивные сверстники, хотят иметь какое-либо животное (*хочу собаку; чтобы у меня была морская свинка*).

Наиболее интересные различия между группами выявлены в отношении мотивации, связанной с общением.

Мотивы, выражающие ожидания чего-либо от других, меньше выражены у неагрессивных детей, чем у агрессивных. При этом у агрессивных детей ожидания связаны только с членами семьи, причем в большинстве случаев речь идет о матери – чтобы она что-то разрешила или не ругала (*чтобы меня мама каждый день гулять отпускала; чтобы меня мама не ругала*), в меньшей мере это относится к другим детям в семье (*чтобы мой брат не приставал ко мне*); остальные категории лиц (сверстники, учителя) вообще не упоминаются.

Что касается пожеланий в адрес других лиц, то у агрессивных детей такие высказывания оказываются единичными, в отличие от неагрессивных детей. У агрессивных детей ответы относятся только к двум категориям объектов – учителю и родителям (*чтобы учительница не болела; подарок маме на 8 Марта*), высказывания о друзьях и общечеловеческих проблемах вообще отсутствуют.

Таким образом, для агрессивных детей характерными оказываются мотивы, связанные с ожиданием чего-либо от других, сами же они не выражают озабоченности проблемами других людей. У неагрессивных детей, наоборот, достаточно выражены мотивы, связанные с «третьими» лицами, т.е. им свойственна общественная направленность мотивов.

Различия между выделенными группами обнаруживаются и в мотивации, связанной с «Я-концепцией». Меньше всего мотивы такого рода отмечены у агрессивных детей по сравнению с неагрессивными детьми. Различия проявляются и в том, какие стороны личности упоминаются в ответах детей. Желания неагрессивных детей затрагивают различные стороны личности: собственные качества характера (*чтобы я была умной*), физические особенности (*хочу быть ловким, сильным и красивым*), материальное (*чтобы я был богатый*) и будущее профессиональное (*хочу быть учителем; чтобы я была мультипликатором*) положение; положение школьника (*я хочу быть отличником*). Встречаются среди ответов неагрессивных детей и высказывания, выражающие стремление к автономии (*я не хочу никому повиноваться и чтобы мне никто не приказывал*).

Агрессивные дети в основном выражают желание занять «престижное» профессиональное и социальное положение (*хочу быть адвокатом; хочу быть чемпионом*). Это показывает, что агрессивные дети не только слабо осознают свои качества, но и число осознаваемых сторон личности у них оказывается ограниченным.

Таким образом, мотивационная сфера агрессивных детей характеризуется рядом особенностей: бедностью и узостью мотивов, преобладанием личных, эгоистических мотивов, потребительским отношением к окружающим. Стремление обладать сочетается у них с отсутствием желания самим что-то дать, желание получать от других что-либо – с отсутствием интереса к проблемам других людей. Дети слабо осознают отдельные аспекты своей личности, мотивация саморазвития вообще отсутствует, т.е. дети хотят получить все сейчас и сразу, не прикладывая для этого никаких усилий.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ РЕЧИ

Проблема языка и речи является одной из основных и в психологии, и в когнитивной лингвистике. Однако психологические механизмы порождения и понимания речи все еще остаются нераскрытыми, что, на наш взгляд, связано с неопределенностью в определении сущности процессов мышления и сознания, которые непосредственно связаны с возникновением и языка, и речи [Корниенко, 2013].

Получение знаний об объектах, их свойствах и особенностях взаимосвязи человек, как известно, получает благодаря познавательным психическим процессам ощущения, восприятия и мышления. В результате этих процессов в психике человека возникают образы, содержание которых является субъективным отражением особенностей отражаемой ситуации действительности. Совокупность этих образов в когнитивной лингвистике принято называть «ментальной репрезентацией» действительности [Кубрякова, Демьянков, 2007].

На основе результатов отражения осуществляется регуляция поведения субъекта. При этом адекватность поведения субъекта, которое в отсутствии языка и речи можно назвать «невербальным поведением», будет определяться степенью соответствия содержания психики особенностям действительности. Очевидно, что в особенностях невербального поведения субъекта, так или иначе, будут проявляться особенности содержания его психики, его субъективных представлений о ситуации действительности и его субъективного понимания того, что, как и почему происходит в этой ситуации.

Эти проявления могут «считываться» другими субъектами и учитываться ими при регуляции собственного поведения. Однако считывание этих проявлений другими субъектами и понимание ими содержания психики субъекта, с которым они взаимодействуют, в силу субъективности процессов восприятия и мышления может быть неадекватным. Чтобы быть правильно понятым, одной демонстрации субъектом содержания своей психики в поведении явно недостаточно. Нужны другие механизмы передачи содержания психики и содержания своих мыслей. И вот здесь на передний план выходят процессы обозначения или «сигнификации», как их называл Л.С. Выготский.

С точки зрения психологических механизмов процесс обозначения – это процесс образования в психике связи между двумя образами, один из которых выполняет функцию знака, информационного эквивалента содержания другого образа. В образе, содержание которого обозначается и выражается в знаке, представлено определенное знания человека о действительности, которое нужно передать другому человеку. Наиболее эффективным средством передачи знаний является система знаков в форме слов. Слова и их семантические значения имеют социокультурное происхождение и культурно-историческую обусловленность.

В результате процессов обозначения в психике человека возникают две совокупности образов. С одной стороны, это образы, составляющие содержание ментальной репрезентации действительности, с другой стороны, это образы слов, составляющие содержание, так называемой, языковой репрезентации.

Совокупность ментальных и языковых репрезентаций образуют, так называемую, индивидуальную концептуальную систему [Павилёнис, 1983]. Она формируется в процессе воспитания и речевого развития субъекта и начинает выступать в качестве своеобразной когнитивной матрицы, определяющей характер и направленность когнитивных процессов, а также субъективную интерпретацию принятых в обществе значений слов.

Вступая во взаимодействие с другими людьми, субъект имеет возможность выражать содержание своих представлений о ситуации действительности в речевой форме, используя определенную последовательность слов. При этом в психике другого субъекта, обладающего своей индивидуальной концептуальной системой, слова, воспроизводимые в речи обращающегося к нему субъекта, отражаются благодаря процессам восприятия в форме соответствующих образов слов. Субъективное понимание значений слов, которое обуславливается индивидуальной концептуальной системой, приводит к появлению в его психике совокупности образов, выступающей для него как его субъективное представление, как его мысль о том, что выражается в речи.

Возможность визуализации содержания речевого высказывания и появления соответствующего образа того, о чем говорится в речи, характеризует сущность и психологический механизм понимания речи. При этом в силу субъективного характера процессов психического отражения действительности и своеобразия концептуальных систем субъектов, понимание субъектом того, что он говорит, и понимание другим субъектом того, что ему говорят, могут не совпадать. Чтобы согласовать свои понимания и добиться взаимопонимания, субъекты должны обмениваться речевыми высказываниями и вырабатывать единую систему семантических значений слов, используемых в своих высказываниях. Собственно для согласования субъективных представлений о действительности и возникает в человеческом обществе язык и механизмы порождения и понимания речи.

Цитируемая литература

Корниенко А.Ф. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3. – С. 5-15.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. – М. : Ин-т языкознания; Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2007. – № 4. – С. 8-16.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

РАЗВИТИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Проблема активизации познавательных процессов детей на всех этапах развития образования была одной из наиболее актуальных, так как развитость познавательных процессов является необходимым условием формирования умственных, интеллектуальных, личностных качеств ребенка. Потребность развития и способность удовлетворять ее посредством учения, в форме игры характеризует дошкольника, являющегося субъектом обучения.

Развитие познавательных процессов рассматривалось в различных трудах психологов. Л.С. Выготский (2014), П.Я. Гальперин (1999), Ж.Ж. Пиаже (2012), определяли активность познавательных процессов как естественное стремление детей к познанию. Современные психологические исследователи изучали особенности познавательных процессов и способы активизации мышления у дошкольников: Е.Н. Камышанченко (2012), В.И. Лозовая (2000), А.К. Маркова (2010), Н.Я. Семаго (2011), Л.Д. Столярова (2014), Г.И. Щукина (2009) и другие.

Дошкольный возраст – один из благоприятных периодов для развития психических познавательных процессов. Сложно отрицать огромную роль данного возрастного отрезка в формировании, развитии и совершенствовании познавательных процессов – восприятия, памяти, внимания; формирование высших психических функций – речи, овладение знаковой системой, счетом, что позволяет ребенку дошкольного возраста производить ряд мыслительных операций.

Мышление – это процесс познания, который связан с открытием субъективно нового знания, с творческим преобразованием действительности. Поэтому в психологии мышление рассматривается и изучается как психический процесс и как процесс решения задач. Мышление включено во все виды деятельности ребенка: познание, общение, игру, и связано со всеми личностными особенностями: мотивацией, эмоциями, волей, способностями. Как психический процесс совершается в умственных, мыслительных действиях и операциях.

В настоящее время исследованием мышления заняты представители разных наук: психологии, биологии, педагогики. В каждой из этих наук существуют свои вопросы, в силу которых они обращаются к проблемам мышления, своя система понятий и, соответственно, свои теории мышления. Но все эти науки, вместе взятые, расширяют наши знания о мышлении человека, взаимно дополняют друг друга, позволяют глубже заглянуть в это, одно из самых важных и загадочных явлений человеческой психологии.

Проблема развития мышления дошкольников находится сегодня в центре внимания многих исследователей и практиков, работающих в сфере создания методических пособий, направленных на развитие наглядно-действенного, наглядно-образного и словесно-логического мышления. Так же специальной направленности: математического, конструктивного, музыкального, изобразительного плана мышления.

При всем многообразии тематик можно выделить две основные тенденции, характеризующие теоретическое развитие проблемы развития мышления дошкольников и ее выход в практику. Первая связана с исследованиями отдельных мыслительных процессов и внедрением в систему дошкольного образования специальных тренинговых программ развития. Вторая – с интеграцией отдельных видов способностей в подсистеме: умственные способности, художественные, эстетические, творческие, и разработкой комплексных методов их развития. Соответственно, различается и практическая реализация этих подходов.

Мышление тесно связано с речью ребенка дошкольника. Речь в дошкольном возрасте становится более свободной, произвольной, увеличивается словарный запас, становятся доступными обобщение и абстракция. Поскольку в этом возрасте происходит активное развитие всех этих функций, то со стороны взрослых ребенку требуется непосредственная помощь в становлении мыслительных процессов.

Изменения в мышлении дошкольника, прежде всего, связаны с тем, что устанавливаются все более тесные взаимосвязи мышления с речью. Такие взаимосвязи приводят, во-первых, к появлению развернутого мыслительного процесса – рассуждения, во-вторых, к перестройке взаимоотношений практической и умственной деятельности, когда речь начинает выполнять планирующую функцию, в-третьих, к бурному развитию мыслительных операций.

Обучение, в игровой форме включает не только усвоение системы знаний, образование интеллектуальных навыков, но также развитие операций мышления. Главной причиной затруднений в овладении дошкольником знаниями является неразвитость процессов мышления, неподготовленность к постановке и решению новых проблем, пониманию материала, выражению собственной мысли.

Для того чтобы способствовать успешному усвоению учебного материала, необходимо достичь на предшествующем этапе дошкольного развития системы познавательных процессов, обеспечивающих возможность успешного усвоения знаний.

Одним из аспектов актуальности на сегодняшний день изучения и исследования вопроса о мыслительных процессах в дошкольном возрасте заключается в создании правильных условий, необходимых для их активного развития у детей.

Программа исследования строится на методологических принципах деятельного подхода. Изучение психических явлений в контексте деятельности предполагает рассмотрение их регулирующих функций в ведущей деятельности – игры, с учетом возрастного этапа развития.

Целью экспериментальной работы является выявление уровня развития мыслительных процессов детей дошкольного возраста, и осуществление способов развития познания у данной категории детей.

В соответствии с целью работы выдвигаются следующие **задачи**:

– анализ психолого-педагогической литературы, посвященной изучению мыслительных процессов детей дошкольного возраста;

- выявление уровня функционирования видов и процесса мышления;
- реализация коррекционно-развивающей программы по развитию мыслительных процессов дошкольников;
- проведение итогового среза для прослеживания динамики изменения познавательных процессов у дошкольников.

Предметом исследования являются мыслительные процессы дошкольника, в процессе игровой деятельности и общения.

Объект исследования – воспитанники старшего дошкольного возраста, в процессе игровой и учебной деятельности.

Гипотезой данной работы стало предположение: в старшем дошкольном возрасте у детей уровень развития процессов мышления синтеза, более ярко выражен и взаимосвязан с высоким уровнем развития наглядно-действенного мышления. Компоненты мышления: обобщение, выделение существенных признаков развиты на среднем уровне, на уровне ниже среднего и низком; способность к установлению логических связей характеризуется низким и средним показателем сформированности. Уровень владения знаниями об окружающем мире обозначается как выше среднего и средний. Развитие вербально-логического мышления характеризуется высоким и средним уровнем по отношению к показателям, характерным для данной возрастной группы.

В исследовательской работе применялись следующие методы:

1. Теоретический анализ психолого-педагогической литературы.
2. Метод наблюдения и экспертных оценок.
3. Анкетные методы:
  - а) методика «Исключение слов» для оценки вербально-логического мышления (Белопольская Н.Л.);
  - б) методика для определения уровня умственного развития (Э.Ф. Замбицвичене);
  - в) тест творческого мышления (Ф.Вильямса);
  - г) методика оценки интеллекта (Дж. Гилфорда).

Базой исследования являлся МДОУ детский сад №10.

В исследовании принимали участие дети старшего дошкольного возраста, общее количество испытуемых – 40 человек в возрасте от пяти до семи лет, из которых 26 девочек и 14 мальчиков

На первом этапе исследования проводился анализ психолого-педагогической литературы. Отбирались объективно-психологические параметры развитости процессов мышления в старшем дошкольном возрасте и отработывалась процедура наблюдений за показателями функционирования познавательных процессов в различных видах деятельности.

На втором этапе проводилась диагностическая работа с использованием анкетных психологических методик.

На третьем этапе данные анализировались, подвергались математической обработке. Этап завершился коррекционно-развивающей работой, по окончании которой был проведен контрольный срез для выявления динамики развития процессов мышления и яркой выраженности словесно-логического мышления.

Для наблюдения были выбраны жизненные проявления активности мыслительных процессов в объективных результатах игровой деятельности.

Экспертами являлись воспитатели, родители, психологи, работающие с детьми. Их оценки были приняты, как экспертные. Наблюдения проводились на занятиях, прогулке, в процессе игровой деятельности, в процессе выполнения игрового задания. Фиксировались следующие проявления познавательной активности: поднятие руки на занятии, правильность ответов на вопрос воспитателя, дополнительные вопросы детей, задаваемые ребенком, время выполнения задания, отвлекаемость при выполнении задания, правильные (неправильные) ответы.

Воспитателями была предоставлена информация об активности детей на занятиях. Заходя в группу, дети включаются в учебный процесс охотно, проявляют интерес к познавательному материалу. Для ответа на поставленный вопрос руки поднимают редко, ответы в 70 % правильные, в 30% не верные, дети отвлекаются на посторонние предметы, зачастую не понимая или не слыша вопроса педагога. Две девочки – Аня С. и Наташа М. – периодически проявляют активность, поднимают руки, часто выкрикивают ответы с места, их поведение вызвано больше соревновательным характером, чем познавательной активностью, ответы в основном верные.

Одним из представителей экспертов была логопед. По ее словам, большинство детей не умеют читать, остальные знают буквы и только один ребенок читает по слогам. Поэтому задания выполняются медленно. Домашняя работа на прочтение и элементарный пересказ обычно выполняются лишь 10% детей. Семь детей не произносят ряд звуков, медлительны при решении мыслительных задач, задание на синтезирование, собирание пазлов выполняют частично.

Данные, полученные физкультурным руководителем, систематически наблюдавшим за поведением детей на физкультурных занятиях, говорят об активности ребят, желании заниматься физической деятельностью. Дети с интересом включаются в спортивные игры. В зимнее время года воспитанники с удовольствием ходят гулять. По наблюдениям воспитателя, дети с неохотой делают физическую зарядку, выполняют такие нормативы, как бег, прыжки. Всем детям больше нравится проводить занятия в игре, где не требуется произвольности и где нет оценок по определенным критериям.

Воспитателями было проведено наблюдение за детьми во время дневной активности. В основном дети физически активны, включены в игровую деятельность. Исключением являются четыре девочки – Аня Б., Настя С., Лиза Д. и Маша Р., они держатся группами по двое, редко участвуют в общих играх. Дети с неохотой идут на занятия, иногда приходится напоминать о начале занятия по несколько раз, чтобы дети переключились на занятие и успокоились.

Во время проведения исследований по выявлению уровня развития мышления детей младшего дошкольного возраста, в кабинете находился психолог детского сада, которая наблюдала за выполнением экспериментальной деятельности и за поведением детей. Ею было отмечено, что при выполнении заданий, дети отвлекались, вставали с места, старались посмотреть работу друг у друга. Ребята переживали не за неуспех в работе, а за то, что «будут хуже других».

Ирина Н., выполняя задания самостоятельно, начала плакать, увидев, что ребята смотрят. Успокоившись, она объяснила, что выполняет задания сама. Несколько детей, еще не начав выполнять предложенные задания, отказались, аргументируя, что не понимают принципа их выполнения, и не согласились на повторное прослушивание объяснения.

Итак, изложенная выше информация, полученная с помощью метода наблюдения и экспертных оценок, дает возможность прийти к выводу, что большинство детей – 80% в учебной деятельности не проявляют активности и интереса, произвольность познавательных процессов находится на низком уровне, у детей вызывает интерес игра, но не учение. В ответах на задаваемые учителем вопросы, дети часто – в 70% допускают ошибки, большая часть детей – более 50% дают удовлетворительные ответы. Ведущим мотивом познавательной деятельности является похвала со стороны взрослых, личного интереса ребята не проявляют.

У 20% исследованных детей был диагностирован высокий уровень развития вербально-логического мышления, что говорит о том, что дети, при выполнении задания допустили минимальное количество ошибок, выполнив его за менее, чем за 250 сек. Показательным результатом данной группы детей стал результат Аня В., которая, внимательно выслушав инструкцию по выполнению, не отвлекаясь на посторонние предметы, выполнила задание, уложившись в 250 секунд. Девочка допустила три ошибки, не найдя связи между понятиями и вычеркнув неверный вариант.

Средний уровень вербально-логического мышления выявлен у 50% исследуемых, это означает, что данная группа детей выполнила задание в среднем с 4-5 ошибками за 250-330 секунд. Испытуемые в определенной мере умеют обобщать, находить общие признаки, но в выполнении задания допускают небольшой процент ошибок, что объясняется неумением видеть логическую связь между предметами и явлениями.

С помощью методики «Четвертый лишний» у 30% детей был диагностирован низкий уровень вербально-логического мышления, что говорит о неумении приводить аналогии, слабом умении обобщать. Ваня К., часто путаясь в понятиях и названиях предметов, не видя логической связи между ними, допустила большое количество ошибок, ей характерно незнание определения понятий, таких, как «иней», задавала вопросы: «из чего сделан сыр?», что говорит о низком уровне вербально-логического мышления и отсутствии должных знаний об окружающем мире.

Практическая значимость работы состоит в возможности последующего применения разработанной программы для детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в условиях ДОО воспитателями, педагогами и психологами учреждений с целью развития данного познавательного процесса.

Цитируемая литература

Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Учебное пособие. – С.-Пб.: Питер, 2008. – 399 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Учебное пособие. Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

Коноваленко С.В. Развитие познавательной деятельности у детей от 6 до 9 лет : Практикум для психологов и логопедов. – М.: ГНОМ и Д, 2010. – 56 с.

Пиаже Ж. Ж. Избранные психологические труды : Психология интеллекта. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.

Семаго Н.Я. Теория и практика оценки психического развития ребенка: дошкольный и младший школьный возраст / Н. Семаго, М. Семаго. Методическое руководство. – СПб. : Речь, 2005. – 373 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук А.В. Блохин (Орехово-Зуево)
avb6767@mail.ru

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ И СМС-КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Как известно, СМС-общение уже давно стало нормой современной жизни и продолжает существовать и развиваться. Лингвистические, в том числе графические, особенности СМС-коммуникаций изучены и описаны в трудах современных исследователей. Однако берестяные грамоты, в частности древне-новгородские и другие, приближаются к СМС-письмам и являются их своеобразным прототипом. При этом языковое сознание пишущего в XI-XV веках, с одной стороны, и в XXI веке – с другой, во многом совпадает и подчинено главному – суметь передать максимальный объем информации минимальными языковыми и графическими средствами. Для этой цели пишущий сообщение человек использует определенный набор языковых средств и экстралингвистических приемов, которые во многом совпадают в хронологическом плане. В качестве лингвистических особенностей СМС-коммуникации и новгородских берестяных грамот выступают следующие.

Если система правил орфографии в смс-общении не соблюдается, то в берестяных грамотах отклонения от нормативных книжных образцов обусловлены диалектно-просторечными фактами. Однако в смс-общении графическая форма некоторых слов, приближенная к звуковой и похожая на транскрипцию (например: «мона я приду к тебе?», «ну, чё?», «лана пока», «щас приду»), может носить как ситуативный характер, так и быть традиционной, общепринятой. В практике sms-общения и «берестяного рукописания» широко применяются графические сокращения: «позв пож», «напиши дом зад», «скоро прд» (приду), «прив» (привет), «спс, понял» (спасибо), «срч перезв» (срочно перезвони), – в древности, как известно, довольно часто применялись написания под титлом.

Отличительной особенностью синтаксиса коротких сообщений является отклонение от синтаксических норм книжно-литературного языка и приближенность фразы к лаконичной разговорной конструкции. Коммуникационные возможности переписки нормируются предельно допустимым объемом текста. В современных смс-письмах отклонение от синтаксических норм проявляется чаще всего в отсутствии или неверной расстановке знаков препинания («Привет как дела чё делаешь?»), а также в пропуске знаков препинания (что можно объяснить как невнимательностью коммуникантов, так и пренебрежением правилами). В этом случае нарушение норм не всегда является доказательством безграмотности автора, а является следствием непринужденности общения. Как известно, в берестяных грамотах отсутствовала система расстановки знаков препинания и роль регулятора сигнификативного аспекта выполняли внутри-

языковые особенности построения сообщений, то есть грамматический уровень предложения не допускал инотолкования смысла.

Часто зрительная информация в короткой переписке прошлого и настоящего замещается вставкой символов. В современной смс-коммуникации под символами подразумеваются картинки («улыбки», «сердечки» и проч.), которые можно вставлять в сообщение, а также традиционные сочетания графических знаков, используемые для выражения невербальных факторов. Самыми распространенными из них являются «улыбки», обычно обозначаемые «:)» или «:-)» (при этом возможны многочисленные варианты) и «кривые улыбки», говорящие об отрицательных эмоциях, например: «Ой.....классно))))))», «НАТА привет!!!!!!!!!!!!:))))))))))», «Ага))) только оденусь!» (количество скобок соответствует той или иной силе эмоции). Подобные символы отражают чувства, которые испытывает «реальный» пользователь с усиленной интенсивностью, чтобы компенсировать недостаток эмоциональной наполненности общения. Это свидетельствует также о реалоцентризме sms-общения, то есть о тенденции возмещать издержки общения. В древнем типе бытовых посланий тоже применялись общепринятые и распространенные символы, обозначавшие часто используемые понятия.

Сознательно или бессознательно у смс-автора актуализируются процессы линеаризации и свёртывания речи. Компрессия текста может происходить за счёт средств разных языковых уровней. Таким образом, в короткой переписке независимо от времени ее создания реализуется принцип выражения оптимального содержания при минимально достаточных условиях и способах его ретрансляции, то есть осознание выбора актуальной тематики диктует мышлению специфический набор языковых и знаково-графических средств для передачи соответствующей тематики адресату. Для этого применялся традиционный репертуар приемов независимо от времени создания послания.

*Докт. филол. наук Е.И. Голованова (Челябинск)
ligol@csu.ru*

РЕКУРРЕНТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Под профессиональным дискурсом в настоящем исследовании понимается вербально опосредованное взаимодействие специалистов в процессе осуществления профессиональной деятельности, с учетом комплекса норм, стереотипов мышления и поведения, сложившихся в рамках соответствующей социально-профессиональной общности.

Анализ профессионального дискурса и составляющих его единиц относится к числу перспективных направлений лингвистики и терминоведения. Профессиональная коммуникация характеризуется наличием надситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения. Главное отличие профессиональной коммуникации от других видов коммуникации состоит в том, что она изначально включена в контекст профессиональной деятельности [Голованова, 2007].

Рекуррентными языковыми единицами в коммуникативном пространстве профессии можно считать те лексико-фразеологические средства, которые являются частотными, регулярно воспроизводятся в речи как обозначения актуальных для данной среды концептов, понятий и стереотипов.

Исходя из такого понимания, в кругу рекуррентных единиц выделяются два класса, или разряда: единицы, отражающие профессиональные знания и представления (термины, профессионализмы, номенклатурные обозначения и проч.), и единицы, репрезентирующие коммуникативные установки, ценности, стереотипы, актуальные в данной среде (дискурсивные маркеры, речевые клише, пословицы, поговорки и другие устойчивые словесные комплексы [Скрипичникова, 2016]).

Особый интерес для нас представляет второй разряд рекуррентных единиц. Богатый эмпирический материал для их изучения содержит неформальный профессиональный дискурс, в рамках которого происходит концептуализация внутригрупповой системы отношений специалистов к разнообразным объектам и субъектам профессиональной деятельности.

Объединяющим началом здесь является решение проблем в рамках конкретной ситуации, в условиях микрогруппы. В подобных вербальных единицах важно не объективированное, а субъективированное знание. В них отражается то, что значимо в каждодневных, повторяющихся действиях и операциях, что приближено к личному миру человека, составляет круг его ближайших, повседневных концептов.

Так, например, в речи дизайнеров используется выражение *играть со шрифтами* ('создавать или подбирать шрифт'), в котором репрезентированы актуальные для данной среды смыслы «удовольствие» и «творчество».

Учителя и преподаватели средних и высших учебных заведений, деятельность которых предполагает проверку письменных работ, употребляют оборот *глаз замылился* ('профессиональное внимание ослаблено'), где эксплицитно выражается практическая значимость зрительного восприятия, тесно связанного с вниманием.

Для многих специалистов в профессиональном объекте, на который направлена их деятельность, с которым они взаимодействует, важна его **готовность функционировать**. К примеру, в коммуникации риелторов используется ряд выражений, характеризующих состояние квартир (продаваемых или сдаваемых в аренду): *заходи и живи* – «квартира в хорошем состоянии»; *жилое состояние* – «нормальная квартира, можно жить», *убитая квартира* – «квартира под капитальный ремонт» [Из сленга риэлторов].

Для типографских работников указанная характеристика значима при оценке шрифта, например: *убитый шрифт* 'утративший свои свойства, не различимый для глаз'. Диспетчеры на железной дороге ценят планомерную работу транспорта, что подчеркнуто в выражении *убить поезд* 'нарушить график работы поезда'.

Водители обращают внимание на качество транспортного средства, в их речи рекуррентным является обозначение *ведро с болтами* (негативная характеристика «видавшего виды» автомобиля, троллейбуса и проч.). В данном слу-

чае актуализированы смыслы «движение» и «восприятие работы транспортного средства на слух».

Сотрудники правоохранительных органов употребляют выражение *пробить по базе* – получить или проверить при помощи ИСУБД конфиденциальную информацию о чем-либо семейном положении, финансовом состоянии, предпринимательской деятельности, кредитной истории, наличии судимостей и т.д. В данном случае актуализирован смысл «совершать активное физическое действие, предполагающее осязаемый результат».

Результативность репрезентирована также в выражениях, включающих жаргонизм *палка* ‘раскрытое преступление’: *завалить палками* ‘дать много раскрытий по уголовным делам’, *срубить палку* ‘раскрыть преступление’, *рубка палок* ‘массовое возбуждение легко раскрываемых дел’ [Скрипичникова, 2016].

Таким образом, исследование рекуррентных языковых единиц в профессиональном дискурсе позволяет выявлять наиболее актуальные для данной среды смыслы и более точно интерпретировать процессы познания, концептуализации и категоризации действительности, отраженные в языке.

Цитируемая литература

Голованова, Е.И. Теория профессиональной коммуникации в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания // Языки профессиональной коммуникации: сб. статей. – Челябинск: Энциклопедия, 2007. – С. 31–34.

Из сленга риэлторов [Электронный ресурс]. – URL: realty.dmir.ru/blogs/1980/.

Скрипичникова, Н.С. Устойчивые словесные комплексы в устной профессиональной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Скрипичникова Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2016. – 23 с.

Канд. филол. наук И.И.Зорина (Ульяновск)
tukaevy@yandex.ru

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ.

Русские народные сказки всегда представляли интерес для лингвистов, являясь надёжным источником информации на всех уровнях языка. В настоящей статье прямая речь персонажей русских народных сказок используется в качестве материала для фоносемантического анализа.

Такой выбор материала исследования обусловлен тем фактом, что народные сказки о животных по мнению В.Я. Проппа являются древнейшими среди сказок [Пропп, 1957]. Они складывались во времена поклонения тотемным животным, среди которых были такие животные, как *Волк* и *Лиса*, а следовательно, народные сказки о животных содержат информацию об исконных взглядах русского народа.

Именно сказки с участием персонажей *Волк* и *Лиса* составляют бóльшую часть русских народных сказок о животных. Данный факт может быть следствием того, что *Волк* некогда был тотемным животным русского народа. Глав-

ным противником *Волка* всегда была *Лиса*, что и наблюдается в сюжетах сказок.

Конфликтный характер отношений данных героев подтверждается также такой областью знаний, как соционика. Персонаж *Волк* чаще всего выступает в роли социотипа *Дон Кихот*, конфликтёром которого является социотип *Драйзер*. Персонаж *Лиса* выступает в большинстве случаев именно в данной роли.

Принято думать, что фонетическим единицам не свойственна наполненность значением. Однако, согласно исследованиям Александра Павловича Журавлёва каждая звукобуква может быть описана набором оценочных признаков [Журавлёв, 1974; Журавлёв 1991]. Совокупность этих признаков и составляет символическое фонетическое значение звукобуквы.

Предметом настоящего исследования является фоносемантическая характеристика речи персонажей народных сказок о животных. Фоносемантический анализ проводился в соответствии с методикой А.П. Журавлёва.

Фоносемантический анализ заключается в изучении звукобуквенного состава текста и определении значимости данного текста по той или иной шкале. В настоящей статье анализ прямой речи персонажей изучается по всем двадцати пяти шкалам, выделенным А.П. Журавлёвым.

В качестве основного источника использовался сборник сказок А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки», а именно семь вариантов сказки «Лисичка-сестричка и волк». Была вычислена частотность звукобукв в речи *Волка* и *Лисы* в данных текстах.

Поскольку ударные гласные имеют в два раза больший вес, то в соответствии с методикой А.В. Журавлёва, ударные гласные были удвоены.

Для дальнейшего анализа были использованы данные о нормальной частотности звукобукв в речи. Эти показатели принимались как норма при сравнении частотности каждой звукобуквы и нахождении её отклонений от этой нормы в сигмах σ . Важно помнить, что нормальные частотности подвержены колебаниям, размах которых вычисляется по законам теории вероятностей. Единицей измерения размаха колебаний принимается величина σ («сигма»), которая вычисляется по формуле $\sigma = \sqrt{P_n * (1 - P_n) / N}$ [Журавлёв, 1974, с. 102], где P_n – нормальная частотность, а N – число всех звукобукв в сказках.

В расчёт берутся звукобуквы, отклонение от нормы которых превышает $\pm 1 \sigma$. Если отклонение от нормы оказывается меньше $\pm 1 \sigma$, то частотность данной звукобуквы находится в пределах допустимой погрешности. Если же отклонение от нормы превышает $\pm 1 \sigma$, делаем вывод, что отклонение является случайным.

Следующим шагом исследования был анализ прямой речи персонажей по шкалам значений. А.П. Журавлёв выделяет 3 группы признаков: группа оценки, группа силы, группа подвижности. В совокупности эти три шкалы содержат 25 шкал: *хороший – плохой, большой – маленький, нежный – грубый, женственный – мужественный, светлый – тёмный, активный – пассивный, простой – сложный, сильный – слабый, горячий – холодный, быстрый – медленный, красивый – отталкивающий, гладкий – шероховатый, лёгкий – тяжёлый, весёлый*

– грустный, безопасный – страшный, величественный – низменный, яркий – тусклый, округлый – угловатый, радостный – печальный, громкий – тихий, длинный – короткий, храбрый – трусливый, добрый – злой, могучий – хилый, подвижный – медлительный [Журавлёв, 1974, с. 46-49].

По каждой из шкал звукобуква характеризуется различными показателями. Данные показатели были определены А.П. Журавлёвым и его коллегами в ходе опроса реципиентов. Отвечающие должны были оценить произносимый звук по шкале от 1 до 5, где 1 – самый хороший, а 5 – самый плохой, 1 – самый большой, а 5 – самый маленький и т.д. Число 3 при этом принималось за нулевую точку, а зона нейтральности находилась на отрезке от 2,5 до 3,5. Как предписано автором методики, звукобуквы, характеризующиеся нейтральными показателями, в дальнейшем анализе не учитываются.

Затем отклонение частотности каждой звукобуквы в сигмах умножалось на показатель отклонения значимости данной звукобуквы. Полученный результат показывал вклад каждой звукобуквы в общий фон речи данного персонажа.

В ходе исследования были составлены таблицы, в которых отражены все этапы вычисления.

Первый столбец каждой таблицы – это перечисление всех звукобукв (в алфавитном порядке). В их число входят ударные и безударные гласные, а также твёрдые и мягкие согласные. Во втором столбце указывается нормальная частотность для каждой звукобуквы в разговорной речи. В третьем столбце указывается частотность звукобукв в анализируемых сказках, которая вычисляется делением количества данной звукобуквы на общее число всех звукобукв в анализируемых сказках.

В четвёртом столбце таблицы указана σ для каждой звукобуквы. В пятом столбце даны результаты компьютерных подсчётов, показывающие на сколько σ и в какую сторону отклоняется частотность звукобукв от нормальной в сказках. В шестом – указана величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы (от 3,0).

В Таблице 1 отображены результаты анализа речи *Волка* по шкале *добрый – злой*.

Таблица 1

Звуко- бу- квы	Нор- мальная частот- ность зву- кобукв (%)	Частот- ность звуко- букв в сказках	σ	Величина от- клонений ча- стотностей звукобукв от нормы	Величина откло- нений значимо- сти звукобукв от нейтральной точ- ки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуко- вой тон сказ- ки
а	0,049	0,031	0,005	-4,063	1,8	-7,313
á	0,046	0,106	0,004	13,678	1,8	24,620
б	0,013	0,011	0,002	-0,867		0,000
б'	0,005	0,009	0,001	2,545		0,000
в	0,028	0,011	0,003	-4,814		0,000
в'	0,011	0,007	0,002	-1,830		0,000
г	0,012	0,012	0,002	0,114		0,000

Г'	0,003	0,000	0,001	-2,239		0,000
Д	0,020	0,018	0,003	-0,699		0,000
Д'	0,017	0,013	0,003	-1,591	1,6	-2,545
е	0,050	0,028	0,005	-4,916		0,000
é	0,039	0,053	0,004	3,342		0,000
ë	0,017	0,012	0,003	-1,816	0,8	-1,453
Ж	0,008	0,006	0,002	-1,238	-1,1	1,362
з	0,013	0,008	0,002	-1,975	-0,7	1,383
з'	0,002	0,004	0,001	2,030		0,000
И	0,041	0,018	0,004	-5,555	0,6	-3,333
ú	0,015	0,077	0,003	24,399	0,6	14,640
Й	0,013	0,005	0,002	-3,453		0,000
К	0,030	0,057	0,004	7,664		0,000
К'	0,003	0,001	0,001	-1,474		0,000
Л	0,020	0,019	0,003	-0,401		0,000
Л'	0,017	0,017	0,003	0,028		0,000
М	0,025	0,032	0,003	2,265		0,000
М'	0,007	0,005	0,002	-1,252	1,1	-1,377
Н	0,040	0,015	0,004	-6,018		0,000
Н'	0,024	0,017	0,003	-2,299	0,9	-2,069
о	0,067	0,039	0,005	-5,275		0,000
ó	0,037	0,065	0,004	7,038		0,000
П	0,020	0,017	0,003	-0,998		0,000
П'	0,006	0,002	0,002	-2,629	0,8	-2,103
р	0,024	0,009	0,003	-4,623	-1	4,623
р'	0,014	0,009	0,002	-2,133		0,000
с	0,032	0,023	0,004	-2,388	-0,9	2,149
с'	0,017	0,015	0,003	-0,781		0,000
Т	0,055	0,047	0,005	-1,709		0,000
Т'	0,020	0,010	0,003	-3,539		0,000
У	0,017	0,030	0,003	4,722		0,000
ú	0,012	0,041	0,002	12,797		0,000
Ф	0,002	0,000	0,001	-2,139	-0,8	1,712
Ф'	0,001	0,000	0,001	-1,512		0,000
Х	0,008	0,005	0,002	-1,708		0,000
Х'	0,001	0,000	0,001	-1,512		0,000
Ц	0,004	0,001	0,001	-2,366	-0,6	1,419
Ч	0,020	0,019	0,003	-0,251		0,000
Ш	0,012	0,013	0,002	0,498		0,000
Щ	0,003	0,005	0,001	1,970		0,000
Ы	0,010	0,002	0,002	-3,752		0,000
Ы'	0,006	0,025	0,002	12,002		0,000
Э	0,004	0,000	0,001	-3,029		0,000

ó	0,001	0,002	0,001	1,136		0,000
ю	0,004	0,002	0,001	-1,371	0,8	-1,097
ю́	0,002	0,002	0,001	-0,266		0,000
я	0,013	0,004	0,002	-4,007	0,6	-2,404
я́	0,011	0,021	0,002	4,589	0,6	2,754
		1,000				
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						30,966

Данные Таблицы 2 отображают анализ речи *Лисы* по шкале *добрый – злой*.

Таблица 2

Звуко-буквы	Нормальная частотность звукобукв (%)	Частотность звукобукв в сказках	σ	Величина отклонений частотностей звукобукв от нормы	Величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звуко-буквы в общий звуковой тон сказки
а	0,049	0,024	0,003	-8,740	1	-8,740
á	0,046	0,078	0,003	11,606	1	11,606
б	0,013	0,010	0,001	-2,239		0,000
б'	0,005	0,010	0,001	4,971		0,000
в	0,028	0,027	0,002	-0,619		0,000
в'	0,011	0,008	0,001	-2,379		0,000
г	0,012	0,012	0,001	-0,298		0,000
г'	0,003	0,000	0,001	-3,901		0,000
д	0,020	0,013	0,002	-3,696		0,000
д'	0,017	0,009	0,002	-4,503	1,6	-7,206
е	0,050	0,035	0,003	-5,055		0,000
é	0,039	0,045	0,003	2,157		0,000
ё	0,017	0,028	0,002	6,251	0,8	5,001
ж	0,008	0,005	0,001	-2,472	-1,1	2,719
з	0,013	0,011	0,001	-1,070	-0,7	0,749
з'	0,002	0,002	0,001	0,472		0,000
и	0,041	0,023	0,003	-6,935	0,6	-4,161
ú	0,015	0,060	0,002	27,934	0,6	16,760
й	0,013	0,006	0,001	-4,693		0,000
к	0,030	0,049	0,002	8,451		0,000
к'	0,003	0,002	0,001	-0,753		0,000
л	0,020	0,020	0,002	0,182		0,000
л'	0,017	0,011	0,002	-3,479	1,1	-3,827
м	0,025	0,023	0,002	-1,069		0,000
м'	0,007	0,009	0,001	1,441	1,1	1,585
н	0,040	0,015	0,003	-9,470		0,000
н'	0,024	0,027	0,002	1,307	0,9	1,176
о	0,067	0,046	0,003	-6,364		0,000

ó	0,037	0,069	0,002	12,833		0,000
п	0,020	0,025	0,002	2,451		0,000
п'	0,006	0,004	0,001	-1,581	0,8	-1,265
р	0,024	0,017	0,002	-3,625	-1	3,625
р'	0,014	0,010	0,002	-2,688		0,000
с	0,032	0,027	0,002	-2,297	-0,9	2,067
с'	0,017	0,020	0,002	1,949		0,000
т	0,055	0,034	0,003	-6,953		0,000
т'	0,020	0,019	0,002	-0,480		0,000
у	0,017	0,030	0,002	7,583		0,000
ú	0,012	0,029	0,001	12,106		0,000
ф	0,002	0,000	0,001	-3,381	-0,8	2,705
ф'	0,002	0,000	0,001	-3,381		0,000
х	0,008	0,007	0,001	-0,837		0,000
х'	0,001	0,000	0,000	-1,971		0,000
ц	0,004	0,001	0,001	-3,318	-0,6	1,991
ч	0,020	0,020	0,002	-0,008		0,000
ш	0,012	0,011	0,001	-0,662		0,000
щ	0,003	0,001	0,001	-3,174		0,000
ы	0,010	0,006	0,001	-3,066		0,000
ы́	0,006	0,017	0,001	10,592		0,000
э	0,004	0,000	0,001	-4,786		0,000
э́	0,001	0,003	0,000	4,313		0,000
ю	0,004	0,004	0,001	0,458		0,000
ю́	0,002	0,006	0,001	7,288	0,8	5,831
я	0,013	0,004	0,001	-5,745	0,6	-3,447
я́	0,011	0,028	0,001	12,092	0,6	7,255
		1,000				
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						34,422

В Таблице 3 представлены результаты анализа речи *Волка* по шкале *храбрый – трусливый*.

Таблица 3

Звуко-бу-квы	Нормаль-ная частот-ность звуко-букв (%)	Частот-ность звуко-букв в сказках	σ	Величина от-клонений ча-стотностей звукобукв от нормы	Величина откло-нений значимо-сти звукобукв от нейтральной точ-ки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуко-вой тон сказ-ки
а	0,049	0,031	0,005	-4,063	1,2	-4,876
á	0,046	0,106	0,004	13,678	1,2	16,413
б	0,013	0,011	0,002	-0,867		0,000
б'	0,005	0,009	0,001	2,545		0,000
в	0,028	0,011	0,003	-4,814		0,000

В'	0,011	0,007	0,002	-1,830	-0,6	1,098
Г	0,012	0,012	0,002	0,114		0,000
Г'	0,003	0,000	0,001	-2,239		0,000
Д	0,020	0,018	0,003	-0,699		0,000
Д'	0,017	0,013	0,003	-1,591		0,000
е	0,050	0,028	0,005	-4,916	0,8	-3,932
é	0,039	0,053	0,004	3,342	0,8	2,674
ë	0,017	0,012	0,003	-1,816	0,6	-1,090
Ж	0,008	0,006	0,002	-1,238	1,1	-1,362
з	0,013	0,008	0,002	-1,975		0,000
з'	0,002	0,004	0,001	2,030		0,000
И	0,041	0,018	0,004	-5,555		0,000
í	0,015	0,077	0,003	24,399		0,000
Й	0,013	0,005	0,002	-3,453		0,000
К	0,030	0,057	0,004	7,664		0,000
К'	0,003	0,001	0,001	-1,474	-0,7	1,032
Л	0,020	0,019	0,003	-0,401		0,000
Л'	0,017	0,017	0,003	0,028		0,000
М	0,025	0,032	0,003	2,265		0,000
М'	0,007	0,005	0,002	-1,252		0,000
Н	0,040	0,015	0,004	-6,018		0,000
Н'	0,024	0,017	0,003	-2,299		0,000
о	0,067	0,039	0,005	-5,275	1,2	-6,330
ó	0,037	0,065	0,004	7,038	1,2	8,446
П	0,020	0,017	0,003	-0,998		0,000
П'	0,006	0,002	0,002	-2,629	-1,1	2,892
р	0,024	0,009	0,003	-4,623	1,6	-7,397
р'	0,014	0,009	0,002	-2,133		0,000
с	0,032	0,023	0,004	-2,388	-1	2,388
с'	0,017	0,015	0,003	-0,781		0,000
Т	0,055	0,047	0,005	-1,709		0,000
Т'	0,020	0,010	0,003	-3,539	-1	3,539
у	0,017	0,030	0,003	4,722	0,7	3,305
ý	0,012	0,041	0,002	12,797	0,7	8,958
Ф	0,002	0,000	0,001	-2,139		0,000
Ф'	0,001	0,000	0,001	-1,512	-1,2	1,814
Х	0,008	0,005	0,002	-1,708		0,000
Х'	0,001	0,000	0,001	-1,512	-1,4	2,117
Ц	0,004	0,001	0,001	-2,366	-0,7	1,656
Ч	0,020	0,019	0,003	-0,251		0,000
Ш	0,012	0,013	0,002	0,498		0,000
Щ	0,003	0,005	0,001	1,970	-1,1	-2,167
Ы	0,010	0,002	0,002	-3,752		0,000

Ы	0,006	0,025	0,002	12,002		0,000
Э	0,004	0,000	0,001	-3,029	0,8	-2,423
Э́	0,001	0,002	0,001	1,136	0,8	0,909
Ю	0,004	0,002	0,001	-1,371		0,000
Ю́	0,002	0,002	0,001	-0,266		0,000
Я	0,013	0,004	0,002	-4,007	1,4	-5,610
Я́	0,011	0,021	0,002	4,589	1,4	6,425
		1,000				28,481
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						28,481

Результаты анализа речи *Лисы* по шкале *храбрый – трусливый* отображены в Таблице 4.

Таблица 4

Звуко-бу-квы	Нормаль-ная частот-ность звуко-букв (%)	Частот-ность звуко-букв в сказках	σ	Величина от-клонений ча-стотностей звукобукв от нормы	Величина откло-нений значимо-сти звукобукв от нейтральной точ-ки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуко-вой тон сказ-ки
а	0,049	0,024	0,003	-8,740	1,2	-10,488
á	0,046	0,078	0,003	11,606	1,8	20,890
б	0,013	0,010	0,001	-2,239	0,9	-2,015
б́	0,005	0,010	0,001	4,971		0,000
в	0,028	0,027	0,002	-0,619		0,000
в́	0,011	0,008	0,001	-2,379	-0,6	1,428
г	0,012	0,012	0,001	-0,298		0,000
ѓ	0,003	0,000	0,001	-3,901		0,000
д	0,020	0,013	0,002	-3,696	1	-3,696
д́	0,017	0,009	0,002	-4,503		0,000
е	0,050	0,035	0,003	-5,055	0,8	-4,044
é	0,039	0,045	0,003	2,157	0,8	1,726
ё	0,017	0,028	0,002	6,251	0,6	3,751
ж	0,008	0,005	0,001	-2,472	1,1	-2,719
з	0,013	0,011	0,001	-1,070		0,000
з́	0,002	0,002	0,001	0,472		0,000
и	0,041	0,023	0,003	-6,935		0,000
í	0,015	0,060	0,002	27,934		0,000
й	0,013	0,006	0,001	-4,693		0,000
к	0,030	0,049	0,002	8,451		0,000
ќ	0,003	0,002	0,001	-0,753		0,000
л	0,020	0,020	0,002	0,182		0,000
л́	0,017	0,011	0,002	-3,479		0,000
м	0,025	0,023	0,002	-1,069		0,000
м́	0,007	0,009	0,001	1,441		0,000

н	0,040	0,015	0,003	-9,470		0,000
н'	0,024	0,027	0,002	1,307		0,000
о	0,067	0,046	0,003	-6,364	1,2	-7,637
ó	0,037	0,069	0,002	12,833	1,2	15,400
п	0,020	0,025	0,002	2,451	-0,7	-1,716
п'	0,006	0,004	0,001	-1,581	-1,1	1,740
р	0,024	0,017	0,002	-3,625	1,6	-5,799
р'	0,014	0,010	0,002	-2,688		0,000
с	0,032	0,027	0,002	-2,297	-1	2,297
с'	0,017	0,020	0,002	1,949	-1,5	-2,924
т	0,055	0,034	0,003	-6,953		0,000
т'	0,020	0,019	0,002	-0,480		0,000
у	0,017	0,030	0,002	7,583	0,7	5,308
ú	0,012	0,029	0,001	12,106	0,7	8,474
ф	0,002	0,000	0,001	-3,381		0,000
ф'	0,002	0,000	0,001	-3,381	-1,2	4,057
х	0,008	0,007	0,001	-0,837		0,000
х'	0,001	0,000	0,000	-1,971	-1,4	2,759
ц	0,004	0,001	0,001	-3,318	-0,7	2,322
ч	0,020	0,020	0,002	-0,008		0,000
ш	0,012	0,011	0,001	-0,662		0,000
щ	0,003	0,001	0,001	-3,174	-1,1	3,492
ы	0,010	0,006	0,001	-3,066		0,000
Ы	0,006	0,017	0,001	10,592		0,000
э	0,004	0,000	0,001	-4,786	0,8	-3,829
э́	0,001	0,003	0,000	4,313	0,8	-1,375
ю	0,004	0,004	0,001	0,458		0,000
Ю	0,002	0,006	0,001	7,288		0,000
я	0,013	0,004	0,001	-5,745	1,4	-8,044
Я́	0,011	0,028	0,001	12,092	1,4	16,929
		1,000				
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						36,286

Расшифровка показателей заключается в следующем: чем больше значение суммарного показателя отклоняется от нуля в сторону того или иного показателя, тем больше речи данного персонажа свойственна эта характеристика. В шкале *добрый – злой* речь персонажа будет восприниматься как более *злая*, если суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи находится в отрицательных значениях; если показатель суммарного значения положительный, то речь воспринимается, как *более добрая*.

Формат статьи не позволяет предоставить таблицы с подсчётами по всем шкалам, поэтому приведём лишь итоговую сравнительную таблицу с показате-

лями по всем шкалам (существенность расхождений устанавливается в 1,5 раза и выше).

Таблица 5

№	Признаки	Волк	Лиса	Существенные различия
1	Хороший – плохой	34,974	53,578	1,53
2	Большой – маленький	40,658	48,134	
3	Нежный – грубый	13,352	46,212	3,46
4	Женственный – мужественный	23,981	20,424	
5	Светлый – тёмный	16,156	33,665	2,08
6	Активный – пассивный	-7,386	-4,934	1,50
7	Простой – сложный	46,103	96,891	2,10
8	Сильный – слабый	-6,969	-8,239	
9	Горячий – холодный	-24,373	-26,016	
10	Быстрый – медленный	-42,905	-55,206	
11	Красивый – отталкивающий	25,047	50,622	2,02
12	Гладкий – шероховатый	67,868	81,56	
13	Лёгкий – тяжёлый	44,471	65,494	
14	Весёлый – грустный	-12,634	-6,963	1,81
15	Безопасный – страшный	3,862	27,909	7,23
16	Величественный – низменный	-6,364	7,816	
17	Яркий – тусклый	-1,197	-3,118	2,60
18	Округлый – угловатый	4,634	10,930	2,36
19	Радостный – печальный	1,688	2,751	1,63
20	Громкий – тихий	38,880	43,325	
21	Длинный – короткий	64,654	59,299	
22	Храбрый – трусливый	28,481	36,286	
23	Добрый – злой	30,966	34,422	
24	Могучий – хилый	-8,031	-18,777	2,34
25	Подвижный – медлительный	-23,908	-26,116	

Фоносемантический анализ звукобуквенного состава речи персонажей показал, что речи *Волка*, в сравнении с показателями речи *Лисы*, в большей степени свойственны такие характеристики, как *пассивный, грустный, низменный*. Речь *Лисы* в большей степени, по сравнению с речью *Волка*, характеризуется такими признаками, как *хороший, нежный, женственный, светлый, простой, красивый, безопасный, величественный, округлый, радостный, хилый*.

Вероятней всего, в более положительной фоносемантической окраске речи *Лисы* сказалось то обстоятельство, что Лиса в русских народных сказках выступает в яркой манипулятивной сущности, как обманщица, и положительная фоносемантическая (звукосимволическая) окраска её речи служит одним из средств успешного проведения манипулятивного воздействия. Можно заключить, что характеристики речи персонажей *Волк* и *Лиса* в некоторой степени характеризуют и их экстралингвистические качества.

Литература:

Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: полное издание в одном томе. / А.Н. Афанасьев. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. 1087с.: ил.

Ермак, В.Д. Классическая соционика. Системная концепция теории информационного метаболизма психики / В.Д. Ермак. – М.: Чёрная белка, 2009. 472 с.

Журавлёв, А.П. Фонетическое значение. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. 159 с.

Журавлёв, А.П. Звук и смысл. Кн. для внеклас. чтения учащихся старших классов. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: Просвещение, 1991. 160 с: ил.

Крегер, О. Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живём, работаем и любим / Отто Крегер, Дженет Тьюсон / пер. с англ. Ю.Ю. Ступак. – М.: АСТ: Астрель, 2007. 348 с.

Пропп, В.Я. Предисловие / В.Я. Пропп // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1957. С. III-XVI.

Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. 413 с.

*Докт. лингвистики, информац. и коммуникативных наук Фр.Йеш
(Париж, Франция)*

francis.yaiche@parisdescartes.fr

РЕКЛАМНЫЕ РОЛИКИ /СПОТЫ/ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ.

Что позволяет реклама узнать нам о культуре Франции? Реклама – это не только отражение общества, это также дидактическое средство в том смысле, что она знакомит с жестикуляцией, особенностями поведения, привычками, занятиями людей, с новыми явлениями, помогает в защите общечеловеческих ценностей, здоровья нации, сообщает массу вещей, полезных для развития страны. В 50-е годы, например, реклама способствовала формированию у французов привычки соблюдать гигиену: использовать шампуни, мыло, зубную пасту для поддержания чистоты тела, зубов, позже – использовать крем, косметические средства. Точно так же они научились пользоваться стиральной машиной, холодильником (гигиена питания), морозильной камерой, говорить по телефону, позже – работать с компьютером, с мобильным телефоном и т.д.

В течение 20 секунд спот способен передать содержание конкретной истории, но также способен рассказать вещи, отражающие коллективное знание, историю. В эпоху постмодернизма, когда мы наблюдаем обрушение иерархий, когда публичные выступления, торжественные речи теряют смысл, а идеологические школы терпят крах, рекламные ролики иногда придают смысл этому миру...

На примере семиотического анализа рекламных роликов и рекламных серий мы докажем, что реклама может быть мощным средством проникновения в суть языка – культуры в процессе обучения иностранному языку.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОЙ ЦВЕТНОСТИ НА УРОВНЕ СЛОВА И ТЕКСТА

Целью данной статьи является рассмотрение суггестивных (воздействующих) текстов на башкирском и татарском языках. Были проанализированы молитвенные тексты, которые могут рассматриваться как наиболее сильно воздействующие на человека тексты. В исламе под словом молитва обычно подразумевают как ритуальную молитву (намаз), так и произвольную молитву (дуа), которую так же называют мольбой. Внутренней стороной намаза является мысленная концентрация на том, что читает молящийся, а также ощущение того, что за молящимся наблюдает Аллах. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет об ассоциативной цветности молитвенных текстов, в которых концентрация или избыточные скопления звукобукв определенной ассоциативной цветности придают суггестивному тексту определенный доминирующий цветовой оттенок.

Подвергая анализу молитвы на башкирском и татарском языках (проанализировано более 200 молитв: 123 молитвы на башкирском языке и 90 молитв на татарском языке), мы получили следующие результаты: молитвенный текст на башкирском языке изобилует ассоциативными *белым и зеленым цветами*, а молитвенный текст на татарском языке ассоциативно наполнен *желтым, белым, черным и зеленым цветами*. Ассоциативные цвета имеют признаки национально обусловленной системы и являются фокусными (значимыми) для носителей башкирского и татарского языков соответственно. Белый цвет для мусульман – цвет Аллаха. Белый цвет является символом чистоты, данный цвет означает покой, просветление души. Зеленый – главный священный цвет ислама. Зеленый цвет в исламе был выбран основным цветом, обычно он интерпретируется как цвет жизни, цвет долгожданного зеленого оазиса на желто-сером фоне песков пустыни. Желтый цвет – символ благочестия и милосердия. Желтый символизирует путь, идущий к божеству. Данные молитвенные тексты обладают «положительным» цветовым значением для их «комфортного восприятия».

В 2013 году коллективом авторов (руководитель проекта Т.М. Рогожникова, программист Д.Д. Кудашов, Г.Р. Кочетова, Н.В. Ефименко) завершена разработка компьютерной программы «БАТЫР». Основным компонентом данной программы стали цветовые матрицы звукобукв башкирского и татарского языков, построенные по результатам нашего экспериментального исследования [Рогожникова, Кудашов, Кочетова, Ефименко, 2014].

С помощью компьютерной программы слова и текста «БАТЫР», нам удалось эксплицировать проявление внутренней формы ассоциативной (психологической) цветности суггестивных текстов.

Используя компьютерную программу «БАТЫР» для молитвенных текстов разносистемных языков возможно построить цветовые ассоциативные спирали, где в ядерной зоне будет находиться ведущий цвет для данных текстов. Прототипом создания данной модели послужила *универсальная*

спиралевидная модель развития значения слова [Рогожникова, 1986]. Ассоциативная цветность всех проанализированных молитвенных текстов на башкирском и татарском языках, структурированная с позиций выделения ядра и периферии, может быть представлена в виде цветовой ассоциативной спирали («вид сверху»).

На рисунке 1 представлен общий вид ассоциативной цветности всех проанализированных молитвенных текстов на башкирском и татарском языках. Ассоциативная цветность башкирских и татарских молитвенных текстов различна. В башкирских молитвах к ядерной зоне примыкают белый, зеленый и желтый, в татарских текстах – желтый, белый и черный.

Молитвы на башкирском языке

Молитвы на татарском языке

Рисунок 1 – Общий вид спиралей ассоциативной цветности
(на материале молитв на башкирском и татарском языках)

Хотелось бы отметить, что ассоциативная цветность звукобуквы (слова, текста), как проявление внутренней формы вербальной модели, требует дальнейшего глубокого изучения. Своевременность работы поддерживается социальным спросом на исследования, которые ориентированы на изучение скрытого потенциала слова (текста), а также установление универсальных закономерностей, в соответствии с которыми данный потенциал может быть реализован языковыми средствами.

Цитируемая литература

Рогожникова, Т.М. Развитие значения полисемантического слова у ребенка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.М. Рогожникова. – Саратов, 1986. – 14с.

Рогожникова Т.М, Кудашов Д.Д., Кочетова Г.Р., Ефименко Н.В. Программа для ЭВМ «БАТЫР» (Автоматизированный анализ слова и текста): Свидетельство о гос. регистрации программы для ЭВМ № 2014613238, М., 2014 http://www1.fips.ru/wps/portal/IPS_Ru#1473534875815

РЕЧЕВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТРУКТИВНОСТИ И ДЕСТРУКТИВНОСТИ В МАССОВЫХ ПЕСНЯХ

Объектом нашего исследования являются массовые песни военного и современного периодов.

Определим используемые понятия.

Под массовой песней, в соответствии с «Музыкальной энциклопедией», понимается сольная или хоровая песня, созданная профессиональным композитором (или любителем) и рассчитанная на массовое распространение в общественной жизни или домашнем быту. Общеизвестность содержания массовой песни в сочетании с простотой формы, поэтического и музыкального языка, использование певческих голосов в наиболее употребительных регистрах обуславливают ее максимальную доступность для всеобщего исполнения и восприятия [Музыкальная энциклопедия, 1976, с. 238].

Под военными массовыми песнями подразумеваются песни, исполнявшиеся и звучавшие непосредственно в годы Великой Отечественной войны.

Под современными массовыми песнями нами понимаются композиции современной эстрады последних 30 лет (начиная с 1986 года), исполняемые современными группами или певцами, на концертных подмостках, а также звучащие в радиоэфире. Это композиции, пользующиеся широкой известностью, прежде всего, среди подростковой молодёжи [А.Н.Полежаева, 2011, с. 39].

Предметом является речевая эволюция конструктивности и деструктивности в массовых песнях современного и военного периодов.

При выяснении вопроса о конструктивности или деструктивности конкретной массовой песни стоит иметь в виду, что конструктивная направленность в песне проявляется в доминировании установок высшего порядка (интегративные, социальные, принципиальные и этнические установки). Деструктивная направленность в песне проявляется в доминировании установок низшего порядка (физических, личностных и межличностных установок). Следует иметь в виду, что на каждом из семи уровней установок могут наблюдаться как конструктивный, так и деструктивный тренды [А.В.Пузырёв, 2013, с. 54-62].

В качестве материала исследования взяты 10 военных, 10 современных конструктивных и 10 современных деструктивных массовых песен. Назовём их:

Военные массовые песни: «Катюша», «Мы друзья, перелётные птицы», «Смуглянка», «Синий платочек», «В землянке», «До свиданья, города и хаты», «Вечер на рейде», «Ты ждёшь, Лизавета...», «Огонёк», «И кто его знает».

Современные конструктивные песни: «Гимн семьи», «Граница», «Белый конь», «Давай за», «Выйду ночью в поле с конём», «Малиновый звон», «Волчонок», «О той весне», «Колыбельная», «Родина».

Современные деструктивные песни: «Широка река», «Ресницы», «Нежность», «Первая любовь – любовь последняя», «Почему молчишь», «Я лист», «Одиночество», «Реальная жизнь», «Воспоминание», «Я счастливый».

Заметим, что среди современных песен количество песен конструктивной направленности весьма невелико, и обнаружить десять песен такого характера оказалось достаточно трудно (это и явилось одной из причин, почему для обнаружения таких песен нам потребовался временной промежуток в тридцать лет).

При изучении и сравнении знаменательных слов конструктивных песен военных лет и современного времени, а также деструктивных песен нами используется метод расстояний, или количественно-качественный метод, разработанный В.Д. Бондалетовым [В.Д.Бондалетов, 1983: 77]. Он удобен тем, что позволяет сравнить спектр знаменательных слов в различных песенных категориях, выразить его в числовых показателях и процентном соотношении.

Приведём 20 самых частых знаменательных слов (в порядке убывания) в песнях военных лет и современных конструктивных песнях (см. табл. 1).

Табл. 1. Наиболее частые знаменательные слова песен

Знаменательное слово	Военные конструкт. песни			Совр. конструкт. песни			Всего
	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в С.К.П.	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в К.В.П.	
я (мне)	31	3,18	0	58	5,98	2,8	89
мы	28	2,87	0	35	3,61	0,73	63
ты	20	2,05	0,29	17	1,75	0	37
он	22	2,25	0,91	13	1,34	0	35
конь	2	0,2	0	28	2,88	2,68	30
кудрявый	24	2,46	2,05	4	0,41	0	28
мой	8	0,82	0	20	2,06	1,24	28
быть	6	0,61	0	20	2,06	1,44	26
поле	1	0,1	0	18	1,85	1,75	19
родной (-ая)	13	1,33	0,71	6	0,61	0	19
девушка	15	1,54	1,43	1	0,1	0	16
дом	5	0,51	0	10	1,03	0,51	15
любовь	5	0,51	0	9	0,92	0,41	14
дело	12	1,23	1,12	1	0,1	0	13
наш	8	0,82	0,3	5	0,51	0	13
первый	12	1,23	1,12	1	0,1	0	13
(не) петъ	8	0,82	0,3	5	0,51	0	13
парень	11	1,12	1,02	1	0,1	0	12
свой	8	0,82	0,4	4	0,41	0	12
влюблённый	2	0,2	0	9	0,92	0,72	11
город	8	0,82	0,51	3	0,3	0	11

...	...	...	...	...	...	...	...
Всего	974	100	71,91	969	100	71,91	1943

Для разграничения частых и редких слов была использована следующая формула: 1943 (количество словоупотреблений знаменательных слов) : 635 (общее количество знаменательных слов) = $3,06$. Слова, звучащие в песнях 4 или большее количество раз, являются **частыми**, а те, которые звучат 3 раза и меньше, являются **редкими**.

С помощью метода расстояний были выявлены сходства и различия в использовании знаменательных слов в военных и современных конструктивных песнях. Результаты отражены в таблице № 2.

Табл. 2 Сходство и различия военных и современных конструктивных песен

Спектр знаменательных слов в конструктивных песнях:	военных	совр. констр.
1. Различия:		
а) Военные	52,05	-
б) Совр. констр.	-	53,66
в) расхождение в употребительности "сквозных" зн.слов	19,86	18,25
Всего	71,91	71,91
2. Сходство	28,09%	28,09%
Итого	100%	100%

Из таблицы № 2 видно, что в наборе «сквозных» знаменательных слов сравниваемых песенных категорий наблюдается минимальное расхождение. Это говорит об общей конструктивной устремлённости проанализированных песен и одновременно с этим является лишним подтверждением того, что современные конструктивные песни выделялись нами на объективных основаниях.

Приведём 20 самых частых знаменательных слов (в порядке убывания) в песнях военных лет и современных деструктивных песнях (см. табл. 3).

Табл. 3. Наиболее частые знаменательные слова песен

Знаменательное слово	Военные конструкт. песни			Совр. деструкт. песни			Всего
	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в С.Д.П.	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в К.В.П.	
я	31	3,18	0	111	8,89	5,71	142
ты	20	2,05	0	52	4,16	2,11	72
мы	28	2,87	1,11	22	1,76	0	50

(не) быть	6	0,61	0	33	2,64	2,02	39
он	22	2,25	0,89	17	1,36	0	39
(не) забыть	1	0,10	0	30	2,4	2,3	31
любовь	5	0,51	0	21	1,68	1,16	26
(не) знать	6	0,61	0	11	0,88	0,26	17
мой (-я)	8	0,82	0,1	9	0,72	0	17
первый	12	1,23	0,83	5	0,4	0	17
берег	9	0,92	0,44	6	0,48	0	15
лист	8	0,82	0,34	6	0,48	0	14
река	3	0,3	0	11	0,88	0,57	14
сердце	3	0,3	0	10	0,8	0,49	13
сказать	2	0,2	0	10	0,8	0,59	12
(не) уйти	3	0,3	0	9	0,72	0,41	12
хороший (хорош/ не хорош; лучше)	7	0,71	0,39	4	0,32	0	11
дом	5	0,51	0,11	5	0,4	0	10
наш	8	0,82	0,66	2	0,16	0	10
ночь	2	0,2	0	8	0,64	0,43	10
...	...	...	...	...	...	...	...
Всего	974	100	79,52	1248	100	79,52	2222

Для разграничения частых и редких слов была использована следующая формула: 2222 (количество словоупотреблений знаменательных слов) : 642 (общее количество знаменательных слов) = $3,46$. Таким образом, слова, звучащие в песнях 4 или большее количество раз, являются **частыми**, а те, которые звучат 3 раза и меньше, являются **редкими**.

Кроме того, метод расстояний позволяет выявить сходства и различия в наборе и употреблении знаменательных слов в военных конструктивных и современных деструктивных песнях. Результат отражён в таблице № 4.

Табл. 4. Сходство и различия военных и современных деструктивных песен

Спектр знаменательных слов в песнях	военных	совр. деструкт.
1. Различия:		
а) военные	71,86	-
б) совр. деструктивн.	-	56,89
в) расхождение в употребительности "сквозных" зн.слов	7,66	22,63
Всего	79,52	79,52

2. Сходство	20,48%	20,48%
Итого	100%	100%

Как мы видим, при сравнении знаменательных слов наблюдается больше различий в их наборе. Это мы можем понять исходя из данных, приведённых в Таблице № 4. Кроме того, представляется возможным наблюдать большую разницу употреблений сквозных слов.

Приведём 20 самых частых знаменательных слов (в порядке убывания) в современных конструктивных и деструктивных песнях (см. табл. 5).

Табл. 5. Наиболее частые знаменательные слова песен

Знаменательное слово	Совр. конструкт. песни			Соврем. деструкт. песни			Всего
	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в С.Д.П.	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в С.К.П.	
я	58	5,96	0	111	8,9	2,93	169
ты	17	1,74	0	52	4,17	2,42	69
мы	35	3,6	1,83	22	1,76	0	57
(не) быть	20	2,05	0	33	2,64	0,58	53
конь	28	2,88	2,47	5	0,4	0	33
счастливым	2	0,2	0	30	2,4	2,2	32
любовь	9	0,92	0	21	1,68	0,75	30
он (она, ней, неё)	13	1,33	0	17	1,36	0,02	30
мой (-я)	20	2,05	1,33	9	0,72	0	29
весь	18	1,85	1,37	6	0,48	0	24
жизнь	11	1,13	0,16	12	0,96	0	23
дом	10	1,02	0,62	5	0,4	0	15
ночь	7	0,72	0,07	8	0,64	0	15
сердце	4	0,41	0	10	0,8	0,39	14
твой	1	0,1	0	13	1,04	0,93	14
ветер	1	0,1	0	12	0,96	0,85	13
(не) знать	2	0,2	0	11	0,88	0,67	13
небо (небеса)	3	0,3	0	9	0,72	0,41	12
сказать	1	0,1	0	10	0,8	0,69	11
хотеть	3	0,3	0	7	0,56	0,25	10
...	...	...	...	...	...	...	...
Всего	972	100	72,59	1247	100	72,59	2219

В очередной раз для разграничения частых и редких слов была использована следующая формула: 2219 (количество словоупотреблений знаменательных слов) : 663 (общее количество знаменательных слов) = $3,34$. Соответственно, слова, звучащие в песнях 4 или большее количество раз, являются **частыми**, а те, которые звучат 3 раза и меньше, являются **редкими**.

Метод расстояний позволяет выявить сходства и различия знаменательных слов в конструктивных и деструктивных современных песнях. Результатом послужила следующая таблица (см. табл. 6).

Табл. 6. Сходство и различия современных конструктивных и деструктивных песен

Спектр знаменательных слов	Конструктивные	Деструктивные
1. Различия:		
а) Конструктивные	59,46	-
б) Деструктивные	-	53,16
в) расхождение в употребительности «сквозных» зн.слов	13,12	19,42
Всего	72,58	72,58
2. Сходство	27,42%	27,42%
Итого	100%	100%

Согласно данным, отражённым в последней таблице, мы можем наблюдать меньше различий в наборе знаменательных слов. Значительные различия наблюдаются в уникальности словаря. К примеру, в современных деструктивных песнях встречается частое использование ненормативной лексики: «сука», «сволочь» и т.д.

Таким образом, сравнив между собой при помощи метода расстояния песни военных лет, современные конструктивные и деструктивные композиции, представляется возможным сделать следующий вывод: из всех представленных категорий наиболее похожими между собой являются песни военных лет и современные конструктивные песни. Это говорит об их общей созидательной устремлённости.

Максимальные различия – при использовании «метода расстояния» – выявляются между военными и современными деструктивными массовыми песенными текстами, что вполне объяснимо их противоположной идейной направленностью.

Цитируемая литература:

Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Музыкальная энциклопедия: в 6 томах / Редакционная коллегия: В. А. Белый, В. С. Виноградов, Л. В. Данилевич, М. С. Друскин, О. Е. Левашева, И. И. Моравек, В. В. Протопопов, И. М. Ямпольский, Б. М. Ярустовский. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – 552 с.

Полежаева А.Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2011. – 213 с.

Пузырёв А.В. Направленность хитовых песен радиостанций Европа+, Русское радио, радио DFM и Love Radio в 2012 г. // Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15-18 мая 2013 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Институт языкознания РАН; Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2013. С. 54-62 (совм. со студ. Е.П.Борисовой и А.Г.Морозовой).

Докт. филол. наук И.В. Приорова (Нанкин, КНР)
irinapriorova@yandex.ru

ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

О феномене языковой игры написано много исследований, но сегодня особый интерес вызывает её коммуникативная природа. Языковая игра возникает благодаря способности носителя языка нестандартно осмысливать привычные явления и банальные факты в процессе речевой деятельности. Мы придерживаемся того, что «языковая игра – это актуальное коммуникативное действие, в котором реализуется творческий потенциал языковой личности и отражается языковой вкус и культура современного общества в коммуникативном пространстве» [Приорова, 2014, с. 7].

Креативные способности индивида реализуются в разных сферах коммуникативной среды: современные литераторы, журналисты, рекламисты, политики, юмористы используют свою креативность везде, где можно, и применяют её достаточно широко как результат взаимовлияния лингвистических и экстралингвистических факторов: «*В эфире программа «Спокойной ночи, взрослые». Сегодня я расскажу вам сказку про **теремок**. Стоит в поле **теремок**. Он ни низок, ни высок. И вообще не понятно, откуда он там взялся. Кто дал разрешение на строительство в лесопарковой зоне? Причем **теремки** только на бумаге, а на деле – это **дворцы**. С **теремками** для охраны и лошадей. Почему некоторые **сказочные** персонажи незаконно вырубают лес?» (Comedy club, пародия на В.В.Путина и сказку «Теремок»)*

Несмотря на то, что в языкознании нет единой классификации свойств языковой игры, и её феномен описывается с разных сторон, большинство учёных сходятся в том, что языковая игра «провоцируется» *системными* свойствами языка. Термин *языковая игра* (ЯИ) стал одним из самых популярных в отечественном языкознании на рубеже XX – XXI вв. Известные лингвистические работы о языковой игре отражают «эволюцию» вопроса о сущности языковой игры (см.: В.В. Виноградова, А.Н. Гвоздева, Е.А. Земскую, Т.А. Гридину, Л.В. Зубову, Ю.И. Левина, Б.Ю. Нормана, Е.В. Падучеву и др.). Многообразие современных подходов в изучении этого феномена свидетельствует о том, что философские идеи Л. Витгенштейна, который видел диалектическую сущность

этого явления в том, что язык в целом предстает как совокупность языковых игр, претерпели значительную интерпретацию.

Одно из главных понятий у «позднего» Л. Витгенштейна – *языковые игры* – служит для обозначения целостных и законченных межличностных коммуникативных систем, которые подчиняются глубинной грамматике, т.е. своим внутренним правилам и соглашениям. Их нарушение означает выход за пределы конкретной *игры*. Витгенштейн выделяет три основных принципа понимания *языковых игр*. Во-первых, это исходные лингвистические формы, с которых начинается обучение любому языку путем «включения» обучаемого в определенные виды деятельности. Во-вторых, *игры* рассматриваются как упрощенные, идеализированные модели употребления слов, последовательное усложнение которых демонстрирует динамику языка. В-третьих, социокультурный аспект *игр* отражается в понимании «формы жизни», что включает этический компонент понимания этих форм. У языковых игр, по Витгенштейну, не может быть общего признака; их следует классифицировать по принципу «семейного подобия», т. е. через цепочки взаимосвязанных или пересекающихся по отдельным признакам *игр*.

После Витгенштейна понятие языковых игр получило широкое распространение в западной философии и культуре, однако в отечественной науке *языковая игра* стала пристально изучаться сравнительно недавно. Многоаспектность её сегодняшнего изучения предопределяется полисемантической лингвистического термина *языковая игра*, которым обозначаются:

1) речетворческий потенциал языковой личности, когда говорящий/пишущий «играет» языковой формой, раскрывая свою креативную инициативу;

2) системные свойства креативной «свободы» языка, которая проявляется в различных коннотациях и отступлениях от нормы, формирующих эстетику речи.

Осознанные нарушения нормы в виде шуток, острот, каламбуров, пародий, анекдотов, а также многообразие тропов и фигур, т.е. все случаи использования средств языковой выразительности, определили тот широкий спектр функционирования языковой игры в современной коммуникативной среде, который выводит исследователей на самые разные, порой неожиданные перспективы изучения этого феномена.

С одной стороны, очевидно, что вычленение метафорических значений из слов, пословиц, фразем и другого языкового материала, его субъективная интерпретация и языковая трансформация вызывает особый интерес не только у специалистов, но и у рядовых носителей языка: семантические «сдвиги» пословичных выражений и фразеологизмов, изменение их грамматической формы для придания *нового* смысла и сознательное «порождение» новых сравнений и метафор становится определённым тренингом для развития креативных способностей индивида.

С другой стороны, через процедуру такой номинации создаётся новый рисунок текста либо образ незнакомого предмета или явления, что и определяет эстетическую ценность языковой игры, её качество (удачная/неудачная). Но

нельзя забывать, что очень часто эстетика совмещается с этикой, поэтому некоторые современные этические формулы кодируются таким образом: *пора найти себе вечную любовь на лето; любовь зла, полюбишь – и домой; трудовые блудни; слово женщины – загон; женщина ловкого поведения; пойду наплюсь от горя; кто не работает, тот... удачно вышла замуж; Блюдите форму! Содержание подтянется! Чем старше женщина, тем хуже держится лапша на её ушах; Синдром лёгкого недомогания развивается у девушек, которых никто не домогается; Секс без дивчины – признак дурачины; Отдамся за копейки (Реклама магазина «Эльдорадо»); Я так низко пала (Реклама магазина «Эльдорадо».* Перечень подобных примеров с языковой игрой разного типа (на лексическом, словообразовательном, грамматическом, семантическом уровне) можно отнести к *женской тематике*, которая в настоящее время претерпевает этическую инфляцию в массовом сознании. Не последнюю роль в этом играет нецеломудренный образ женщины, сформированный в СМИ за последние десятилетия и повлиявший на снижение женского авторитета в обществе.

Образность – один из важнейших признаков самой игры. Языковая игра практически синонимична, тождественна образности, а поэтому очевидно триединство «игры», «метафоры» и «культуры» в целом. Желание создать символическую, условную действительность, в которой происходит «иллюзорная реализация нереализуемых желаний» не является частью и отражением обыденной жизни, а скорее признается выходом из такой жизни в другой иллюзорный мир: *Я люблю спать, а спать любит меня, но утро не хочет, чтобы мы были вместе ...; слышал про сон, но не знаешь где он, но часто этот мир намеренно извращается, обесценивается его этическая сторона, но вместе с этим усиливается парадоксальная составляющая языковой игры.* Рассмотрим известный пример, «гуляющий» по сайтам интернета: *Правило каждого дня: Открытое – закрыть, Грязное – помыть, Голодного – накормить, Грустного – обнять. Всё просто! И комментарии к нему: плачущего – развеселить, весёлого – угрустить... нудного – заткнуть...)))) Идущего – уронить, плывущего – утопить, летящего – сбить, трезвого – напоить, пьяного – протрезвить, недобитого – добить, недопитое – допить...* Языковая игра, построенная на противопоставлении, с «нанизанной» антитезой создаёт образ за образом, что, так или иначе, отражает субъективные представления о жизненных ценностях и выступает одним из каналов формирования этических и эстетических приоритетов времени.

Следует отметить, что в течение уже многих лет интерес к языковой игре в России не ослабевает, а, напротив, поддерживается специалистами и исследователями различных областей гуманитарного направления (лингвистами, литературоведами, психологами, социологами, культурологами). Это позволяет находить всё новые и новые грани этого речетворческого явления и исследовать языковую игру не только как один из способов отражения изменения отношения к различным жизненным реалиям в современном мире (*айпонт* (айфон); *хвастограм* (инстаграмм); – тебе помочь? – я сам исправлюсь; вот ты мама, *психуист*), не только как способ обсмеять

проблему, факт, явление, но и как возможный механизм распространения этических и эстетических приоритетов общества в бессознательном манипулировании им. Прагматика *языковой игры* отражает общие закономерности общения, которыми должны руководствоваться коммуниканты данного общества. Нарушение принципов прагматики – постулата информативности (сообщай что-то новое) или другого принципа – постулата истинности или искренности (говори правду) обычно приводит к парадоксу, ломая стереотипные представления о явлениях.

Таким образом, в конкретной коммуникативной ситуации эффект неожиданности и парадокса языковой игры во многом зависит от нарушенной комбинаторики языковых единиц, образующей нестандартные смыслы с сильной экспрессией, оценочностью или образностью. Изучение различных типов языковой игры с разных сторон способствует: во-первых, выявлению тех алгоритмов, по которым привычные языковые штампы могут преобразовываться в оригинальные; во-вторых, упорядочению продуктивных грамматических моделей, которые формируют новые полноценные семантические образы; в-третьих, определению границы «дозволенного» для каждого типа игры и объективной оценки уровня креативности современной языковой личности, которая легко играет словом.

Цитируемая литература

Приорова И.В. Поговорим о странностях игры...: учебно-методическое пособие / И.В. Приорова. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2014. – 70 (1) с.

Д-р филологии N. SADI (Algérie), к. филол. н. И.И.Ковалевская (Орехово-Зуево)
sadinabil@hotmail.com ; irinakovalevsk@yandex.ru

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МНОГОЯЗЫЧИЕ В АЛЖИРЕ

Проблема многоязычия для предприятий и учреждений в современном Алжире встает с особой остротой.

В связи с изменениями, которые происходят сейчас в мировой экономике, владение иностранными языками приобретает особое значение. Считается, что многоязычие или владение работниками несколькими иностранными языками повышает производительность труда и доходность производства. (Grin, 2008, p. 1). Действительно, в Алжире, как и везде в мире, происходит перемещение производств, делокализация экономических центров и как следствие – переосмысление соотношения различных языков, их роли. Эти новые исходные данные требуют глубокого осмысления и анализа новых вызовов, новых требований, которые предъявляются к языковому образованию в Алжире. Стремление овладеть иностранным языком, и не одним – это реальность, которую следует принять: констатация того факта, что предприятие приобретает ряд преимуществ, если его персонал владеет иностранными языками, заставляет задаться вопросами, имеющими очевидное практическое значение, а именно:

– какие иностранные языки способствуют повышению производительности и рентабельности?

– какого уровня владения иностранными языками следует достичь, чтобы получить значимые экономические результаты?

Молодые специалисты сталкиваются на производстве с невероятными языковыми трудностями, когда приступают к работе, как в плане письменного, так и в плане устного общения (составить почтовое письменное сообщение, послать сообщение по электронной почте или составить отчет, ответить по телефону или выступить с сообщением, презентацией). В настоящее время крупные межнациональные корпорации отдают предпочтение сотрудникам, которые владеют несколькими иностранными языками и требуют не только владения собственно специальными профессиональными умениями и навыками, но и владения иностранными языками в области своей специальности: французский для юристов, французский в экономике, финансах, французский в информационной и медийной сферах.

По результатам обсуждения проблемы на семинаре, который был проведен Центром LAILEMM (ЛАЙЛЕМ: Лингвистика, Прикладные дисциплины и инженеринг иностранных языков в многоязычной среде) в университете г. Беджайа, были сделаны выводы о том, что для повышения мотивированности студентов университета в области изучения иностранных языков, необходимо выработать стратегию обучения иностранным языкам с учетом запросов, предъявляемых работодателями на производстве.

Соглашения о партнерстве, заключенные университетом с рядом предприятий касаются организации работы отделения иностранных языков, целью которой ставится формирование компетенций, необходимых для успешного включения и успешного профессионального движения молодых специалистов в профессиональной области.

Мой доклад является предварительным отчетом о работе (проведенной и продолжающейся в настоящее время) в лаборатории *LESMS* (*Les Langues Etrangères de Spécialité en Milieux Socioprofessionnels: préparation à la professionnalisation*) (Иностранные языки специальности в социо-профессиональной деятельности: подготовка и вхождение в профессию) факультета лингвистики и филологии университета г. Беджайа).

В первой части своего выступления я хочу сказать, прежде всего, о целях и направлениях работы, которые были задействованы в лаборатории LESMS, и которая призвана стать тем мостиком, который может быть переброшен между университетом и практической деятельностью на производстве, обеспечивая тем самым распространение лингвистических компетенций, многоязычия на область профессиональной деятельности.

Во-вторых, предполагается дать научное обоснование каждому из пяти направлений исследований, которыми будет заниматься коллектив лаборатории, чтобы в последствие представить результаты работы для публикации в двух аффилированных изданиях: журналах *Usages et Langues* et *EnFoLang* (*English as a Foreign Language*): **Языки и их использование** и **Английский язык в качестве иностранного**.

Планируется уделить большое внимание анализу данных различных опросов, проведенных на территории Алжира по четырем основным направлениям:

– Использование иностранных языков на производстве и их влияние (в плане проведения языковой политики на предприятиях в Алжире и ее роли в национальной экономике);

– Французский язык и другие иностранные языки (в частности, определение места французского языка по отношению к другим иностранным языкам в мире экономики);

– Использование иностранных языков и стратегические установки предприятия (в плане эффективного использования различных языков на многоязычном производстве);

– Влияние недостаточно высокого уровня языковой подготовки дипломированных специалистов на развитие экономики Алжира.

Канд. филос. наук А.С.Стрельцова (Ташкент, Узбекистан)

ast0723@yandex.ru

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ

Существование языка в триаде: мышление-язык-общение и взаимодействие объективной действительности и отражающего мышления выдвинуло на одно из центральных мест проблему взаимодействия языка и окружающего мира. Что же лежит в основе всех актов миропонимания, помогая осуществлять построение субъективных образов объективных локальных ситуаций? Принимая тезис, что в конечном итоге любая информация восходит к естественному языку как первоисточнику выражения мыслительной деятельности человека, констатируем факт, что картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Она лежит в основе всех актов миропонимания, помогая осуществлять построение субъективных образов объективных локальных ситуаций.

Картина мира формирует тип отношения человека к миру – другим людям, самому себе, как члену этого мира, задает нормы поведения человека в мире. Человек обращается с вещами в соответствии со своей, индивидуальной, картиной мира. Одновременно в ней есть элементы общности. Человеческое общение возможно, если у людей есть взаимопонимание и взаимопроникновение в духовные миры друг друга. Общность картины мира для всех людей, универсальность законов ее формирования и существования создают базу для взаимопонимания.

Понятия «языковая картина мира» и «картина мира» взаимосвязаны и взаимообусловлены. Картина мира – сложное явление. На нее влияют впечатления, исследования, умозаключения людей, для них мир есть то, что они видят и осмысливают. Картина мира менялась вместе с развитием человечества. Современные ученые стремятся осмыслить данное понятие детально и глобально, принимая утверждение что формирование картины мира и возникновение ми-

ровоззрения (мироощущение, миропонимание и мировосприятие) осуществляется в рамках законов природы, исторического процесса и опыта поколений

Языковая картина мира, сформировавшись в историческом процессе, имеет устоявшиеся понятия, которые влияют на познавательный процесс человеческого мышления. Языковая картина мира несет информацию, определенную человеческим сознанием многих поколений. Поэтому современный человек видит картину мира через призму уже сформировавшихся познаний, на него влияют готовые видения языковой картины мира.

Свое познание мира человек начинает с концептуальной картины мира благодаря языку, в котором существует множество понятий в системе конвенциональных знаков. После этого наступает этап корректирования, сравнения с более опытными, авторитетными взглядами, но остается индивидуальное мышление, оно проходит через мироощущение. Язык помогает быстрее адаптироваться в мире, приобретать знания, осваивать профессиональные навыки, опыт. Роль языка многократно возрастает по мере взросления человека. Даже в общении с людьми разных профессий можно определить по языку их специальность.

Язык, сформировавшись исторически, ориентирован на реальную картину мира. Он не дает превосходства субъективности в описании мира и не противоречит реальной картине мира, но ориентируется на нее. Между научной картиной мира и языковой существует различие. Фундаментальные взгляды, выводы, научные методы сформулированы учеными для научного представления картины мира. Языковая (наивная) картина мира находит отражение в социальной сфере, формируется бытовыми представлениями. Главная задача семантики и лексикографии развития заключается в описании лексических и грамматических значений на основе наивной модели мира, свойственной каждому языку. Язык оказывает решающее влияние на познание мира человеком и на процессы его мышления. Говоря о гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, можно сказать, что систематизированные знания, совокупные процессы осмысления, понятия и их особенности зависят от того, к какому языку они относятся и реализуются через носителя конкретной языковой культуры. Языки имеют более глубокие понятия, они не просто атрибуты, отражающие общечеловеческое сознание, они соответствуют различным картинам мира, что согласуется с идеей В. фон Гумбольдта и гипотезой Сепира-Уорфа. Теория Б.Л. Уорфа ценна самой постановкой проблемы сосуществования двух систем анализа окружающего мира – языковой и научной. Исследователь подчеркивал, что у языковой и научной картин мира есть сходство: они моделируют мир в сознании человека. Однако осуществляется это моделирование на разных уровнях: на уровне научного и обыденного сознания.

Докт. филол. наук В.И. Шаховский (Волгоград)

shakhov@vspsu.ru

МНОГОЯЗЫЧИЕ СТИЛЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Язык переодевает мысли. И при том так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела.

(Л. Витгенштейн)

В Советский период было очень актуально нижеследующее высказывание В.И. Ленина: «Газета – это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор всех наших побед». Поэтому с полным правом можно сказать, что газета в то время являлась главным средством СМИ.

Затем по важности источником новостей было радио, которое было в каждом доме, и которое фактически не выключалось никогда. Кроме этого, важным источником информации была книга, которая была к тому же и лучшим подарком. СССР была самая читающая страна в мире. Следовательно, книгу, которая считалась источником знаний также необходимо причислить к СМИ, так как она давала огромную информацию, правда не сиюминутную и не в деловом, а в художественном формате. Но, как известно, fiction (беллетристика) не всегда является абсолютным вымыслом – в любом случае она отражает реальность прошлую или настоящую и, следовательно, предоставляет читателю информацию в занимательной форме о жизни государства, выдающихся или рядовых людей (предтече infotainment).

Тем не менее, долгое время единственным средством массовой коммуникации (даже когда еще такого понятия не было в обиходе) была газета. Поэтому, действительно, она играла огромнейшую роль в информировании всего населения страны и в формировании его мировоззрения. Существовала единая точка зрения, и она "колебалась вместе с колебанием генеральной линии партии".

Теперешние же СМИ многолики, многоязычны, многотональны и характеризуются многоточием зрений и разноцветьем. Многоканальное ТВ (включая кабельное и спутниковое), радио, роль которого снизилась, осталось рудиментом за исключением музыкальных FM, кино, которое, по прежнему, остается важнейшим из искусств, но, правда, уже с другой идеологической, эстетической, моральной направленностью и с довольно другими прагматиками. Современное кино (и, особенно, телефильмы) тоже отдельный информационный жанр. Наконец, с 2016 года ряды СМИ после многочисленных дискуссий пополнились еще одним жанром – Интернетом, который занял ведущее место в интерактивной коммуникации, скорее, не между властью и народом, а народа друг с другом по самым различным поводам.

Таким образом, при всем многообразии СМИ можно выделить визуальные, аудиальные, а среди них – электронные, бумажные. И каждый со своими стилями эмоций: рациональных СМИ в настоящее время почти не наблюдается.

В данной работе я не могу пройти подробно по всем видам и жанрам СМИ. Но хочу напомнить, что газета очень изменилась после распада СССР: отсутствуют единые общенациональные газеты для всех возрастов населения; газеты "МК" и "КП" сохранили бренды названий, но в корне изменили свои контенты, приспособившись к времени и власти; многократно (почти бесконечно) увеличилось количество региональных, районных, муниципальных, частных газет; общепризнанным является мнение о том, что газеты почти никто не читает; все газеты дают противоречивую информацию об одном и том же событии, зачастую недостоверную; газеты почти перестали публиковать письма читателей, не проводятся среди читателей дискуссии по различным социально-политическим и морально-этическим вопросам; ни в одной газете нет рубрики "газета выступила, меры приняты"; население перестало обращаться в газеты за помощью в борьбе с чиновничьим беспределом.

По мнению В. Сухнева, хоть у газеты и изменились объем информации и форма (вплоть до электронного варианта), газета будет существовать и через 100 лет. По его мнению, сегодня немало ответственных людей полагают, что говорить о газетной журналистике – пустая трата времени, поскольку сама газета заканчивается как средство массовой информации. Но все-таки, читательская аудитория, которую завоевывают новые СМИ, практически не пересекается с аудиторией печатной прессы. Это является признаком того, что газета выживет не потому, что лучше телевидения, радио или Интернета, а потому, что у радио, телевидения, Интернета и газеты – разные задачи, разные средства решения этих задач, разные аудитории, особенно в последние годы. К тому же, как замечает В.Сухнев, уже сейчас полностью изменившись внешне, она останется прежней – по сути, по контенту, по способу организации материала. Вот каким, видимо, будет будущее газеты – развитие ее аналитического содержания. Как считает В.Сухнев, разговор надо вести не о смерти газеты, а о наибольшей уязвимости ее ежедневных и многочисленных изданий, не объединенных единой информационной методологией и уступающих электронным СМИ в оперативности [Сухнев, 2016]. Учитывая, что В.Сухнев является не только журналистом, но и писателем с огромным творческим опытом, думаю, что можно прислушаться и поверить его мнению.

Напомню, что специалисты по стилистике долгое время не включали газету как вид текста в перечень функциональных стилей языка и его подвидов. И хотя в учебниках по стилистике он указывается, до сих пор упоминается в числе проблем классификации функциональных стилей.

В вышецитируемой статье В. Сухнева очень подробно рассмотрены все трансформации, произошедшие как с формой, так и с содержанием этого жанра СМИ и утверждается, что газета сохранится и через 100 лет, продолжая трансформироваться и по форме, и по содержанию, приспособившись как к новым временам, так и соседствующим / конкурирующим СМИ.

В связи с этим возникает вопрос, который пока еще мало дискутируется, так как непонятен: как изменились функции журналистов и журналистики, и особенно их стилистика. Но эти изменения заметны, и ниже я попытаюсь хотя

бы схематично этот вопрос затронуть, т.к. он требует привлечения огромного фактического материала и его контент-анализа.

Согласно данным сайта dic.academic.ru, в котором приводятся различные определения ключевого слова "журналист", указываются основные предназначения, функции, характеристики этого понятия с указанием источников этой информации. Во многих источниках основные из характеристик совпадают, но есть и различия, позволяющие в целом осмыслить содержание понятия журналист. Приведу эту информацию полностью, чтобы читатель мог самостоятельно убедиться в том, что принято считать под этим словом для адекватного взаимопонимания. Обращу внимание на то, что данный сайт не использует слово экология применительно к этому понятию. Но я полагаю, что в связи с общей тенденцией во всех научных сферах превратить слово Экология в понятийно-терминологическую скрепу – экология психологии / философии / медицины / культуры речи / педагогики / эмоций человека и т.д., – необходимо говорить и об экологии журналистики, и особенно, об экологическом ее стиле. В связи с этим, необходимо добавить в обсуждение проблемы медиаэкологии такие понятия, как *параметры экологичности, эмотивность лингвоэкологии, эмотиогенность стиля журналистики* и мн. др. Подробнее состояние СМИ анализируется в специальной монографии, которая включает рассмотрение таких проблем, как эмоции в современных СМИ, лингвоэкологическая ответственность СМИ, лингвоэкологичность стилистики медийного общения, стилистика СМИ и др. [Шаховский 2016а].

По определению Закона РФ "О средствах массовой информации" от 27 декабря 1991 года, журналист – это "лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию" (Большой юридический словарь 2003).

Разные толковые словари аддитивно разъясняют официальное мнение:

ЖУРНАЛИСТ – 1) пишущий в журналах; 2) чиновник т. н. присутственного места, на обязанности которого лежит вести журнал входящих и исходящих бумаг (устар. – В.Ш.) [Словарь иностранных слов русского языка / dic.academica.ru];

ЖУРНАЛИСТ – 1) лицо, занимающееся журналистикой; 2) канцелярский служащий, ведущий входящий или исходящий журнал (устар. – В.Ш.) [Толковый словарь Ушакова / dic.academica.ru];

ЖУРНАЛИСТ – литературный работник, занимающийся журналистикой [Толковый словарь Ожегова / dic.academica.ru];

ЖУРНАЛИСТ – человек, журналистские произведения которого публикуют в СМИ. Журналистом так же является блогер, если его блог является СМИ [Википедия / dic.academica.ru]. Последнее определение журналиста свидетельствует, что, наконец-то, Интернет стал компонентом СМИ-сообщества.

Приведенные выше характеристики такой профессиональной деятельности являются логико-рациональными и дают представление как о субъектах этой специальности, так и о их функциях, обязанностях и предназначениях и объек-

тах их внимания (окружающий мир и его различные видения, как реальные, так и вымышленные).

Полагаю, что необходимо также рассмотреть и общераспространенное мнение о том, что такое журналистика. С этой целью обратимся к общедоступному источнику, который находится в массовом пользовании, – Википедии: "Журналистика – актуализация мировоззрения социальных групп средствами подбора фактов, оценок и комментариев, которые злободневны и значительны в данное время. Под журналистикой понимают также практику сбора, интерпретации информации о событиях, темах и тенденциях современной жизни, её представления в различных жанрах и формах, и последующего распространения на массовую аудиторию" (ru.wikipedia.org). Как видно из данного определения, журналистика прямо относится к СМИ, а журналист – это тот человек, который выполняет названные выше функции: сбор информации о происходящих событиях и донесение этой информации до массового потребителя. А также все то, что указано ниже в разделе, где приводится классификация различных номинаций современной деятельности журналиста. Однако, вопрос в связи с этим упирается в то, как именно, по какой методике журналист собирает эту информацию, по какой методике он ее обрабатывает (адаптирует, усложняет, упрощает, затуманивает, разъясняет, т.е. комментирует). Насколько он правдив, честен, объективен, непредвзят, не лоббирует чьи-то интересы, не выполняет чей-то заказ, т.е. искажает или не искажает объективные факты. От всего этого зависит то, что теперь называется фокус подачи информации и фокус ее восприятия: искажен этот фокус или нет. Проходя через тот или иной фокус подачи материала для читателя, журналист формирует либо реальную картину мира, либо иллюзорную (вымышленную), склоняя получателя к тому или иному мнению или позволяя ему формировать свое собственное мнение о сообщаемом факте.

В последнее десятилетие у журналиста появились новые функции – различная форма искажения правды, приводящая к формированию у получателя информации различных картин мира внутри конкретного общества и т.д. Это достигается, в том числе, и легким или грубым изменением стиля эмоций, которые журналист транслирует на получателя и которые он провоцирует у него (т.е. сознательно планируя соответствующий эмоциональный эффект, колеблющий рациональный разум).

Наблюдения за языковым/речевым поведением современных СМИ показывают, что, как ни странно, представляется возможным их анализировать и с точки зрения благозвучия их стиля, его разноцветия (полихромности) (Яньшин 1996), запахов, экологичности. Получается, что современные СМИ действуют на все сенсорные рецепторы человека, и прежде всего, на эмоциональную и сенсуальную стилистику его восприятия, а не только на его ментальность. Это делает их более эффективными, воздействующими на формирование нужной точки зрения, мнения для противодействия многоточию зрения. Прежде всего, это происходит за счет энергетической мощности эмоций (Бойко 2004).

Современную журналистику можно сравнить с известным зеркалом из сказки А.С. Пушкина о мертвой царевне и о семи богатырях (Пушкин www).

Когда зеркало говорило царице хвалебные слова, она оберегала его, а когда зеркало стало говорить, что на свете есть другая – и краше, и милее – она его разбила.

В связи с этим напомним, что современной политической лингвистикой различаются три понятия: коммуникация, информация и пропаганда [Шаховский 2016а].

Об этом очень хорошо говорит М. Веллер, анализируя только что прошедшую выборную кампанию в США: «И неким потрясающим, для меня непостижимым образом люди вроде бы умные, вроде бы образованные не видят этого начисто. То есть пропаганда, она работает. Создай образ, вчепань в мозги, воздействуй на те точки, которые являются у человека в голове стереотипными, даже если это вроде бы образованный, умный человек – и он будет по этому стереотипу черное принимать за белое, а белое за черное, будучи убежденным, что он передовой, правый, продвинутый и гуманный и уважать себя за эту точку зрения. Вот это для меня малопостижимо совершенно. Но когда человек малограмотный, малоумный, малообразованный несет чушь – ну, к нему нет претензий. Но его можно пожалеть, помочь ему стать умней. Но когда это делает человек, причисляющий себя к интеллектуальной элите – это уже концы! Это уже полные концы» (М. Веллер (Эхо Москвы. Эфир от 16.10.2016) / см. полный текст: http://echo.msk.ru/programs/just_think/1856364-echo/).

А вот что говорит действующий журналист, работающий в этой сфере еще с прошлого века: "Журналистика – это разгребание грязи". Такая характеристика является уже эмоционально-оценочной и достаточно экспрессивной. Видимо, это далеко не субъективное мнение, так как и не такие еще высказывания встречаются в многочисленных современных СМИ и, особенно, в Интернете.

Так, например, бывший руководитель администрации президента С. Иванов, возмущенный различными неправдоподобными фейками в различных СМИ, стилистически маркировано отозвался о такой журналистике: *"Производство новостей при отсутствии новостей"* (С.Иванов). Под саркастичным словом "производство" С. Иванов показывает свое отношение к выдумыванию / изобретению некоторыми СМИ новостей, которых на самом деле нет. Но С. Иванов характеризует такую работу еще довольно политкорректно. А вот замминистра министерства коммуникации РФ А. Волин о журналистах отзывается более, чем неэкологично в грубой эмоциональной стилистике: *"Руки растут из жопы, а журналисты – идиоты"* (А. Волин).

С течением времени и журналистику затронул всемирный закон движения: всё движется, всё изменяется, как говорили еще древние мыслители. Наблюдения за современными СМИ, увы, подтверждают последнюю точку зрения, хотя она и остается в рамках логических дескрипций, но получает бесчисленные смысловые конкретизаторы по всем параметрам рациональных определений, и они окрашиваются эмоциональностью. В нижеприведенной классификации номенов, составляющих медийное поле и обозначающих множество характеристик всех видов деятельности, связанных с медийностью, с различными акциями самих журналистов, властных структур с ними, получателей их информации и т.п., почти все являются эмоционально и стилистически маркированными

конкретизаторами обширного понятия "СМИ". А по моим собственным наблюдениям, журналистика еще "замешивает" и "разводит" грязь в умах пользователей СМИ. В ней кипят и кипятятся эмоциональные страсти, поднимающие всю грязь на поверхность их бушующей волны и провоцирующие агрессивность со всех сторон, ненависть и мстительность: достаточно "перелистать" блоги, чаты, инстаграммы, сайты газет и журналов, порносайты и особенно социальные сети, чтобы убедиться в справедливости перечисленных и неперечисленных страстей человеческих (Лоренц 1994).

Прежде всего, слово СМИ стало расшифровываться так – "слишком много информации". На эту множественность указывает и специфический дискурс медиального мира. Приведу неполный перечень работающих ключевых терминопонятий в информационном поле СМИ. Прежде всего назову нейтральные, т.е. рационально-логические номены: *информационные агентства, информатор, порция информации, пробная информация; в контакте с информацией; информационный повод; информационное поле; репутация журналистов/конкретного СМИ; рейтинг новостей; медиальный / медийный мир; информационные ресурсы; по информации разведки / Министерства обороны...; информационная политика; информационное пространство СМИ; информационный рынок, медиахолдинг; канал подачи информации; поток информации; информация новостей; генеральное агентство ТАСС; медийные фигуры* (в конкретном медийном контексте и применительно к конкретному журналисту это словосочетание актуализует одно из амбивалентных экологом: одна медийная фигура может вызывать положительные эмоции, а другая – негативные, причем у каждого адресата они разные, даже в пределах этих двух амбивалентных зон); аналогично обстоит дело с номеном *репутационная ответственность; (не)послушное СМИ; (не)послушный список (слежка за гражданами по их выступлениям в интернете)*.

Среди многочисленных терминопонятий, находящихся в обороте СМИ и придуманных не только самой пишущей братией, но и различными слоями пользователей СМИ, в дополнение к нейтральным номенам, функционируют как негативно эмотивные, так и позитивно эмотивные. При этом, как свидетельствует нижеприведенный список таких номенов, среди них явно преобладают негативные, а в новой терминологии, эмотивно неэкологичные номены:

эмотивно-экологичные – *журналистское расследование; по достоверному источнику; информация уточняется; опровержение / подтверждение информации; информационная безопасность; получить хорошую прессу; ховости; новотека; адаптация новостей; новостная привлекательность* и др.;

эмотивно-неэкологичные – *информационный выброс / вброс / слив; запустить информацию для проверки мнения общественности; добытая информация; журналистика слива; выбивание информации; незаконные средства добычи / получения информации; фейковая информация; дробная информация; покупка / продажа информации; убийство, избивание, калечение, нанесение вреда здоровью журналистов и их преследование; по непроверенному источнику; источник информации пожелал остаться неназванным; из неизвестного источника поступило сообщение; разные СМИ в одно и то же время об одном и том*

*же события передают противоположную информации (в течение дня, например, "Эхо Москвы" противоречиво информирует об одном и том же событии); взрывная информация; информационная бомба; взрывное информационное поле; вторичное опровержение информации; информационная мина; потоки информации; темная, черная, мутная, грязная, лживая / искаженная / циничная, жареная информация; неподтверждение информации; информационная опасность; продвигать информацию; запрещать информацию; информационное противоборство; продвигать / лоббировать новости; подотчетные СМИ; управление информационными потоками; коридоры СМИ: узкий и широкий; утечка информации; подброс информации; информация просочилась; получить плохую прессу; производство / индустрия контента новостей; технологии формирования информационного пространства; неопознанный источник информации; согласно источнику близкому к министерству...; копаться в грязном белье; заглядывать в чужую постель, дезинформация, дезинформатор, медиаполицейский; репутация недоверия к информации в СМИ у населения; примитивизация новостей; симплификация новостей; недостаток информации; фейковый мир; уровень информационной агрессии; переозвучивание новостей (Д. Киселев о встрече Б. Обамы и Трампа); дезавуирование новостей; информационное мошенничество; синергетический эффект; стирание грани между объективным миром и вымыслом; вымышленный некоторыми журналистами мир; *соттон knowledge* (о взятках высших чиновников, известных всем); якобы / как бы информация; информационная доза; посягательство на свободу СМИ; новость, ее опровержение, ее подтверждение (запутывание адреса информации); манипулирование информацией и мн. др.*

Мне кажется, что приведенные номены, неэкологично характеризующие современные СМИ, даже не нуждаются в специальном комментировании. Сама семантика этих неэкологом рисует довольно нелюбезный лексико-синтаксический портрет современного медиального мира. Этот портрет является результатом деформации как функций журналистики, так и их роли, а также негативного оценивания самими журналистами и их получателями своего Дома бытия современных СМИ.

Профессия журналиста деформировалась до такой степени, что стала смертогенной и опасной для их жизни и здоровья. Доказательством этого являются многочисленные убийства журналистов (Кашин, Шеремет, Листьев, Мясук, Политковская, Юдина и мн. др.), угрозы "оторвать головы и забросить в лесу так, что ни один следователь, даже самый главный, никогда не найдет", отказы принять их заявления, уничтожения их аппаратуры и др. техники, а также их транспортных средств (нападение на микроавтобус с журналистами в Дагестане, направлявшегося в Чечню на проверку соблюдения прав человека) и др. Журналистов *прессуют, бьют, не пускают, лишают визы / аккредитации, увольняют, преследуют, арестовывают, судятся с ними, выдворяют* и др.

В подтверждение выше сказанному см. также материалы из Википедия, свидетельствующие об отношении определенных структур российского общества к работе некоторых журналистов: "Список журналистов, убитых на Украине". Только в одной Украине в 2014 году погибло более 10 человек, в 2015 го-

ду – 5 человек); по сведениям ЮНЕСКО с 2006 по 2013 в мире погибли около 600 журналистов. Самыми опасными для журналистов странами за этот период являются Ирак, Филиппины, Сирия, Сомали, Пакистан, Мексика, Гондурас, Бразилия, Россия, Индия, Афганистан и Колумбия. Согласно докладу Комитета защиты журналистов, Россия занимает пятое место в мире в списке самых опасных для журналистов стран (<https://russian.rt.com>). Статистика явно указывает на глобальность проблемы опасности работы журналиста в большинстве цивилизованных стран. И второй вывод из этой статистики – слово в 21 веке приобрело и закрепило новую функцию – смертогенную. Как тут не вспомнить слова известного поэта: *"Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется"*).

Справедливость вышеприведенного мнения о том, что некоторые журналисты СМИ, комментируя факты, события, действительно засоряют, оскверняют язык, подтверждается многочисленными примерами, цитируемыми в монографии (Шаховский 2016а). Особенно этим отличаются политик В. Жириновский, столь любимый всеми СМИ, которые с удовольствием транслируют на глаза и уши адресатов его непотребные высказывания, и некоторые журналисты "Эхо Москвы". По этическим соображениям самые вульгарные (даже обscene) неэкологемы в этой статье не приводятся (см., напр., Приложение 2 в (Шаховский 2016а)). С другой стороны, не могу не отметить неэкологичное, даже вульгарное, поведение некоторых журналистов и ЦТВ. Так, уже осенью 2016 года было несколько случаев скандального поведения ведущих отдельные программы: драки с приглашенными даже иностранными гостями, их публичное (эфирное) оскорбление вплоть до нецензурщины. Так что, видимо, назрело время кому-то серьезно поговорить и с самими журналистами и напомнить им их обязанности и функции. Полагаю, что такую журналистскую педагогику надо начать еще при обучении в вузе, а потом продолжить их работодателями при заключении с ними контракта на работу.

В другой своей статье журналист с более, чем полувековым опытом В. Сухнев перечисляет многочисленные случаи игры с языком, которыми болыны многие журналисты и которые они используют скорее для самоидентификации или, наоборот, для подражания. Примеры такой игры с языком, даже заигрывания с ним, см.: (Сухнев 2016), среди которых он особое внимание уделяет иностранщине, которой журналисты всех СМИ активно пользуются, затемняя смысл высказывания и делая его слишком вычурным. Этой же теме посвящена специальная статья, где в отличие от примеров В. Сухнева, приводятся примеры 2015-2016 гг. из самых разнообразных СМИ (Шаховский 2016б).

Здесь я могу привести несколько более свежих креативов, которые иногда переходят границы этикета: *добровольная бедность, репрессивное голосование, двуногая саранча, ампутация совести, гарант оставания, "политика – это хирургия", новая нормальность, черные полицейские, короли госзнаков, кубометры долларов, вертикалька, медийная фигурка* и мн. др. Игровыми являются и все эмоционально-экспрессивно-оценочно-стилистические номинации журналистов, формирующих синонимический ряд, в котором, как и положено, первое слово является нейтральным, а все остальные эмоционально-оценочно марки-

рованы, т.е. выражают мнение читателей / слушателей / зрителей и самих журналистов из другого СМИ: *журналист; журналистика vs журналиги; журнализы; журнаглисты; СМИюги; трепортер (каждый сам себе трепортер); параци; пишущая братия; жанр быстрого реагирования; борзописцы; Кремлевский пул журналистов; телепузики* и др. Помимо этих номенов журналистов, встречаются и такие эмотивно-неэкологичные, как *информатор, подметный информатор, доносчик, доноситель, стукач, «доброжелатель»* и др.

Словарь таких "игрем" / речем, изобретенных некоторыми журналистами и запущенными вначале в сознание пользователя СМИ, а потом и в массовый обиход, не улучшают ни качества языка, ни качество здоровья его пользователя. Интересна и такая реверсия, когда журналисты подхватывают речемы, именуемые новые контекстуальные понятия – народные креатемы из интернетных дискуссий и скандалов, слухов, сплетен и др. изобретений и запускают их тоже в информационные технологии. Получается, что креативная игра, пополняющая игровой фонд информационного поля, объединяет журналистов с их адресатом в сплошное игровое поле, доставляющее удовольствие / неудовольствие обеим сторонам.

И всё это не улучшает качество языка и не оздоравливает его, а упрощает, обедняет и скукоживает как шагреновую кожу. В связи с этим приведу мнение известного журналиста А. Минкина о такой динамике языка: "...за какие-нибудь 20 лет десятки миллионов людей перестали говорить по-русски"; "...богатая, могучая страна, которая тратит миллиарды на трамплины и виолончели, не смогла сделать привлекательным свой язык..."; "внутри родной страны язык сокращается, деградирует стремительно. Пушкина, Достоевского и Чехова уже надо переводить..."; "...то, что все население России якобы говорит по-русски, – это иллюзия. Ибо "сколько стоит" и "пошел на..." – это на уровне мяу-мяу и гав-гав..." (Минкин. – МК...).

Особенно таким речеповедением грешат т.н. "говорящие головы" и участники многочисленных ток-шоу. Например, в таких передачах, как "Поединок", "Вечер с В. Соловьевым", "60 минут с О. Скобеевой и Е. Поповым", ежедневная передача на ТВ "Прямой эфир" ("Россия-1") и мн. др. Во всех этих передачах наблюдается новый коммуникативный стиль: уличный, скандальный – с ором и базаром, даже крупных политических и общественных деятелей, доходящий до оскорбительных и обценных выражений. Конечно же, такой стиль является эмоциональным. По-другому, это разновидность стиля информационных эмоций. Такой стиль является и эмоциогенным. А поскольку он провоцирует у адресата, в основном, негативные переживания, чувствования, сенсуальность, то такой стиль, как видно из всех информем, представленных в вышеназванном поле, является явно неэкологичным, т.е. вредным как для здоровья языка, так и для здоровья человека. Он явно вызывает отрицательное психоэмоциональное состояние, затемняющее рациональное восприятие окружающего мира. На мой взгляд, было бы лучше, если журналисты подумали бы о психогигиене и, прежде всего, о повышении уровня экологичности информационных сообщений.

Неоднократно многими лингвистами и журналистами отмечалось, что нас информируют больше о негативных событиях: пожары, наводнения, взрывы,

теракты, аресты, посадки, взятки в высших эшелонах власти, государственная активизация православия, ее вмешательство во все сферы светской жизни, в работу законодательных и исполнительных органов, преследование неверующих и т.п. Естественен вопрос, который подняли депутаты гос. думы прошлого созыва в 15-ом году о разработке закона по ограничению негативной информации в СМИ до одной трети, но такой закон не получил поддержки, о чем и сообщили все СМИ. Измерение количества и качества событий, проводимое самими же СМИ, выдает статистику, явно, не в пользу их экологичности, т.е. полезности для адресата и для имиджа страны. Всё-таки адресат ожидает позитивных событий, изменений в жизни страны и в качестве своей собственной жизни. По моему мнению, некоторые СМИ порой сознательно утрируют и экспрессивизируют негатив, транслируют его на адресата. Хочется напомнить нашим уважаемым СМИ мысль Э. Золя: "Если Вы зароете правду в земле, она непременно вырастет и взорвется с такой силой..." – что мало не покажется.

Возникает вопрос ко всем журналистам всех СМИ: а действительно ли столь необходимо обывателя информировать о всех негативных событиях в стране да еще с такими кровавыми деталями – разорванные тела после авиакатастроф, отрезанная голова младенца, мальчика, распятого на кресте, изнасилованная школьница ГДР и т.п.? Какую цель преследуют журналисты, воспроизводя по несколько раз такие новостные детали. Неужели они искренне хотят сформировать негативный имидж нашей страны в головах своих сограждан или они пытаются вызвать такой имидж только у наших врагов? Им что, нужно создать представление о том, что "мир сдвинулся с места (и перевернулся); мир катится к хаосу и беззаконию" (Кинг, Темная башня). Адресат желает получать новостную привлекательность. Не может быть, чтобы в такой огромной стране не делалось ничего позитивного. Очень хочется попросить журналистов перестать нас "накачивать ненавистью" и без конца говорить о том, что все враги: и вокруг нас, и внутри нас. Невольно чувствуешь себя врагом, непонятно чьим. Как известно, дети рождаются с истинными взглядами, а потом мир портится в их глазах и они тоже. Под влиянием таких СМИ у детей формируется кривизна мнений. Но потом "она выпрямляется под влиянием пропаганды". И опять благодаря журналистам.

Эмотивная лингвоэкология как новое направление лингвистики эмоций поднимает и пытается решить вопрос о том, чтобы у каждого публичного человека и просто грамотного, культурного человека, а также, соответственно, у каждого журналиста со студенческой скамьи был привит такой компонент его коммуникативной компетенции как внутренний экологический цензор. А для его формирования все журналисты должны обладать экологическим интеллектом и экологическим мышлением. Важнейшим из параметров лингвоэкологичности является параметр этичность.

Градационная октава эмоциональных признаков и конкретизаторов, реализуемых журналистами в своих текстах различных СМИ, колеблет общественную жизнь людей, ибо СМИ – мощный эмоционально-энергический медиатор между реальной жизнью и ее восприятием пользователями СМИ (об энергетике эмоций см.: (Бойко 2016). Отсюда непреходящая проблема "Язык и общество".

Как уже неоднократно упоминалось во множестве лингвистических работ, О. Есперсен утверждал, что слова являются мильными камнями истории. А это значит, что креатемы, создаваемые журналистами и используемые ими в своих публикациях, отражают современную эпоху и по ним можно реконструировать эту эпоху даже через многие годы и судить о ее морально-этическом, политическом и социальном духе (см. о креатемах: Шаховский 2016б).

Статья названа "Многоязычие стилей эмоций в современной журналистике" и это неспроста: судя по лексическому и лексико-синтаксическому информационному полю номенов, уже только одни номены указывают на то, что можно выделить следующие наиболее яркие стили эмоций:

- 1) игривый: *инфотеймент, бручо, трампотня и др.*;
- 2) иронический: *"Лучше Познер, чем Джигурда", Русь сидящая, сидельцы, гнездо Чубайса, культура бедности и др.*;
- 3) критический: *деньгиroidы, деньгидой и др.*;
- 4) шуточный: *трендяшка, вошка, фейсбушка, палка-самощелка, себяшка и др.*;
- 5) саркастичный: *кадыринки, диссертационная помойка, кагорная проповедь и др.*;
- 6) диффамационный: *СМАП (средства массовой пропаганды) и др.*;
- 7) оскорбительный: общеизвестен случай, когда СМИ проводило конкурс на лучшее оскорбление Президента; *морда власти, "конченная мразь", эпидемия вранья, бандерлоги, мозготрах, министерская гельминтократия и др.*;
- 8) стиль эмоциональных запахов: *блевотина телевизионная, мочизм: радикальный мочизм, замочить бандита в сортире, замочить демократию в сортире, недо / говно пармезан, жареные факты / новости и др.*
- 9) стиль цветных эмоций: *черная пятница, черный вторник, черные реелторы, черный рынок, черные полковники, зеленые человечки, серая зарплата, "60 оттенков серого", белоленточники, оранжевая/розовая/многоцветные революции, многоцветные уровни пожароопасности / террористической угрозы, цвета, обозначающие возрасты жизни – зеленый, седой, ночные волки (а ночь темная), черные мысли, темные делишки, черная зависть / месть / клевета и др.*;
- 10) аморальный стиль эмоций: *вербальное / авербальное поведение некоторых чиновников, депутатов Думы и политиков, а также самих журналистов и др.*;
- 11) драматический стиль эмоций: *избиение, калечение, убийство, поджоги, изнасилование и др.*;
- 12) поэтический стиль эмоций: *сюда можно отнести и сезонные номинации периодов жизни человека – весна, лето, осень, зима и др.*

Разумеется, данный перечень стилей эмоций современной журналистики не пределен. Можно выделить ряд других стилей с привлечением другого журналистского продукта. Но и данный список говорит о многоязычии стиля эмоций, "прописанных" в современных СМИ.

В заключение хотелось бы заметить, что время частично изменило функции журналистики и личность журналиста. Поэтому, как видно по состоянию

современных СМИ, и с духом, и с культурой не все спокойно и однозначно "в нашем королевстве", и прежде всего в области экологии журналистики. А также это касается и другой области – формирования у пользователей СМИ правильного, адекватного кругозора и восприятия мира.

Считаю необходимым, хотя бы частично, расшифровать такой суммативный вывод через следующую конкретику:

1. Глобальное изменение мира и качество коммуникации и средств коммуникации потребовали другой журналистики и другой журналистской личности (новые каналы ТВ, замена прежних, новые программы и дикторы на ТВ / радио, новые авторы, другой язык / речь и др.). Соответственно, изменились и некоторые функции журналистики и самих журналистов.

2. Особенно это стало заметно в связи с появлением Интернета, благодаря которому получатели информации стали обходиться во многом и без журналистики, т.к. у них появилась возможность самим общаться между собой напрямую. Интернет, особенно социальные сети, стали местом для дискуссии и полемики пользователей всех СМИ. Стали говорить: "Публикации в соцсети", т.е. Интернет включен в медиaprостранство. А еще одна функция СМИ – выполнение функций заора, на котором раньше писали матерные слова.

3. Судя по номинативному полю информационного пространства и по тем языковым знакам (лексическим и синтаксическим), все жанры современных СМИ характеризуются разными стилями транслируемых и провоцируемых эмоций: эмоционализация, экспрессивизация, вульгаризация. Представляется также возможным говорить о смешанных эмоциях внутри стандартных стилей, которые трудно разграничить с достаточной степенью определенности. Это объясняется тем, что их разграничение зависит от конкретной коммуникативно-эмоциональной ситуации, связанной с конкретным событием, фактом, происшествием и т.п. Получается, что в современной психоэмоциональной напряженности в обществе четкая градация стилей невозможна. Доказательством является поведение СМИ, отражающих информационную вербалику и авербалику чиновников власти всех уровней и сфер деятельности.

4. Отмечается многоязычие стилей эмоций новой журналистики и варьирование их тональностей (полифония), у каждого СМИ также наблюдается свой эмоциональный стиль как конкретизатор общей эмоциональности всех СМИ.

5. Одним из результатов работы современных СМИ является заметная деформация сознания получателей информации и изменения в культурном коде русского языка.

6. Заигрывания журналистов с языком: юродствование, неэкологичные креатемы, смешение функциональных стилей слова, надуманное словопреобразование и т.п., не улучшают качества современной журналистики, здоровье языка и здоровье получателей информации.

7. Согласно фонду общественного мнения 51 % населения не доверяют информации в СМИ о состоянии экономики России (замеры в ноябре 2016). Насколько лично мне известно как получателю информации от разных СМИ, у населения нет доверия к СМИ не только по экономическим вопросам. Это объясняется прежде всего тем, что недостоверные варианты одной и той же ин-

формации, одновременно поданные разными источниками, не только противоречивы, но и противоречивы и даже не признаются достоверными, и спустя некоторое время, опровергаются самими же СМИ. Возникает естественный вопрос: почему перед обнародованием информация никем не верифицируется?

Цитируемая литература

Бойко В.В. Энергия эмоций. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 474 с.

Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. 2003 / <http://dic.academic.ru> (Дата обращения: 05.11.2016.)

Веллер М. (Эхо Москвы. Эфир от 16.10.2016 "Подумать только") / см. полный текст: http://echo.msk.ru/programs/just_think/1856364-echo/

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. и сверено с авториз. англ. переводом И. Добронравовым, Д. Лахути . – Москва : Изд-во иностр. лит., 1958. – 133 с.

Кинг С. Темная башня / <https://audioknigi.club/series>

Лоренц, К. Агрессия (так называемое зло); пер. с нем. / К. Лоренц. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 272 с.

Минкин А. Русская национальная идея и толпа. – МК № 27251 от 11 ноября 2016

Сухнев В. Газета через сто лет (The Newspaper in 100 Years' Time) // Мир через сто лет: сборник статей. На англ. и рус. яз. /Предисл. И.С.Иванов. НП РСМД – М.: НП РСМД, Весь мир, 2016. – 408 с. (рус.), 368 (англ.).

Сухнев В. Говорим и пишем по-русски // Стратегия России, № 4, 2016, с.79.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. – Волгоград: изд-во ИП Поликарпов, 2016а. – 504 с.

Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. – № 2. – 2016б. – С. 324-333.

Яньшин П.В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – 218 с.

<http://dic.academic.ru> (Дата обращения: 05.11.2016.)

<http://ru.wikipedia.org> Журналистика

<https://russian.rt.com>

*Канд. филол. н. А.А. Штеба (Волгоград)
alexchteba@yandex.ru*

СУММАТИВНОСТЬ СМЕШАННЫХ ЭМОЦИЙ

Эмотивность является свойством и неотъемлемым атрибутом семантики любого словесного знака. Она динамична и поливалентна, что обуславливает принципиальную возможность многократной смены оценочного знака слова в зависимости от коммуникативной ситуации и интенции говорящего.

Многоголосие внутреннего мира человека не может не отражаться на особенностях использования языка в соответствии с целями коммуникации. Нужно говорить не только о разного рода мене регистра, стиля общения, стилистической окрашенности речи в зависимости от коммуникативной ситуации, но и о «переключении» бесконечного множества субличностей, организующих целостность человека. М.Н. Эпштейн в контексте излагаемых положений указывает на появление нового типа личности – мультивидуум, который являет собой транскультурный [Эпштейн, 2015, с. 20] и, шире, трансжанровый, трансличностный тип личности, поскольку порождение многоголосного текста является продуктом многоголосной личности (ср.: *Comme il était bon, non pas d'être une autre, mais d'être cinquante autres* (A. Nothomb). – *Я никогда не чувствовала себя такой мозаичноподобной, – подумала она. – Как бы было хорошо стать не другой, а пятьюдесятью другими. – Пер. наш. – А.Ш.*) Поэтому положения об амбивалентности языковой личности [Котова, 2008] явно недостаточно для постижения природы внутреннего мира человека.

В результате своей поливекторной рефлексивной деятельности со словом многоголосие говорящего продуцирует многоголосный текст, что тем самым вносит неопределенность в систему языка. Однако нарушение интегративности системы актуализирует другую ее важную характеристику – суммативность, препятствующую проявлению системности [Берталанфи, 1969]. Эмоционально-смысловые модуляции семантики слова объясняются многоголосием личности и могут обнаруживаться в различных формах. Говорящий может прибегнуть к словотворчеству (*Теперь они видели друг друга. В возрасте. В возрасте. В жизненном.* (Арундати Рой. Бог мелочей); *Бен клял свою победу-поражение* (Р. де Са Морейра. Не теряя времени)), к преобразованию устойчивой эмоциональной составляющей слова, трансформации нейтрального слова в эмотив или к смешению эмоций.

Вне зависимости от имплицитной (*Мне хотелось встать и успокоить его, сказать, что ничего страшного не произошло, хотелось пойти и оттаскать его за волосы так, чтобы выступила кровь* (М. Канингем. Дом на краю света)) или эксплицитной формы выражения (*В сердце юноши кипела ревность и бешеная ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой* (О. Уайлд. Портрет Дориана Грея)), смешанные эмоции дестабилизируют лексическое поле эмотивности, приводят его в состояние неравновесности. Но возникающее суммативное понятие, аккумулирующее две и более эмоции, приводит к необходимости упорядочивания элементов и, тем самым, преобразует парадигму средств выражения эмоций в более гибкий инструмент, характеристики которого соответствуют характеристикам языковой личности.

Создание смешанной эмоции не имеет формально-содержательных ограничений, поскольку общей семей, которая позволяет объединение одно- и разнооценочных имен эмоций, становится 'эмоция'. В амбивалентных смешанных эмоциях может происходить столкновение оценочных знаков, что усложняет их восприятие, но при этом позволяет говорящему более полно и адекватно внутренним переживаниям выразить эмоциональное состояние. Однако характерные содержательные признаки эмоций, соединяемых в целое с помощью созда-

ния смешанной эмоции, размываются: *Сидя рядом с Баттистой, еще не хлопнув дверцы, она глядит на меня, и я вижу в ее растерянном взгляде то было нечто совсем новое, но осознал я это только теперь, когда пишу эти строки, мольбу, упрек, смешанные с отвращением* (А. Моравиа. Презрение).

В результате смешения или семантической фузии *мольба* и *упрек* в приведенном выше примере перестают соответствовать общепринятому пониманию, поскольку каждое из обозначенных эмоционально-окрашенных состояний сопровождается эмоциогеном в форме отвращения.

Таким образом, смешанные эмоции приводят не только к созданию суммативного, пренебрегающего свойствами интегративности понятия, но и являются синкретичными, поскольку в них совмещаются процессы одновременно эмоционального и рационального познания внутреннего мира.

Цитируемая литература

Берталанфи Л. Общая теория систем. – М.: Системное моделирование, 1969.

Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика. – Автореф. ... докт. филол. н. – Краснодар, 2008.

Эпштейн М.Н. Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. – 2015. – № 1. – С. 16-24.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

*Канд. психол. наук О.В.Брекина (Орехово-Зуево)
Oxana.brekina@mail.ru*

ДВИЖЕНИЕ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ У ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Мыслительная деятельность как психологический феномен привлекает внимание ученых уже более полутора столетий. Начиная со второй половины 19-го века, ученые занимались составлением и разработкой методик диагностики, коррекции и развития мыслительной деятельности у детей с ограниченными возможностями. В нашей стране особенности мыслительных операций у учащихся с нарушенным интеллектом исследовались в разные годы в работах Л.В. Занкова (1939), М.В. Зверевой (1953), Е.И. Липецкой (1974), И.М. Соловьёва (1966), М.С. Певзнер (1963), В.И. Лубовского (1975), Б.В. Зейгарник (1969), Л.С. Выготским и Ж.И. Шиф (1975).

Для мышления детей с ограничениями по здоровью было выявлено нарушение всех мыслительных операций, в большей степени обобщения и абстрагирования, активность всех мыслительных процессов таких детей снижена. Ориентировочная деятельность ребенка с нарушенным интеллектом ослаблена, у него нет настоящей потребности мыслить обобщенно, речь как основной инструмент мышления, как правило, недоразвита. Переход от конкретного к обобщенному мышлению для такого учащегося крайне затруднен. Ему трудно выделить существенные признаки, проводя сравнение различных предметов. Наиболее сохранный вид мышления у такого ребенка – наглядно-действенный, способности к формированию обобщенного мышления развиваются очень слабо и медленно. Кроме того, мыслительная деятельность этих детей характеризуется стереотипностью, тугоподвижностью и недостаточной гибкостью. Для них характерно отставание в темпе развития всех видов мышления, особенно логического, недостаточно сформированы и все мыслительные операции. Мыслительная деятельность в целом характеризуется не критичностью и низкой мотивацией. Однако опыт показывает, что если ребенок овладел какими-то положительными навыками и привычками, в том числе и в учебной, интеллектуальной работе, он уже дорожит ими и старается максимально использовать их в своей деятельности, продемонстрировать, чтобы получить положительное подтверждение своей успешности со стороны социума. И развитие способности к обобщению также возможно, только в более длительные сроки по сравнению с обычными детьми и с использованием специальных методов обучения.

За годы своего существования коррекционная педагогика накопила немало средств обучения, развития и реабилитации детей с нарушениями интеллектуальной деятельности. Это и дидактические игры и упражнения, и игры по развитию и воспитанию сенсорной культуры детей; активно используется коррекционное влияние природных факторов, животных и многое другое. На сего-

дняшний день современная практическая психология располагает значительным арсеналом средств коррекции как познавательных процессов, так и всей мыслительной деятельности детей в целом. Однако представляется очевидным, что еще не все возможности по поиску новых форм и способов коррекции умственной деятельности исчерпаны, и еще не все ресурсы окружающего мира и жизни людей задействованы. Одной из таких форм коррекционного влияния на протекание мыслительной деятельности у детей с нарушениями интеллекта является движение.

Известно, что модель обучения детей с интеллектуальной недостаточностью ориентирована на модель обучения детей без ограничений по здоровью, то есть на школьный тип обучения – малоподвижный, с многочасовыми сиденьями за партами в школе и выполнением домашних заданий дома. При этом не всегда учитывается естественная для ребенка потребность в движении, используются его физиологические и возрастные особенности. В лучшем случае движение применяется педагогами и психологами как способ для проведения физкультурминуток и пауз для отдыха, проведения досуговой деятельности. А ведь движение необходимо для учения, оно пробуждает и активизирует многие умственные способности. Так, движения головы приводят наши органы чувств в соответствующее положение для восприятия окружающей информации; движения глаз позволяют человеку видеть на большом расстоянии, в трехмерном измерении, организовывать периферическое зрение и фокусировать взгляд на мелком тексте. Благодаря тонким движениям руки мы можем касаться и манипулировать различными объектами мира бесконечно сложными и разнообразными способами. В мышцах и телесной памяти, памяти структуры тела отпечатаны знания не только того, как мы сидим, стоим, ходим или бегаем, но и где в данный момент находимся, как можем двигаться дальше. Движение помогает нашему лицу выразить радость, печаль, злость, понимание и любовь. В конце концов, оно способствует встраиванию и закреплению нового опыта и информации в нейронных сетях. К сожалению, ресурсные возможности движения используются в обучении и коррекции крайне мало.

Каким же образом движение может помочь ребенку, тем более с ограниченными возможностями здоровья, овладеть основными компонентами мыслительной работы и тем самым улучшить деятельность учебную? Основатель теории телесно-кинестетического интеллекта Говард Гарднер [К.Ханнафорд, 1999] еще в 1985 г. писал: «Описание использования тела в качестве разновидности интеллекта может в первый момент покорибить. В нашей недавней культурной традиции существовало радикальное разделение мыслительной деятельности, с одной стороны, и действий физической природы, с другой. Разрыв между «умственным» и «физическим» довольно часто соседствовал с мнением: то, что мы делаем с помощью своего тела, в какой-то степени менее важно, менее «особенно», чем работа по решению проблем, осуществляемая главным образом через использование логики, языка или какой-то другой, относительно абстрактной системы символов» [К.Ханнафорд, 1999]. По его мнению, как и по мнению нейробиолога Роджера Сперри [К.Ханнафорд, 1999], следует посмотреть на мышление как на инструмент, направленный на конечный этап выпол-

нения действия. «...Следует принять концепцию деятельности мозга как средства привнесения дополнительного смысла в моторное поведение, направления его к более далеким целям и придания ему дополнительной адаптивной ценности» [К.Ханнафорд, 1999].

Роль движения в мыслительной деятельности подчеркивал и великий русский физиолог И.М. Сеченов, называя движение «законченной мыслью». Мысль и движение можно объединить через навык, а навык любого вида требует освоения движений мышц. То есть обучение любым видам деятельности, в том числе и учебным, происходит через овладение двигательными навыками. Однако о роли движения в коррекции мыслительной деятельности практически ничего неизвестно, при этом психологи активно используют в психологической диагностике двигательные пробы, такие как простая ходьба, ходьба с упражнениями, выполнение сложных двигательных программ, пробы динамического праксиса и так далее. Многие коррекционные программы, рассчитанные на работу с детьми с недоразвитием, содержат в себе элементы движения, направленные, в первую очередь, на разминку перед выполнением основных занятий, на улучшение настроения, стабилизацию эмоционального состояния, однако собственно двигательных программ коррекции познавательных процессов на сегодняшний день известно немного.

Мы рассмотрели использование спортивных бальных танцев как методики, направленной на коррекцию мыслительной деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья. Экспериментальное исследование и проведенная коррекционно-развивающая работа в форме танцевальной терапии показали, что танец в качестве метода коррекции психической, в первую очередь, умственной деятельности детей с недоразвитием представляется вполне уместным и весьма эффективным.

В качестве диагностического метода был использован групповой интеллектуальный тест ГИТ для детей 9-12 лет, учащихся младшей школы МОУ СКОШ № 5 г. Орехово-Зуево.

Тест позволяет выявить, насколько ребенок овладел предлагаемыми в задании словами и понятиями, а также может ли он выполнять с ними некоторые логические действия.

Собственно уровень умственного развития определяется по результатам шести субтестов. Это:

- Исполнение инструкций;
- Арифметические задачи;
- Дополнение предложений;
- Определение сходства и различия понятий;
- Числовые ряды;
- Установление аналогий.

Таким образом, тест ГИТ затрагивает интеллектуальные способности, связанные и с математическими действиями, и с вербальными. Кроме того, есть седьмой субтест – «Символы». Он не используется в оценке умственного развития ребенка и анализируется отдельно. Собственно интеллектуальные (мыс-

лительные) характеристики им не оцениваются. Данным субтестом проверяются возможности ребенка к выполнению простой умственной работы.

Очевидна *прогрессия уровня умственного развития* у 29% школьников, еще у такого же количества учащихся улучшение выражено незначительно и еще у 29% учащихся уровень умственного развития остался без изменений. *Улучшение скорости выполнения простой умственной работы* показали 72% учащихся. В 14% случаев этот прием мыслительной деятельности остался без изменений.

Для оценки эффективности проведенной коррекционной работы с точки зрения математической статистики мы использовали t-критерий Стьюдента.

Для диагностики двигательной сферы ребенка до и после коррекционной работы проводились нейропсихологические пробы по методике А.Р. Лурия [В.Б.Никишина и др., 2013]. На наш взгляд, интерес представляют изменения, которые показали двигательные пробы.

Количественная оценка проб проводится по четырехбалльной шкале:

0 – ребенок выполняет предложенную экспериментальную программу без дополнительных разъяснений;

1 – есть ряд мелких погрешностей, исправленных ребенком самостоятельно;

2 – ребенок выполняет задание с нескольких попыток, после подсказок и наводящих вопросов экспериментатора;

– задание недоступно даже после развернутой помощи экспериментатора.

Для диагностики двигательной сферы используются следующие пробы по методике А.Р. Лурия:

1. Кинестетический праксис (позы пальцев рук):

2. Кинетический (динамический) праксис:

3. Пространственный праксис:

Из восьми проб для диагностики двигательной сферы возрастной нормой для 9-10 лет считается самостоятельное выполнение (оценки 0 или 1) первых семи заданий.

После проведения коррекционной работы *улучшились результаты проб* у 86% учащихся. При этом у 43% *результаты нейропсихологических проб двигательных функций вошли в возрастную норму*, чего не было до проведения коррекционной работы.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что коррекционная работа в виде спортивных бальных танцев частности и организованного движения вообще положительно влияет как на интеллектуальную, так и на двигательную сферы у детей с ограничениями мыслительной деятельности. Танцы как средство развития и социализации доступны для детей с особенными образовательными потребностями. Остается надеяться, что с каждым днем все большее число психологов и педагогов, наряду с традиционными методами коррекции психического развития детей, будут применять танец и другие телесноориентированные формы коррекционного воздействия в своей практической деятельности.

Цитируемая литература

Никишина В.Б., Петраш Е.А. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей : Практическое руководство. – С.-Пб., 2013.

Ханнафорд Карла. Мудрое движение. Мы учимся не только головой. – М., 1999.

Старк Арлин. Танцевально-двигательная терапия [Электронный ресурс]. – URL: www.girshon.ru

Уайтхаус Мэри Старк. Танцевальное движение и бессознательное [Электронный ресурс]. – URL: www.girshon.ru

*Канд. пед. наук Е.П.Ильчинская (пос. Электроизолатор Моск.обл.)
ilchinskaya.06@mail.ru*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Культурологический подход обусловлен тем, что каждому виду человеческой деятельности как целенаправленной, мотивированной, культурно организованной присущи свои основания, оценки, критерии (цели, нормы, стандарты и т. д.) и способы оценивания. Этот аспект культурологического подхода предполагает такую организацию образовательного процесса, которая обеспечивала бы изучение и формирование ценностных ориентаций личности. Последние представляют собой устойчивые, инвариантные, определенным образом скоординированные образования («единицы») морального сознания, основные его идеи, понятия, «ценностные блага», выражающие суть нравственного смысла человеческого бытия и опосредованно наиболее общие культурно-исторические условия и перспективы.

Другой аспект культурологического подхода связан с пониманием культуры как специфического способа человеческой деятельности. Именно деятельность является тем, что имеет всеобщую форму в культуре. Она – ее первая всеобщая определенность. Категории «культура» и «деятельность» исторически взаимообусловлены. Достаточно проследить эволюцию человеческой деятельности, ее дифференциацию и интеграцию, чтобы убедиться в адекватном развитии культуры. Культура, в свою очередь, являясь универсальной характеристикой деятельности, как бы задает социально-гуманистическую программу, и предопределяет направленность того или иного вида деятельности, ее ценностных типологических особенностей и результатов. Таким образом, освоение личностью культуры предполагает освоение ею способов практической деятельности, и наоборот.

Культурологический подход обусловлен объективной связью индивида и культуры. Индивид – носитель культуры. Он не только развивается на основе объективированной сущности человека (культуры), но и вносит в нее нечто принципиально новое, т. е. становится субъектом исторического творчества (К. А. Абульханова-Славская). В связи с этим в русле личностно-творческого

аспекта культурологического подхода освоение культуры следует понимать как проблему изменения самого человека, его становления как творческой личности.

Реализация культурологического подхода дает возможность переосмыслить специфику преподавания иностранного языка. Центральными проблемами методик преподавания иностранного языка в вузе являются вопросы определения целей, а также содержания обучения, адекватного им, при разработке которых наиболее эффективными представляются идеи об обучении не просто языку, а иноязычной культуре в широком смысле этого слова.

Система преподавания иностранного языка в рамках культурологического подхода включает в себя единство:

- 1) целей содержания, методов, средств, процесса обучения деятельности и взаимодействия преподавателя и студентов;
- 2) автономных форм деятельности обучаемых (учения);
- 3) контроля обучения;
- 4) социокультурного фона, среды обучения, обусловленных социальным заказом общества на подготовку специалистов.

Обучение иностранному языку нельзя отделять от будущей специальности студентов. Можно конкретизировать следующие компоненты преподавания иностранного языка в вузе:

- 1) ситуации общения, отражающие повседневные бытовые потребности;
- 2) ситуации контактного общения личностного характера;
- 3) ситуации общественно-политического характера;
- 4) ситуации профессионального общения.

Обучение иностранному языку в рамках культурологического подхода таким образом, можно определить как совместную деятельность преподавателей и студентов, когда первые передают знания, умения и навыки студентам (обучение), а вторые усваивают эти знания, умения и навыки (учение) как социальный процесс, обусловленный потребностями развития общества, как процесс присвоения общественного, социально-экономического опыта, позволяющего обучаемому активно и адекватно действовать.

Культурологический подход предусматривает, что преподавание иностранного языка в вузе должно отвечать взаимодополнительности и взаимосвязи компонентов учебной деятельности на основе соединения обучения теории профессионального языка с индивидуальными потребностями и ценностными ориентациями студентов.

Процесс обучения иностранному языку состоит из двух компонентов:

- 1) приобретения знаний;
- 2) развития умений и навыков (знания формируются в результате предметных действий, которые после усвоения становятся умениями, а по мере их автоматизации – навыками).

Приобретение знаний является центральной частью процесса обучения. В него включаются восприятие, осмысление, запоминание и овладение учебным материалом, что дает возможность обучаемым свободно пользоваться иноязычной лексикой. Второй компонент обучения иностранному языку в русле

культурологического подхода связан с формированием умений и навыков. К ним традиционно принято относить речевые умения (умение говорить, аудировать, читать и понимать и т. п.), навыки употребления лексики, грамматики или произносительные навыки, входящие как элементы в состав речевых умений. Данные умения позволяют формировать языковое чутье; устойчивую мотивацию постоянной работы с иностранным языком; использовать иностранный язык для получения определенной информации (чтение журналов, газет, толковых словарей, и тому подобное), что делает данный язык незаменимым в познавательной деятельности обучаемого, вместе с тем сам иностранный язык усиливает общую познавательную деятельность обучаемых, а следовательно, повышается и мотивация изучения языка.

В рамках культурологического подхода необходимо учитывать внутренние ценностно-мотивационные установки студентов. В своей работе в ходе преподавания мы опирались на ряд исследований, которые предлагают различные формы обучения иностранному языку, которые взаимосвязаны и взаимозависимы с содержанием обучения. Ученые, исследующие мотивацию усвоения иностранного языка, выделяют целый ряд видов мотивации с учетом индивидуального развития потребностей обучающихся. В рамках неязыкового вуза представляют интерес следующие виды:

- 1) коммуникативно-мотивационная, определяющаяся на основе потребностей в общении;
- 2) лингво-познавательная мотивация, основанная на стремлении обучаемого к познанию языковых явлений;
- 3) профессионально-ориентированная, базирующаяся на получении профессиональных знаний студентами с помощью изучения иностранного языка.
- 4) страноведческая мотивация, зависящая от тематики и эмоциональной заинтересованности учащегося.

Все это придает заданиям и упражнениям, всей учебной деятельности коммуникативно-мотивационный характер.

Согласованность преподавания и способов подачи материала с реальными возможностями и профессиональными интересами студентов способствует формированию положительной мотивации. Такой подход к обучению иностранного языка в неязыковом вузе во многом обеспечивает не только более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и содержит огромные возможности для вызова и дальнейшего поддержания мотивации учения.

Итак, реализация культурологического подхода в процессе преподавания иностранного языка, как показывает теоретический анализ и опытно-экспериментальная работа, создает условия преподавания иностранного языка, которое согласно данным требованиям должно быть направлено, прежде всего, на широкую общекультурную подготовку через углубления изучения в данном контексте конкретной области знания, соответствующей их профессионализации.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМА ПРИ ОБУЧЕНИИ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ.

Знание языка – это не только знание отдельных слов, но и умение правильно сочетать слова. При обучении иностранному языку основные трудности вызывает именно составление правильных словосочетаний. Это связано с тем, что слова, выражающие сходные понятия в языках – родном и иностранном – различаются по содержанию. Эти отличия четко проявляются на уровне синтагматики – в словосочетаниях. Л.В. Щерба отмечает, что в значении слова то, что составляет его содержание, является одновременно и лексическим правилом его употребления. Отсюда вывод: употребление в речи слов без осознания особенностей их семантики исключает возможность овладения речью на иностранном языке.

Мы предлагаем алгоритм, который обеспечивает формирование сознательного я потому наиболее прочного умения пользоваться средствами языка, а именно: умение выбрать одно из двух синонимичных прилагательных величины для составления правильного именного словосочетания.

К прилагательным величины относятся прилагательные, имеющие содержанием в своем прямом значении указание на пространственную характеристику объекта, т.е. на протяженность предмета в пространстве. Анализ синтагматических связей прилагательных величины в современном французском языке позволил выявить наличие признака «ведущей пространственной характеристики» в значении имен материальных объектов.

При этом было отмечено, что указанный признак относится к так называемым «фоновым знаниям», т.к. обычно не находит отражения в словарных толкованиях, относится к той семантической информации, которая представляется самоочевидной для носителей языка и не требует экспликации при толковании в словаре. Но с силу различий культурно – исторического развития, географических, климатических и прочих условий развития и жизни народов, говорящих на разных языках, мы обнаруживаем особенности семантики даже в значении слов, называющих самые обычные предметы, что накладывает ограничения при формировании адекватных словосочетаний.

Наш алгоритм имеет вид предписания – серии операций, имеющих целью выделение в значении имени определенных семантических признаков, которые характеризуют называемый объект относительно его протяженности в пространстве.

Цель алгоритма – наиболее рациональным способом научить составлению словосочетаний с прилагательными величины во французском языке.

Особенность этой обучающей программы состоит в том, что выполнение задания требует опоры на наглядный образ, и обучение семантическому анализу требует сочетания наглядных и словесно-логических компонентов мышления. Таким образом, формирование умения составлять правильные атрибутив-

ные сочетания ориентирует на осознание связи мыслительного образа предмета и структуры значения имен, называющего этот предмет.

Уяснение этой связи является предпосылкой сознательного выбора прилагательного в качестве определяющего при имени существительном.

Очевидно, что любой материальный предмет может быть охарактеризован с точки зрения его размера, его протяженности в пространстве. Например, «длинная дорога», «большая комната», (ср. во французском языке: «un long chemin», «une grande salle» и т.д.). В результате мы имеем развернутую модель возможных словосочетаний имени с синонимичными прилагательными величины типа *grand*, *gros*, *long*, *haut*.

Анализ конкретного языкового материала позволяет обнаружить закономерности корректного выбора прилагательного, т.е. закономерности составления правильных словосочетаний «существительное + прилагательное» в зависимости от пространственного образа предмета, отраженного в значении его имени и базового признака пространственной характеристики в значении прилагательного.

Рассмотрим прилагательные *gros* и *grand*, которые являются синонимичными, согласно данным словарей. Синонимические и толковые словари французского языка не объясняют разницу в значении данных прилагательных.

Здесь вызывает затруднение выбор одного из близких по значению прилагательных – *gros* и *grand* – «большой по объему» при описании живых существ во французском языке. О домашней кошке можно сказать «un gros chat», а словосочетание «un grand chat» уже переведет животное из разряда домашних в категорию диких, типа рыси, барса, ср.: *une espèce de grand chat*.

Аналогично – для прилагательных *grand* и *long* в значении «длинный», *grand* и *haut* в значении «высокий», *grand* и *large* в значении «большой по площади». Заметим, что у носителей языка выбор правильного прилагательного не вызывает затруднений, но при обучении французскому языку как иностранному умение правильно выразить свою мысль формируется с большим трудом.

Как известно, правильным является словосочетание прилагательного и существительного, если в их содержании нет так называемых «несовместимых» признаков, т.е. противоречащих или взаимоисключающих друг друга. Составление правильного с точки зрения семантики языка словосочетания определяется законом семантического согласования. Соответственно, для построения правильного словосочетания необходим предварительный анализ семантики прилагательного и существительного. Этот анализ должен выявить те признаки в структуре прилагательного и существительного, которые определяют возможность их сочетания для обозначения конкретного предмета, такого, каким он мыслится носителями языка.

В описании значений прилагательных величины и их функционирования в словосочетаниях мы отходим от принципов анализа, обычно применяемых к прилагательным, в частности, в трудах А.Греймаса, В.Тодорова, К.Журицкого. Новизна подхода заключается в том, что в значении существительного, обозначающего материальный объект, не просто отражается его «пространственный образ». Значение имени существительного во французском языке включает

признак ведущей пространственной характеристики предмета, т.е. указание на то, с каким базовым онтологическим образом ассоциируется объект – линия, плоскость или объем / емкость. И прилагательные величины реализуют различные свои значения в сочетании с именами различных разрядов. Так, возвращаясь к ранее упомянутым *grand*, *gros* и *large*, отметим, что каждое из них является многозначными реализует разное значение в зависимости от типа называемого именем предмета. Так, *gros* имеет значение «большой по объему» в сочетании *une grosse goutte*, но «широкий, большой по площади» в словосочетании *une grosse tache*. И «толстый, грубый (о ткани, материале)» в сочетании с названиями одежды, обуви: *une grosse toile; de grosses chaussures*.

Наш алгоритм не ставит целью составление всех возможных правильных адекватных словосочетаний данного типа, но лишь основных, которые могут рассматриваться в качестве необходимых и достаточных и которые могли бы были быть включены в силу своей употребительности в словари-минимумы.

Цель обучения данному алгоритму – заменить множественный выбор между прилагательными – синонимами на двойственный, который противопоставляет каждый раз не более двух прилагательных, и лишь по одному дифференциальному признаку. Непосредственно этапу обучения составлению правильных словосочетаний должна предшествовать система упражнений на распознавание существительных относительно категории одушевленности / неодушевленности, плоскостности/объемности, фиксированности / нефиксированности по вертикали и т.п.

Интерес этого вида работы состоит в том, что учащиеся знакомятся не с отдельными лексическими единицами и правилами их употребления, но учатся сопоставлять визуальное представление о предмете с его описанием, закрепленным в значении имени, получают представление о системности в языке. Обучение семантическому анализу выводит учащихся за пределы механического запоминания образцов, дает представление об общих правилах построения (именных) словосочетаний.

Аспирантка Е.Л. Морина (Москва)
evmor@pisem.net

РОЛЬ РАЗВИТИЯ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Принимая во внимание тот факт, что язык и речь являются сторонами одного и того же явления, следует отметить их основное отличие. Профессор Р.С. Немов определяет язык как систему условных символов, с помощью которых передаются сочетания звуков, имеющие для людей определенные значение и смысл. Речь же – это совокупность произносимых или воспринимаемых звуков, имеющих тот же смысл и то же значение, что и соответствующая им система письменных знаков. Язык един для всех людей, пользующихся им, речь является индивидуально своеобразной. Речь без усвоения языка невозможна, в то время как язык может существовать и развиваться относительно независимо от человека [Немов, 2006, с. 313].

Обладая этими знаниями, мы предлагаем уделять речи, как средству мышления, не меньшее внимание, чем языку в вопросе взаимосвязи языка и мышления в процессе обучения иностранным языкам. Здесь следует отметить, что *мышление* – это опосредованное – основанное на раскрытии связей, отношений, опосредований – и обобщенное познание объективной реальности [Рубинштейн, 2006, с. 309]. Основываясь на утверждении С.Л. Рубинштейна о том, что «во всякое мышление включаются более или менее наглядные чувственные образы; понятие и образ-представление даны в нём в неразрывном единстве» [Рубинштейн, 2006, с.334], мы не будем выделять конкретные виды мышления, а поговорим о понятии «образ», который обогащает наши мысли и помогает нам использовать его свойства при изучении иностранного языка. Семантика слова «образ», или по-другому «эйдос» в средневековой философии актуализируется как архетипическая основа вещей, как прообраз вещей и понятий в мышлении. А поскольку лингвисты различают в слове три элемента, одним из которых является *образ*, а остальными – *значение* и *звук*, мы предлагаем рассмотреть процесс запоминания иностранных слов в процессе изучения иностранного языка именно на основе данных составляющих. Л.С. Выготский утверждает, что «этимологические исследования показывают: даже если слово утратило свой образ, то в предшествующем значении оно всегда имело его и, следовательно, ни одно слово не возникает случайно, нигде связь между смыслом и звуком не является произвольной, и всегда она коренится в сближении двух сходных явлений. Отсюда легко видеть, что всякие процессы понимания, в том числе и понимания языка, психологически означают *связь*» [Выготский, 2005, с. 203-204]. Отсюда следует вывод, что понимание иностранного языка означает умение устанавливать связь между звуками и значениями слов. Здесь уместно привести высказывание Л.М. Веккера о том, что «к речи как к собственно психическому процессу относятся, прежде всего, образы слов. Слуховые, зрительные или кинестетические образы слов – в прямом и точном смысле этого понятия частный случай образов и, соответственно, частный случай психических процессов, отвечающий их сенсорно-перцептивному уровню, но уже не предметного, а речевого восприятия. И если слова, воздействующие на анализаторы человека, слова как второсигнальные раздражители представляют собой типичную форму кодов (в данном случае речевых), то образы слов есть психическое отображение этих кодов» [Веккер, 2000, с. 609]. Исходя из этого, правомерно утверждать, что речь тесно связана с образным мышлением. Но «мыслит не «чистая» мысль, а живой человек, поэтому в акт мысли в той или иной мере всегда включается и чувство. Мысль, заостренная чувством, глубже проникает в свой предмет, чем «объективная, равнодушная, безразличная мысль» [Рубинштейн, 2006, с. 317-318]. Конечно, здесь под словом «чувство» подразумеваются *эмоции*. А по словам И.М. Румянцевой, «формирование речи человека как познавательного процесса неразрывно связано с эмоциями, поэтому и обучение иноязычной речи взрослых людей по модели естественного формирования речи в онтогенезе непременно должно развивать и их эмоциональную сферу» [Румянцева, 2004, с. 226].

Таким образом, обобщая вышесказанное, считаем необходимым развитие образного мышления в процессе обучения иностранным языкам, уделяя этому особое внимание при заучивании иностранных слов. Принимая во внимание, что слово на родном языке включает в себя три элемента: *значение, звук и образ*, предлагаем соотнести эти понятия с иностранным словом, где звук – это произношение, значение – это перевод, а образ остается *неизменным*, как устойчивое проявление закрепления языковых единиц в памяти. Что, на наш взгляд, и является залогом эффективного запоминания иностранных слов, включая написание слова, его произношение и перевод. Следовательно, эмоциональный мысленный образ обеспечивает устойчивое запоминание иностранных слов при условии хорошо развитого образного мышления.

Канд. филол. н. О.Г.Мукина (Ульяновск)
mukina_o@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ СИНЕСТЕЗИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Языковая картина мира человека всегда была предметом живого интереса у лингвистов. И сегодня в лингвистических исследованиях наблюдается процесс расширения представлений о формировании языковой картины мира человека. В связи с этим большой интерес к себе вызывает проблема изучения такого языкового явления, как синестезия – феномена восприятия и ощущения.

С развитием психолингвистики и фоносемантики лингвисты стали проводить попытки разработать методики, которые возможно применять на уроках русского языка и литературы. Данная проблема решается с помощью создания специальных тестов, электронных программ и сетевых ресурсов, при ознакомлении с которыми учащиеся смогут развить свои коммуникативные способности на учебных занятиях.

Изучение синестезии на уроках связано с чувственной выразительностью окружающего мира и является условием успешного формирования механизмов образно-эстетического понимания поэтической и прозаической речи.

Учитель, опираясь на теорию синестезии, должен использовать различные виды искусств на уроках для создания целостного представления у учащихся об исторической эпохе, художественном образе. Тем самым будут задействованы различные рецепторы учащихся, и один психофизический механизм дополняет другой, например, музыка вызывает слуховые представления, живопись – зрительные, архитектура – пространственные, что создает целостную картину бытия. Использование разных видов искусств на уроке русского языка позволяет пробудить целую гамму чувств и ассоциаций [Томашева, 2010, с. 14].

Известно, что в последние годы существенно усовершенствовались технические возможности в преподавании словесности в школе. Так, информационно-коммуникационные технологии дают возможность приблизиться к оригинальному живописному произведению того или иного художника, увидеть многообразие красок полотен, способствуют разнообразию деятельности учащихся как на уроке, так и во внеурочное время, позволяют совершить виртуальную

экскурсию по музеям и галереям мира, заочно посетить новые выставочные экспозиции, в деталях изучить живописное полотно, получить справку по интересующему вопросу [там же, с.15].

Для благоприятного обучения и развития творческих и эстетических способностей младших школьников и подростков необходима разработка методик или отдельных упражнений, направленных на использование всех органов чувств синхронно. К примеру, язык и музыка рассматриваются в тесной связи с визуальным миром живописи. Предпринимаются попытки соотнести язык с цветовой палитрой. Например, ученикам предлагается «озвучить» или «раскрасить» буквы алфавита.

Также возможен иной вариант «звуковой живописи» – учащимся предлагаются несколько фигурок, которые также необходимо раскрасить и объяснить, какие звуки они могут издавать и почему. Чаще всего «звуковая живопись» применяется при исследовании простой синестезии, которая представляет собой комбинацию двух ощущений, в нашем примере – слуха и зрения, осязания и зрения и т.п., например «голос сладкий», «жёлтая грусть».

На уроках литературы в ходе анализа лирического стихотворения представляется уместной работа учащихся по выявлению данного явления в речи того или иного поэта XIX-XX веков.

В старшем звене возможны задания, направленные на объяснение функции явления синестезии в создании поэтического текста или же предполагающие анализ синестетических контекстов с точки зрения их морфологической и синтаксической организации:

Смолкнул *яркий говор* сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Все кругом меня.

[Фет, 1972, с. 152]

Контекст *яркий говор* – это модель *сущ.+прил.*, вид синтаксических отношений – *определятельные отношения*, подчинительная связь – *согласование* и т.д. [Мукина, 2013, с. 2].

Использование этих упражнений возможно не только на уроках русского языка и литературы, но и риторики, мировой художественной культуры, изобразительного искусства, музыки. В частности, применение данных упражнений на уроках русского языка целесообразно при изучении основных разделов языка: словообразования, фонетики, морфологии.

При выполнении такого типа заданий углубляются представления учащихся о поэтическом мире мастеров слова разных столетий, содержательности его художественной формы, актуализируются знания о поэтическом языке и его особенностях. Изучение явления синестезии на уроках способствует лучшему пониманию учащимися текста лирического произведения, расширяет их представления о средствах художественной изобразительности, развивает эстетический вкус, активно формирует их языковую картину мира и наглядно-образное и творческое мышление.

Цитируемая литература

Мукина, О. Г., Янушевский, В. Н. Изучение поэтического языка. Явление синестезии [Текст] // Материалы НПК «Современная филология: проблемы изучения и преподавания языков (русского, родного, иностранного и русского как иностранного) и литературы в школе и вузе», Ульяновск : ИПКПРО, 2013.

Томашева, А. А. Синестезия и её развитие у детей на учебных занятиях в музыкальной школе [Текст] : автореф. ... канд. пед. наук : 19.00.07. / А. А. Томашева. – Екатеринбург, 2010. – 24 с.

Фет, А. А. Собрание сочинений [Текст] : в 2 т. / А. А. Фет. – М. : Худож. лит., 1972.

*Докт. филол. н., докт. психол. наук И.М. Румянцева (Москва)
irina.m.rumyantseva@gmail.com*

РЕЧЬ, МЫШЛЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Необходимость развития мышления в процессе обучения иноязычной речи (а речь – это язык в действии) определяется тем фактом, что мышление и речь тесно связаны между собой. Речь часто называют инструментом, средством, или формой мышления. Но, по словам С.Л. Рубинштейна, речь есть нечто большее, чем внешнее орудие мысли: она включается в самый процесс мышления как форма, связанная с его содержанием [Рубинштейн, 1999, с. 395].

Мышление как высшая психическая функция человека – настолько сложное и многогранное явление, что подходить к его описанию можно с разных сторон. Именно поэтому существуют различные классификации видов мышления.

Так, С.Л. Рубинштейн выделяет, прежде всего, *мышление наглядное* и *теоретическое*. Вместе с тем он говорит, что различие между ними относительное и считает заблуждением, «будто образ является только низшим уровнем познания», ибо невозможно исчерпать действительность одним лишь понятием. [Там же. С. 335].

Традиционная психология делит мышление на *теоретическое* и *практическое* – *наглядно действенное*. Мы же солидарны с С.Л. Рубинштейном в том, что «с практикой связано, в конечном счете, всякое мышление». [Там же. С. 337].

Нам, однако, представляется, что не следует считать теоретическим (отвлеченным, абстрактным) лишь понятийное (логическое) мышление. Таким же теоретическим, абстрактным может являться и мышление образное, которое, хоть и основано на наглядном представлении, способно выводить образ далеко за рамки наглядности.

Исходя из сказанного, мы предлагаем опереться прежде всего на привычную классификацию мышления, которая включает такие его виды как *логическое (понятийное) мышление*, *образное мышление* и *наглядно-действенное мышление*. Заслуживает внимания и *интуитивное мышление*, механизмы действия которого определяются подсознанием. Однако самым продуктивным ви-

дом мышления следует, пожалуй, считать *мышление творческое* или *нестандартное*, создающее качественно новые ценности и основанное на воображении.

Профессор Кембриджского университета Эдвард де Боно предлагает вообще классифицировать мышление лишь по двум категориям: *мышление вертикальное* (традиционное, обычное) и *мышление латеральное* («боковое»), т.е. творческое, нестандартное, которые не противостоят, а дополняют друг друга [Боно, 1997, с. 9]. Суть латерального мышления – генерация идей. Вертикальное мышление развивает и углубляет идеи, рожденные при латеральном мышлении.

Существует мнение, что речь, которая тесно сопряжена с логическим мышлением, не имеет связи с мышлением образным. Так, М.Р. Львов пишет: «Из трех известных видов мышления – конкретно-действенного, образного и логического – лишь последнее действительно функционирует на языковом материале. Первые два обходятся без языковых единиц, и неизвестно, применимы ли к этим видам мышления понятия знака и кода» [Львов, 2000, с. 45–46].

Нам представляется, что здесь произошло смешение понятий языка и речи. Язык – это, действительно, знак и код. Но речь – это понятие более широкое: помимо стороны знаковой, в ней присутствует еще психическая сторона. Языковые знаки и коды, воздействующие на анализаторы человека, отражаются и отображаются в психике человека в виде образов и неких схем. Как писал Л.М. Веккер: «К речи как к собственно психическому процессу относятся, прежде всего, образы слов. Слуховые, зрительные или кинестетические образы слов – в прямом и точном смысле этого понятия частный случай образов и, соответственно, частный случай психических процессов, отвечающий их сенсорно-перцептивному уровню, но уже не предметного, а речевого восприятия. И если слова, воздействующие на анализаторы человека, слова как второсигнальные раздражители представляют собой типичную форму кодов (в данном случае речевых), то образы слов есть психическое отображение этих кодов» [Веккер, 2000, с. 609].

Именно поэтому мы утверждаем, что с речью соотносимо как логическое, так и образное мышление. И потому в обучении иноязычной речи очень важно развивать не только логическое, но и образное мышление, а также мышление творческое, наглядно-действенное и интуитивное [Румянцева, 2004, с. 215-225].

Цитируемая литература

Боно Эдвард де. Латеральное мышление. – СПб., 1997.

Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – М., 2000.

Львов М.Р. Основы теории речи. – М., 2000.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 1999.

Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М., 2004.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Феномен билингвизма неразрывно связан с проблемой формирования билингвальной личности, которая владеет и пользуется двумя языками – в одинаковой мере свободно. Свободное владение языками основано на усвоении языковой картины мира народов, говорящих на разных языках, когда билингв усваивает языковые средства вместе с материальной и духовной культурой народов-носителей этих языков. Если монолингв как языковая личность владеет языком и культурой только одного народа, то билингвальная (двуязычная) личность – это личность, усвоившая вместе с языковыми средствами две национальные картины мира, две национальные культуры.

Особая роль в формировании билингвальной личности принадлежит художественному тексту. Художественный текст обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств его языкового выражения, языковая рефлексия над ними дает читателю определенные знания, но и учит тому, каким образом получить новые, помогает изучающему язык освоиться в новом языковом пространстве. Без чтения художественной литературы не может быть полноценного овладения языком. На материале художественного текста решаются различные учебные задачи – от практических речевых до формирования навыков комплексного филологического анализа художественного произведения.

Для методики преподавания русского языка как неродного и русского языка как иностранного характерно повышенное внимание к проблеме отражения в языке национально-культурной семантики. Особая роль в этом принадлежит лингвокультурологическому анализу [Л.Г. Саяхова 2014: 174]. Задача лингвокультурологического анализа текста – показать, как в тексте отражается лингвокультурная ситуация, каково его общее культурное содержание и ценностные ориентиры. Культурный смысл текста проявляется в его тематике, в композиции (сюжет, фабула, персонажи) и в заглавии, поэтому на лексико-фразеологическом уровне выявляются единицы с национально-культурной семантикой (безэквивалентная лексика, фоновая и коннотативная лексика; фразеологизмы; афоризмы, крылатые выражения; прецедентные тексты; изобразительно-выразительные средства) и сопоставляются с фактами родного языка и культуры, кроме того, выделяется общее и национально-специфическое в языковых единицах.

Погружаясь в богатый и многообразный мир русской классической литературы, учащиеся сталкиваются с трудностями: сложны для понимания как особенности описываемой эпохи, ее законы и приметы, так и отдельные слова и понятия, исчезнувшие из обихода и изменившие свой смысл. Евгений Онегин спешит к умирающему дяде, «летя в пыли *на почтовых*». Что означает строка «...*Стремглав по почте поскакал...*»? Что значат слова: «...*Ярем он барицины старинной оброком легким заменил...*»? Выделенные слова весьма существенны

для уяснения смысла повествования, психологии героев, времени действия. Устаревшая лексика нуждается в комментариях, пояснении, толковании.

В цикле очерков «Записки охотника» И.С. Тургенев впервые показал жизнь русского крестьянства, особенности его быта и национального мироощущения, мировосприятия. В очерке «Бирюк» особого лингвокультурологического комментария требуют такие слова и выражения, которые характеризуют главного героя (*бирюк, кровопийца, бес, душегубец, арпат, зверь*), и слова, связанные с бытовыми традициями крестьянской жизни (*беговые дрожки, возжа, узда, оглобли, изба, плетень, навес, палаты, тулуп, печка, засов, самовар* и др.).

«Русский дух» пронизывает все произведения Л.Н. Толстого и содержится в названиях блюд (*потолок, травник, жаркое, лепешечка черной муки на юраге, мед вареный и шипучий, орехи сырые и каленые орехи в меду, наливки*); в названиях средств передвижения (*дрожки, долгуша, линейка* и др), манере поведения, внешности людей, готовящих русские блюда (роман «Анна Каренина»).

В качестве материала для анализа художественного текста должны привлекаться произведения русской литературы XIX-XX века, в которых особенности русского национального характера нашли наиболее яркое воплощение (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, И.А. Бунин, А.И.Куприн, В.П. Астафьев, В.М. Шукшин и др.). Отбор учебных текстов осуществляется с учетом критериев содержательной и художественной ценности. В этих произведениях русской литературы должны быть отражены яркие, сложные характеры и судьбы героев [Г.Г.Хисамова, С.Р.Ишмуратова 2015].

Описание реалий культуры, лексики с национально-культурным компонентом в русском и родном языках и культурах позволит усвоить национально-культурную специфику языковых средств, поможет создать когнитивную базу, необходимую для общения, что будет способствовать совершенствованию обучения русскому языку.

Цитируемая литература

Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 137 с.

Хисамова Г.Г., Ишмуратова С.Р. Тайны русской души: особенности национального характера (лингвокультурологический аспект исследования) – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 74 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Докт. филол. наук А.Г.Вишняков (Орехово-Зуево)
agvishnyakov@list.ru

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ КАК ТЕКСТ ВО ФРАНЦУЗСКОМ НОВОМ РОМАНЕ

«Прерогатива человека на земле – называть вещи по имени и систематизировать их. И вещи, так сказать, опускают глаза перед ним, когда он их кличет по имени. Имя – это власть».

Томас Манн, «Лотта в Веймаре»

Общий для всех новороманистов (и искусства XX века вообще) отказ от позитивистской веры в возможность воссоздания средствами литературы человека, его внутреннего мира и даже внешнего облика как чего-то целостного и поддающегося рациональному объяснению, лёг в основу того, что в отечественном литературоведении характеризовалось пугающим термином «дегуманизация». «Смерть персонажа» в литературе XX века и в Новом Романе в частности давно стала общим местом литературоведения. Герой раскрылся, и новороманисты начали разнонаправленные, но генетически практически идентичные (с поправкой на жизненный и эстетический опыт, возраст, пол и темперамент) поиски нарративно-фикционального ядра текста в персонаже и его имени.

Нельзя сказать, что в литературной традиции нет примеров подчёркивания имени персонажа, достаточно вспомнить «говорящие фамилии» Правдиных, Скотининых и других. Но общая установка на искусство как облагороженную реальность явственно проявилась и в именовании персонажей. Все герои здесь достаточно легко идентифицируемы и различимы. Вспомним, как Натали Саррот, восхищаясь в «Эре подозрения» экспериментами с именованием персонажей у Пруста и Кафки, добавляет к ним Фолкнера за его «смелый и плодотворный опыт» в «Шуме и ярости», где дядю и дочь зовут Квентин(-а). Подобная ситуация, обычная для любой достаточно большой семьи – уникальна для литературы домодернистского периода, в которой, даже присутствуя латентно как отражение реальности, она снимается на уровне текста: так, то что старую Ростову тоже зовут Наташей, упоминается лишь раз в сцене именин, но не порождает никакого игрового люфта в духе фолкнеровского кунштюка.

Имя может двойтаться, тройтаться или вообще таять в калейдоскопном туннеле зеркал. Имя может заменять характерная и характеризующая кличка-оберег. Отказав персонажу в имени, можно разрушить, размьть или обратить в ячеистую (питающую и питающуюся) мембрану казавшуюся непроницаемой перегородку между Автором и персонажами. Ниже – некоторые и самые яркие примеры из произведений новороманистов.

Начать можно с Алена Роб-Грийе, в продолжение линии Кафки уделяющего игре с именами большое внимание. Героиню «Ревности» зовут «А...», в «Мариенбаде» действуют «А» (женщина) и «Х» (мужчина), а в фильме 1963 г. «Бессмертная»: L, N, M. В «Романесках» «А» грийевских героинь расшифровывается как «Анжелика», там же герой Анри де Коринт сливается с двумя другими, чьи имена, звуча так же, пишутся по-другому. В «Воспоминаниях золотого треугольника» инспектор полиции Фрэнк В.Френсис оказывается одновременно главным преступником, причём эта оппозиция заложена уже в его как бы англосаксонском имени, которое одновременно прочитывается и так: Фрэнк против Френсиса («Franck V. Francis»). Героя «Басни» Пенже зовут Miaille, что в произношении отсылает к двум важнейшим английским субъектному и объектному местоимениям (*меня* и *я*), неразделяемым в психике нормального человека, к которым никак нельзя отнести этого героя, имя которого постепенно меняется на Мьет (Крошка).

Для новороманистов вообще имя чаще всего было своего рода переходным модулем между фикциональным и нарративным уровнями текста, чем-то вроде миокарда, где венозная и артериальная кровь переплетаются, не встречаясь, единственный, но жизненно важный для всего организма раз. К примеру, творчество Маргерит Дюрас поражает маниакальным пристрастием к экзотическим и разнообразным именам и фамилиям; так из восьмидесяти трёх названий её произведений (книг, пьес, фильмов, очерков) восемнадцать включают в себя или полностью состоят из имён собственных.

Обильный материал для анализа дают имена у Клода Симона. В романах 50-х годов есть и экзотические, и модные *американизированные*, и вполне заурядные. Позже имена уйдут из книг Симона, и их заменят прозвища или эпитеты (*Американец, Итальянец, Человек-Ружьё*), односложные или элементарные слова (он, мужчина, старик, больной человек), сардонические характеристики, где одна часть иронически переосмысляет или отменяет другую (*Сенатор-коммунист со славянским именем* (Володя Тейтельбойм), *Степной Толстой* (Айтматов). Подобных *квазиимён* особенно много в «Приглашении», где автор как бы играет с читателем, зашифровывая в некоем синкретическом, архаическом прозвище фамилию реального известного человека, например *Англичанин с русской фамилией, но швейцарским гражданством* – П.Устинов, или *Один из мужей самой красивой женщины мира* – А.Миллер. Единственный персонаж «Приглашения», чьё наименование подчёркнуто нейтрально, сдержанно, что выглядело очень контрастно на фоне восторгов по поводу его прототипа на Западе, – *Генеральный Секретарь*, который, впрочем, тоже иногда увенчивается титулом – громоздким и убийственно ироничным в своей деланной нейтральности – *Один из двух самых могущественных людей на Земле* (развенчанию этого призрачного могущества в книжке посвящены едва ли не самые сильные, шекспировские по размаху и тематике, страницы).

Итак, имя для новороманистов – это сема слова, квинтэссенция языка, семя, прорастающее сквозь любые толщи и потоки его письма и даже сквозь пустоту (обманчивую, как мы попытались показать) анонимности, отказа от Имени как щита и щитка (в значении *mise en abyme*) нелюбимого ими Персонажа.

ПЕРСОНАЖНО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЧУЖОГО СОЗНАНИЯ

В современной лингвистике и литературоведении наблюдается отчетливый всплеск интереса к типам повествователя. Если раньше образ автора отделялся от образов персонажей [ср. Домашнев, Шишкина, Гончарова, 1983], то в современных исследованиях выстраивается единая система «автор – герой – читатель» [Данилова, 2001, с. 128]. Такая систематизация восходит к системе повествовательных оппозиций, предложенной К. Гамбургер [Hamburger, 1968, с. 176], в которой фикциональность авторского повествования противопоставлена иллюзии реальности высказывания персонажа. Развивая идею системности в структуре повествования, В. Шмид [Schmid, 2005, с. 181-225] приходит к мысли об интерференции текстов рассказчика и персонажей и рассматривает текстовую интерференцию как **трансформацию речи персонажей**. Тем не менее, вводя в повествование речь персонажа, автор создает его фиктивный внутренний мир, моделируя сознание, отличное как от собственного, так и от сознания другого персонажа. В обоих случаях это чужое сознание.

Цель работы – выстроить систему персонажной речи в художественном нарративном тексте и показать этот вид речи как способ моделирования чужого сознания в «устах» автора.

К видам персонажной речи относят **прямую, косвенную, пересказанную, несобственно-прямую и несобственно-авторскую речь**. Исследования этих видов проводилось на материале многих языков, в том числе немецкого. Речь, которая передает чужое высказывание дословно, называют прямой. Поскольку **прямая речь** дается в авторском изложении, представляя речевой портрет персонажа, она является средством **имплицитной авторской интерпретации его сознания**. Исходя из этого, мы – в отличие от других авторов – включаем ее в систему **персонажно-авторской речи**.

Косвенная речь передает содержание чужого высказывания устами автора или другого персонажа. При этом нередко теряется эмоциональная окраска речи и ее индивидуальные особенности. Трансформация прямой речи оформляется либо в виде придаточной части в составе сложноподчиненного предложения с придаточным объектным [ср. Гундарева, Кострова, 2005], либо в виде самостоятельного предложения, оформленного особым образом, в немецком языке, например, с помощью конъюнктива. Косвенное высказывание передает авторскую интерпретацию как высказанной речи, так и мыслей и чувств персонажа. Вводящее средство может **эксплицитно характеризовать сознание персонажа**.

Пересказанная речь не всегда отграничивается от косвенной. На наш взгляд, эти понятия следует различать в соответствии с исследовательским подходом: при описании косвенной речи акцент делается на ее грамматико-стилистическую характеристику, понятие пересказанной речи используется, ес-

ли имеется в виду ее соотнесение с источником передаваемой информации [ср. Кострова 2017]. Пересказ позволяет подчеркнуть **особенности чужого сознания**.

Несобственно-прямая (НПР) и **несобственно-авторская речь (НАР)** предполагают переплетение голосов автора и персонажа.

НПР формируется на основе слияния перспектив автора и персонажа за счет сжатого эмоционального представления мыслей последнего. В НПР отсутствует вводящий глагол, вследствие чего мысли персонажа предстают перед читателем как **факт его сознания**.

НАР предполагает слияние перспектив автора и персонажа с указанием на речевое или ментальное действие последнего. Автор актуализирует в сознании персонажа **реминисценции, имагинации и сенсуализации**. В.А. Жеребков рассматривает НАР как понятие, перекрывающее все виды речи, синтезирующие перспективы автора и персонажа, исключая прямую речь [Žerebkov, 1988, с. 193]. В отличие от этого, мы называем перекрывающее понятие **«персонажно-авторская речь»**, поскольку вводим в систему прямую речь, меняя соотношение долей авторского и персонажного компонентов. Термин НАР отражает преобладание авторского компонента, с введением в систему прямой речи возрастает доля персонажного компонента, что позволяет считать, что предлагаемый нами термин адекватно отражает совокупность видов речи, в которых автор в той или иной степени цитирует своих персонажей.

Таким образом, персонажно-авторская речь **специфицирует моделирование чужого сознания** в зависимости от степени участия автора в ее изложении. Наивысшую степень проникновения в сознание персонажа представляет повествование от первого лица, в котором автор передает роль рассказчика фиктивному персонажу. Высказанные положения иллюстрируются на материале романа К. Крахта *“Faserland”*.

Канд. филол. наук Э.А.Лаврова (Орехово-Зуево)
lavrova_eal@mail.ru

ПОЧЕМУ ЖЕ ПЛАКАЛ ПЕЧОРИН?

Нет в России человека, которому не объяснили в школе, что Григорий Печорин, будучи индивидуалистом, не лишен человеческих слабостей – плачет же он, не догнав Веру, которая ради него поставила на карту свою честь и благополучие семьи, но однажды не выдержала...

Если же посмотреть на демонизированную личность главного героя романа М.Лермонтова «Герой нашего времени» под несколько иным углом, многое в его поведении, образе мыслей, поступках сложится в одну любопытную картинку. Безусловно, речь не может идти о создании писателем типа психически нездорового человека, но, тем не менее, «информация для размышления» присутствует. Давайте вспомним, что же с ним происходит в данной сцене.

Печорин столь эгоцентричен, что неспособен ни на дружбу, ни на любовь, а если ему и становится жаль своих жертв, то это лишь на минуту, что много раз демонстрируется в тексте. Можем ли мы верить его словам о боли, испытанной им после отъезда Веры? Вряд ли, ведь, поплакав, порадовавшись за эту свою возможность, он успокаивает себя, хладнокровно объясняя причины, спровоцировавшие слезы вне зависимости от инцидента («ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок» [М.Ю.Лермонтов, 2005, с. 19]). То есть слезы – все же минутная слабость, обусловленная стечением обстоятельств, не более, к тому же, после этого приключения ему удалось хорошо поспать... Цинизм, самооправдание, а не глубокое чувство транслирует читателю герой.

Будучи представителем психопатического типа личности, он отличается склонностью манипулировать окружающими, поверхностными эмоциями, снижением моральных основ. В то же время, говоря о **когнитивной установке**, нужно помнить, что она не одномерна. Акцентуированные личности не являются патологическими, иначе любого, кто выходит за средний уровень, нужно было бы признавать аномальным. На самом же деле в них потенциально заложены две возможности: они могут реализовать себя и как социально значимого человека, и наоборот, если жизненные обстоятельства им не благоприятствовали, что мы и наблюдаем в случае с Печориным. Чтобы чувствовать себя живым, он постоянно экстремально стимулирует себя. Удивительно, но при этом присутствует и самоконтроль, способность к рефлексии. Однако выводы он делает специфические. Для него характерны такие признаки, как фиксация на собственной личности, способность и огромное желание манипулировать людьми, неспособность к искренним чувствам, ощущение своего превосходства, требующее постоянного подтверждения, своеобразное «выгорание» от антисоциальных тенденций к моменту написания «Журнала» и т.д. И при этом практическое признание в себе социопатических тенденций, что требует известного мужества. В результате перед читателем предстает сложная, противоречивая личность, осознающая свои противоречия и неспособная им противостоять.

И уж совсем станет понятно, что творится с Печориным, если обратиться к книге П.Б.Ганнушкина «Особенности эмоционально-волевой сферы при психопатиях // Психология эмоций». Как подходит лермонтовскому герою данное определение: «Крайний эгоизм и самомнение не оставляют места в их личности для чувства симпатии, для хорошего отношения к людям, активность побуждает их к бесцеремонному отношению к окружающим людям, которыми они пользуются как средством для достижения своих целей; сопротивление, несогласие, борьба, на которые они иногда наталкиваются, вызывают у них и без этого присущее им по самой их натуре чувство недоверия, обидчивости, подозрительности» [П.Б.Ганнушкин, 1984, с. 266-267].

П.Б.Ганнушкин отмечает, что «самой важной такой сверхценной идеей параноика обычно является мысль об особом значении его собственной личности <...>: вся окружающая действительность имеет для них значение и интерес лишь постольку, поскольку она касается их личности; все, что не имеет близко-

го, интимного отношения к его "я", кажется параноику мало заслуживающим внимания, мало интересным» [П.Б.Ганнушкин, 1984, с. 269].

Смешно и плоско объявлять Печорина психически несостоятельным, но абсолютно справедливо отметить еще раз талант великого русского писателя, сумевшего создать тип человека исключительного и одновременно типологически сопоставимого с другими подобными героями и даже реальными людьми подобного склада. «Байроническая личность», романтический демонизм и проч. – литературоведческая атрибутика, имеющая место. Но не будем забывать, что все персонажи суть проекции личностей «живых» людей, являющих собой сложные переплетения разных психотипов, что и доказывает история Григория Александровича Печорина. А отчего он плакал так горько, пусть каждый объяснит себе сам. Свою точку зрения мы высказали.

Докт. филол. наук Л.А. Сергеева (Уфа)
sergeevala@list.ru

ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ИДИОСТИЛЕ А.П. ЧЕХОВА

Важнейшим свойством художественного стиля А.П. Чехова является краткость. Исследователь его творчества Н.М. Фортунатов подчеркивал, что «понятие краткости должно трактоваться... как интенсивность и внутренняя целесообразность высказываемой художественной мысли, как использование определенных принципов выражения авторского замысла» [Фортунатов, 1986, с. 5]. Интенсивность художественной мысли, в свою очередь, обуславливает высокую степень смысловой компрессии, а следовательно, имплицитности чеховского текста.

Понимание авторского замысла невозможно без интерпретации смысла текста, поскольку смысл – это то, «что на самом деле имеет в виду говорящий, суть высказывания или текста, его *идея, нафос* <...> это проекция плана содержания языкового выражения на сознание интерпретатора с присущими ему представлениями о мире и системой ценностей» [Кобозева, 2000, с. 307]. Интерпретация текста – это одновременно и толкование его содержания и раскрытие его глубинного смысла, а кроме того, принятие или отторжение читателем авторской системы ценностей. В результате интерпретации выявляется произведение – содержание, которое «производится» читателем при его осмыслении.

Имплицитность имеет свои механизмы введения и вывода. Автор художественного текста оставляет читателю «сигналы текстовой адресованности»: случаи асимметрии формы и содержания языковых единиц, текстовые реминисценции, ключевые слова, интертекстуальность и другие маркеры скрытого содержания, которые направляют читателя в его интерпретативной деятельности. Рассмотрим характерные для стиля А.П. Чехова приемы семантической компрессии, позволяющие вводить имплицитную информацию.

На наш взгляд, типичным является прием подмены одной сущности другой, который используется в различных вариантах. Типичный случай – искаже-

ние референции. Искажение референтного события у А.П. Чехова имеет глубокий смысл: неверно понятая, «искаженная» в сознании персонажа ситуация может оказаться наиболее правильным о ней представлением [Сергеева, Хисамова, Шаймиев 2014:11]. Так, например, в рассказе «Кухарка женится» событие сватовства кухарки передано сквозь призму восприятия ребенка, который многого не видит и не понимает в силу своего возраста, но он видит, точнее, чувствует главное, и именно детскую интерпретацию этого события как акта человеческого насилия принимает читатель. В текстах других рассказов искажение референции может быть обусловлено изменением психического состояния персонажа вследствие опьянения, болезни, психологической защиты и т.п.

Подмена одной сущности другой проявляется также в метонимии, которая отражает одну из основных особенностей человеческого мышления – стереотипность, благодаря которой человек способен по части чего-либо узнать целое и получить дополнительную информацию. Например, в рассказе «Ночь на кладбище» метонимическая замена лексемы *вино* во фразе: *Всё это кажется мне оттого, что в моей голове сидят Дебре, Бауэр и Арабажи...* (марки вин – Л.С.) – указывает на состояние сильного опьянения персонажа. Тонкий психолог, А.П. Чехов способен передать эмоциональное состояние персонажа через указание на какую-либо деталь его поведения (в том числе и речевого), мимику, жест. В связи с этим лексемы (словосочетания), называющие какую-либо психологическую деталь, играют важную роль в смысловой структуре текста и часто являются ключевыми словами.

Таким образом, в художественном тексте А.П. Чехова имплицитность является результатом сложного взаимодействия трех основных источников: автора, читателя и самого текста. Имплицитность парадоксальна: с одной стороны, она дополняет и модифицирует вербализованные смыслы и может выразить то, чего нельзя выразить эксплицитно, но, с другой стороны, дает возможность многое утаить; наконец, она одинаково позволяет автору скрыть свое мнение или заявить о своей позиции – и в итоге оказывает мощное воздействие на сознание читателя.

Цитируемая литература

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Сергеева Л.А., Хисамова Г.Г., Шаймиев В.А. Художественный текст: функционально-коммуникативный аспект исследования: Монография. – М.: МГОУ, 2014. – 192 с.

Фортунов Н.М. Архитектоника чеховской новеллы. – Горький, 1986.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Сочинения: в 18 тт. 2-е изд. Т. 4. – М.: Наука, 1984. – С. 135 – 139.

ПОЭТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА И МИСТИКА КАК ФОРМЫ ДУХОВНОГО ГНОЗИСА

Общим качеством «музыкальных» и мистических переживаний, исследуемых в труде М.В. Ладыженского «Сверхсознание и пути его достижения», анализирующего разные сверхчувственные практики, оказывается «*неизреченность*» [М.В.Ладыженский, 2002, с. 483], то есть невозможность найти вербальные эквиваленты тому, что открывается духовидцу. Современник русского символизма, психолог В. Джемс, исследуя «многообразие религиозного опыта», вслед за Ф. Ницше («Рождение трагедии из духа музыки», 1872), подчеркивает внутреннее родство духовных состояний и музыки. Ученый заявляет, что «не логическая речь, а скорее музыка является тем элементом, через посредство которого мы наилучшим образом воспринимаем мистические истины». И далее делает вывод: «Музыка, несомненно, дает нам онтологические откровения» [М.В.Ладыженский, 2002, с. 335]. В данном контексте показателен духовно-гносеологический термин «откровение».

А.Ф. Лосев в фундаментальном исследовании «Музыка как предмет логики» (1920 – 1926) формулирует основные свойства «чистого бытия» музыки через следующие характеристики: «внепространственность», «свобода» от предметной оформленности или «беспредметность» и «слитность», дающая чувство «цельного» и «простого». Мыслитель заключает, что «чистое музыкальное бытие» есть «последняя слитность и как бы предельная водвинутость одного предмета в другой; оно есть их нерасчленимое воссоединено-множественное единство» [А.Ф.Лосев, 1995, с. 421]. Эти качества *музыкального* бытия близки характеристике духовных состояний, феноменологическим свойствам *духа*. А интуитивное переживание «цельного» и «простого» в святоотеческой мысли связывается с символическими атрибутами Бога как Существа «Цельного» и «Простого», то есть Неделимого на Части. Св. Иоанн Дамаскин в вероучительном сочинении «Точное изложение православной веры» говорит о сложности богопознания и духовного познания вообще в антиномических формулах: «Кто хочет говорить или слушать о Боге, тот должен знать, что не все, касательно Божества и Его домостроительства, невыразимо, но и не все удобовыразимо, не все непознаваемо, но и не все познаваемо; ибо иное значит познаваемое, а иное – выразимое словом, так что иное дело говорить, а другое – знать». Далее следует своеобразный «импрессионистический» поток характеристик Бога, среди которых присутствует и указанное Лосевым «музыкальное» чувство «целого» и «простого». Вероучитель утверждает: «Что Бог безначален, бесконечен, вечен, присносущен, несоздан, неизменяем, непреложен, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неограничен, беспределен, неведом, непостижим, благ, праведен, всемогущ, вседержитель, всевидец, всепромыслитель, всевладыка и судья – это мы и знаем, и исповедуем, равно как и то, что Бог есть един, т.е. одно существо <...>» [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 4]. Напомним, что св. Иоанн Дамаскин был не только авторитетным богословом и философом, но и автором

многочисленных церковных песнопений, молитв и гимнов; христианским поэтом, получившим духовную санкцию на творчество от Самой Богородицы. История жизни и творчества этого святого поэтически интерпретируется в балладе А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1858). Д. Андреев называет ее автора одним из поэтов-вестников [Д.Л. Андреев, 2009, с. 499].

Указанные символические свойства музыки и духовного опыта приводят к тому, что мистическое откровение действительно переживается именно как музыкальное: «Действительно, – пишет В.Джемс, – многие произведения мистиков представляют собою только музыкальные созвучия» [В.Джемс, 1992, с. 335]. Очевидно, эти «созвучия» выражали иррациональное чувство ноуменального единства мира.

Цитируемая литература

Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.

Джемс В. Многообразие религиозного опыта. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992. – 418 с.

Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение православной веры. – М.: Центр по изучению религий, 1993. – 167 с.

Ладыженский М.В. Сверхсознание и пути его достижения. – ЭКСМО-Пресс, 2002. – 896 с.

Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. – М.: Мысль, 1995. – 944 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии.....	3
---------------------	---

Проблемы языка и мышления

в генетическом и сопоставительном аспектах	6
---	----------

Канд. филол. наук Ф.И.Артыкбаева (Шымкент, Казахстан)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	6
---	---

Канд. филол. наук Л. И. Батурина (Ресифи, Бразилия)

БРАЗИЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ ГЛАЗАМИ ЛИНГВИСТА-ИНОСТРАНЦА	7
---	---

И.А. Гончарова (Орехово-Зуево)

РАЗВИТИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ.....	11
--	----

Докт. филол. наук Н.В.Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЭТНОСА В ПРИЗМЕ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ	13
--	----

Канд. филол. наук Е.В.Ковалевская (Орехово-Зуево)

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ПРИНЦИПА МЕТАФОРИЗАЦИИ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	15
--	----

Докт. филол., канд. психол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево)

СЛОЖНАЯ СУДЬБА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ В ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	19
--	----

Докт. филол., канд. психол. наук А.В.Пузырёв, студ. И.А.Белова,

О.В.Филимонова (Орехово-Зуево)

ЗАВИСИМОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК М.Ю. ЛЕРМОНТОВА НА СОЦИАЛЬНОМ, ПРИНЦИПИАЛЬНОМ И ИНТЕГРАТИВНОМ УРОВНЯХ ОТ ХАРАКТЕРА ПРОТЕКАНИЯ ЕГО ДЕТСТВА И ЮНОСТИ	37
---	----

Канд. психол. наук С.В. Солдатова (Орехово-Зуево)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ В ОНТОГЕНЕЗЕ.....	63
--	----

Доктор филол. наук И.В. Труфанова (Москва)

ОБ ОДНОМ ОБОЙДЁННОМ ТОЛКОВЫМИ СЛОВАРЯМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ СО СЛОВОМ ИНОЙ.....	65
--	----

Prof., Dr. T.A. Janssen-Fesenko (Oldenburg),

Dr. S.L. Fesenko (Sankt-Petersburg)

MODERNE WELT UND «GEDÄCHTNISPROBLEME»	67
---	----

Логико-структурные аспекты

проблемы язык и мышление	69
---------------------------------------	-----------

Докт. филол. наук С. Г. Воркачев (Краснодар)

МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА.....	69
---	----

Канд. филол. наук Н.В.Гаврилова (Орехово-Зуево)

НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ.....	70
------------------------------------	----

<i>А.Д. Гимаева (Ульяновск)</i>	
О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЭМФАТИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ» И «ПРОДЛЕНИЕ ЗВУКОВ»	73
<i>Канд. филол. наук С. В. Дмитриук (Москва)</i>	
ФАКТОР ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА	77
<i>Докт. филол. наук С.В. ИONOVA (Волгоград)</i>	
ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ: ПОИСК ЕДИНИЧНОГО И ОСОБЕННОГО	79
<i>Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)</i>	
РУССКИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА <i>КАКОЕ ДЕЛО ЕМУ ДО ЭТОГО?</i> (ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)	81
<i>Студ. А.А. Малахова, канд. филол. наук О.А. Касаткина (Орехово-Зуево)</i>	
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	86
<i>Докт. филол. наук Т. С. Кириллова (Астрахань)</i>	
СИНХРОНИЧЕСКАЯ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА СОГЛАСНО КОНЦЕПЦИИ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА	87
<i>Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)</i>	
ПОНИМАНИЕ КАК ВИД АВТОКОММУНИКАЦИИ	88
<i>Докт. филол. наук С. Л. Сахно (Париж)</i>	
ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ <i>СТРАНА</i> И <i>LATIUM</i> ? ФАКТЫ ИЗОСЕМИИ В РУССКОМ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ: СМЫСЛОВЫЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ	90
<i>Канд. филол. наук Ж.Б. Тхакушинова (Краснодар)</i>	
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АФОРИЗМОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДИНАМИЧНОСТИ МЫСЛИ	92
<i>Канд. пед. наук Н.В. Шишонина (пос. Электроизолятор Московской обл.)</i>	
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ТЕЛЕСКОПИЯ	94
<i>Докт. филол. наук Т.А. Янссен-Фесенко (Ольденбург), канд. филол. наук С.Л. Фесенко (Санкт-Петербург),</i>	
СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ «МИРА ЗНАЧЕНИЙ»	96
Динамические аспекты проблемы язык и мышление	99
<i>А.И. Балыкин, Т.В. Балыкина-Милушкина (Москва)</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО НАГРУЖЕННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ	99
<i>Канд. психол. наук Е.Е. КопченOVA (Орехово-Зуево)</i>	
МОТИВАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ АГРЕССИВНЫХ ДЕТЕЙ	101
<i>Канд. психол. наук А.Ф. Корниенко (Казань)</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ РЕЧИ	103

<i>К. психол. наук С.А. Озерова, педагог-психолог О.Ю. Орлова (Орехово-Зуево)</i>	
РАЗВИТИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	105

Функциональные аспекты исследования

языка и мышления	111
-------------------------------	-----

<i>Канд. филол. наук А.В. Блохин (Орехово-Зуево)</i>	
БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ И СМС-КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	111

<i>Докт. филол. наук Е.И. Голованова (Челябинск)</i>	
РЕКУРРЕНТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ	112

<i>Канд. филол. наук И.И. Зорина (Ульяновск)</i>	
ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ.....	114

<i>Докт. лингвистики, информац. и коммуникативных наук Фр.Йеш (Париж, Франция)</i>	
РЕКЛАМНЫЕ РОЛИКИ /СПОТЫ/ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ.....	124

<i>Канд. филол. наук Г. Р. Кочетова (Кумертау)</i>	
АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОЙ ЦВЕТНОСТИ НА УРОВНЕ СЛОВА И ТЕКСТА	125

<i>И.В. Крашенинникова (Ульяновск)</i>	
РЕЧЕВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТРУКТИВНОСТИ И ДЕСТРУКТИВНОСТИ В МАССОВЫХ ПЕСНЯХ	127

<i>Докт. филол. наук И.В. Приорова (Нанкин, КНР)</i>	
ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ	133

<i>Д-р филологии N. SADI (Algérie), к. филол. н. И.И. Ковалевская (Орехово-Зуево).....</i>	
ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МНОГОЯЗЫЧИЕ В АЛЖИРЕ	136

<i>Канд. филос. наук А.С. Стрельцова (Ташкент, Узбекистан)</i>	
РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ	138

<i>Докт. филол. наук В.И. Шаховский (Волгоград)</i>	
МНОГОЯЗЫЧИЕ СТИЛЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА	140

<i>Канд. филол. н. А.А. Штеба (Волгоград)</i>	
СУММАТИВНОСТЬ СМЕШАННЫХ ЭМОЦИЙ.....	152

Педагогические аспекты исследования

языка и мышления	155
-------------------------------	-----

<i>Канд. психол. наук О.В. Брекина (Орехово-Зуево)</i>	
ДВИЖЕНИЕ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ У ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	155

<i>Канд. пед. наук Е.П.Ильчинская (пос. Электроизолятор Моск. обл.)</i>	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	159
<i>Канд. филол. наук И.И.Ковалевская (Орехово-Зуево)</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМА ПРИ ОБУЧЕНИИ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ.....	162
<i>Аспирантка Е.Л. Морина (Москва)</i>	
РОЛЬ РАЗВИТИЯ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	164
<i>Канд. филол. н. О.Г.Мукина (Ульяновск)</i>	
ИЗУЧЕНИЕ СИНЕСТЕЗИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ.....	166
<i>Докт. филол. н., докт. психол. наук И.М. Румянцева (Москва)</i>	
РЕЧЬ, МЫШЛЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	168
<i>Доктор филол. наук Г.Г.Хисамова (Уфа)</i>	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	170
Исследования языка и мышления поэта и писателя в художественной речи	172
<i>Докт. филол. наук А.Г.Вишняков (Орехово-Зуево)</i>	
ИМЯНАРЕЧЕНИЕ КАК ТЕКСТ ВО ФРАНЦУЗСКОМ НОВОМ РОМАНЕ.....	172
<i>Докт. филол. наук О.А. Кострова (Самара)</i>	
ПЕРСОНАЖНО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЧУЖОГО СОЗНАНИЯ	174
<i>Канд. филол. наук Э.А.Лаврова (Орехово-Зуево)</i>	
ПОЧЕМУ ЖЕ ПЛАКАЛ ПЕЧОРИН?	175
<i>Докт. филол. наук Л.А. Сергеева (Уфа)</i>	
ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ИДИОСТИЛЕ А.П. ЧЕХОВА	177
<i>Канд. филол.н. М.В.Яковлев (Орехово-Зуево)</i>	
ПОЭТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА И МИСТИКА КАК ФОРМЫ ДУХОВНОГО ГНОЗИСА.....	179
Оглавление	181

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Язык и мышление:

Психологические и лингвистические аспекты

Материалы XVII-й Международной научной конференции
(Орехово-Зуево, 17-19 мая 2017 года)

Ответственный редактор *А.В. Пузырёв*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Печатается в авторской редакции

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная вёрстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 28.04.17.
Формат 60х90/16.
Уч.-изд. л. 11,6. Усл. печ. л. 10,8.
Тираж 100 экз. Заказ 87

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии OZ-Print
ИП Козаченко Е.Л.

Адрес: 142600, Россия, г. Орехово-Зуево, ул. Егорьевская, д. 17.
Тел. (8496)415-05-09.